

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е. В. Бойкова

РОССИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ МОНГОЛИИ

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX —
НАЧАЛО XX ВЕКА)

Москва
ИВРАН
2014

ББК 63.3(5Мо)53

Б77

Ответственный редактор М. И. Гольман
Рецензент С. К. Рошин

Бойкова Е. В.

Б77 Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX — начало XX века) / отв. ред М. И. Гольман; Институт востоковедения РАН. — М.: ИВРАН, 2014. — 264 с.

ISBN 978-5-89282-589-4

С середины XIX века по мере продвижения России в Центральную Азию различные государственные и общественные организации, прежде всего военное ведомство, Генеральный штаб Российской империи, а также Русское географическое общество начали регулярно снаряжать экспедиции для изучения Монголии.

Наряду с широко известными исследователями Монголии — Н. М. Пржевальским, Г. Е. Грум-Гржимайло, Г. Н. Потаниным, М. В. Певцовым, А. М. Позднеевым, П. К. Козловым, — прославившимися своими путешествиями по этой стране, существовала группа менее известных исследователей. Это были офицеры Генерального штаба России, которые внесли значительный вклад в разностороннее изучение Монголии. К середине XIX века ее огромная территория была мало исследована, и поэтому данные, полученные каждой военной экспедицией в различных регионах страны, имели большое значение для развития науки о Монголии. Участники экспедиций внесли неоценимый вклад в развитие отечественного монголоведения в дореволюционный период, создав самостоятельное направление в этой отрасли знаний — военное монголоведение.

ББК 63.3(5Мо)53

ISBN 978-5-89282-589-4 © Бойкова Е. В., 2014

© Институт востоковедения РАН, 2014

*В оформлении обложки использована фотография:
Участники экспедиции В. Л. Попова в Монголию (1903)*

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
----------------	---

Глава I

МЕСТО ВОЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ РОССИЙСКОМ МОНГОЛОВЕДЕНИИ	16
---	-----------

1. Дальний Восток как сфера интересов России в XIX веке..... 16
2. Географическое изучение Монголии
русскими исследователями в XVIII–XIX веках 20
3. Научно-исследовательская деятельность
русского Генерального штаба в Монголии35
4. Методика ведения военных исследований
(Д. А. Милютин и А. Е. Снесарев).
Подготовка военных востоковедов.....43
5. «Как путешествовать по Центральной Азии»,
или правила экспедиционной работы по Пржевальскому.....49

Глава II

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МОНГОЛИИ ВОЕННЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ	61
--	-----------

1. Экспедиции Генерального штаба
в Монголию во второй половине XIX века..... 61
2. Экспедиции Генерального штаба и военных округов
в Монголию в начале XX века 98

Глава III

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ В МОНГОЛИИ	114
1. Описание монгольских народностей, их обычаев и традиций	115
2. Русские в Монголии и перспективы российско-монгольских отношений	146
3. Отношение монголов к Китаю и китайцам	158
4. Присутствие японцев в Монголии (начало XX века)	164
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	181
ПРИМЕЧАНИЯ	187
БИБЛИОГРАФИЯ	228
SUMMARY	250
ИЛЛЮСТРАЦИИ	253

CONTENTS

INTRODUCTION.....	7
-------------------	---

Chapter I

MILITARY RESEARCHES IN PRE-REVOLUTIONARY MONGOLIAN STUDIES IN RUSSIA	16
---	-----------

1. The Far East as the sphere
of Russia's interests in the 19th century.....16
2. Geographical studying of Mongolia in Russia
in the 18th –19th centuries20
3. Research activity of the Russian General Staff in Mongolia35
4. Methodology of military researches (D.A. Milyutin and A.E. Snesev).
Training of military Orientalists43
5. “How to travel across Central Asia”,
or N.M. Przhevalskiy's principles of expeditionary work.....49

Chapter II

GEOGRAPHICAL DESCRIPTION OF MONGOLIA BY MILITARY RESEARCHERS	61
---	-----------

1. Expedition of the General Staff in Mongolia
in the second half of the 19th century.....61
2. Expedition of the General Staff and the military districts
in Mongolia in the early 20th century.....98

Chapter III

HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC STUDIES OF THE RUSSIAN MILITARY RESEARCHERS IN MONGOLIA

114

1. Description of Mongol nationalities, their customs and traditions 115
2. Russians in Mongolia and prospects
of the Russian-Mongolian relations 146
3. 'The Mongols' attitude towards China and the Chinese 158
4. Japanese presence in Mongolia (early 20th century)..... 164

CONCLUSION 181

REFERENCES 187

BIBLIOGRAPHY 228

SUMMARY 250

ILLUSTRATIONS 253

Вообще для путешественника, в высоком значении этого слова, требуется сочетание многих незаурядных физических и нравственных качеств, без чего крупный успех дела, даже при самой лучшей внешней обстановке, мало будет обеспечен. Откровенно говоря, путешественником нужно родиться...

Н. М. Пржевальский

ВВЕДЕНИЕ

Когда заходит речь об изучении Монголии российскими исследователями, кажется, что о них и их научных изысканиях известно если не все, то почти все. Ни у кого не вызывает сомнения, что русская школа монголоведения была и остается ведущей в мире. В первую очередь это касается изучения исторического прошлого монгольского народа, его культурного наследия. Основы школы научного монголоведения заложили известные российские ученые еще в XVIII–XIX веках.

Их исследования стали яркой страницей в истории изучения Центральной Азии, и в частности Монголии. Интерес русских исследователей и путешественников к этой стране имел давнюю историческую традицию. Одно из первых путешествий в Монголию совершили казачий атаман Василий Тюменец и тюменский десятник Иван Петров, отправленные в 1616 г. тобольским воеводой Куракиным послами к правителю Западной Монголии Алтын-хану и сообщившие важные сведения об этой стране. Двумя годами позже Монголию посетил казак Иван Петлин, собравший обширную информа-

цию о стране, ее населении и хозяйстве. Он был первым русским, побывавшим в землях Северной Монголии.

В XVIII веке русские — и купцы, и путешественники — стали чаще посещать Монголию, как, впрочем, и Центральную Азию в целом. Но это были в основном не ученые, они не занимались специально сбором и систематизацией материалов по Монголии. Сведения их нередко были субъективными, и на их основе нельзя было создать более или менее целостное представление об этой стране.

В первой половине XIX века научное освоение Монголии становится более активным, что было связано с началом постепенного продвижения России на Восток. В этот период изучением Монголии и Китая занимались такие монголисты и синологи, как Иакинф Бичурин, Палладий Кафаров, Е. Ф. Тимковский, Е. П. Ковалевский и др.

Вторая половина XIX века стала периодом расцвета российского монголоведения. Мировой науке хорошо известны имена таких исследователей Монголии, как Н. М. Пржевальский (1839–1888), Г. Е. Грум-Гржимайло (1860–1936), Г. Н. Потанин (1835–1920), М. В. Певцов (1843–1902), А. М. Позднеев (1851–1920), П. К. Козлов (1863–1935), Б. Я. Владимирцов (1884–1931), В. А. Обручев (1863–1956). Многие из них неоднократно побывали в Монголии, издали труды, посвященные этой стране. Вклад этих ученых в российское и мировое монголоведение давно признан научной общественностью. Именно они в XIX веке положили начало последовательному системному изучению Монголии.

Материалы многих экспедиций этих ученых введены в научный оборот и продолжают оставаться ценными источниками для изучения политической и социально-экономической ситуации в Монголии, ее культуры и шире — монгольской цивилизации во второй половине XIX — начале XX века. Однако, заметим, далеко не весь массив документов и материалов этих экспедиций используется современными исследова-

телями. Кроме того, многие российские подданные, побывавшие в Монголии не только с научными целями (дипломаты, купцы и др.), также опубликовали отчеты и путевые заметки, в которых описывали свои впечатления от этой страны. Значительная часть этих материалов представляет большую научную или познавательную ценность.

Во второй половине XIX века политика России в Азии становится более активной. С этого времени изучение региона велось главным образом по линии Военного министерства Российской империи или же при его поддержке. Как отмечает востоковед, доктор исторических наук А.А. Колесников, «в мире нет такой страны, где бы развитие востоковедной и военной науки так тесно и неразрывно переплеталось, как в России. Особенно это характерно для второй половины XIX и начала XX в.»¹. Среди известных исследователей Центральной Азии, неоднократно побывавших с научными целями в Монголии, были уже упоминавшиеся выше офицеры Генерального штаба Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов и другие. В состав их экспедиций, как и экспедиций Г.Н. Потанина, П.К. Козлова, входили военные исследователи². Будучи заинтересованным в расширении научных и практических знаний о Востоке, военное ведомство поддерживало развитие российского востоковедения³. После Русско-японской войны (1904–1905) и Россия, и Китай заметно усилили свое внимание к Монголии и активизировали там свою деятельность. В Монголии чаще стали появляться российские экспедиции, изучавшие различные стороны жизни этой страны, но прежде всего интересовавшиеся ее политической ситуацией и контактами Монголии с Китаем и Японией.

Большую работу по изучению вклада российских ученых в географические исследования в Монголии в XIX — начале XX века проделал доктор исторических наук, профессор Э.М. Мурзаев⁴. В своих работах автор совершенно справедливо отмечал, что эти ученые заложили фундамент система-

тического и многостороннего изучения географии страны⁵. К этой оценке можно добавить, что их труды, оценки и выводы имеют особое значение не только с точки зрения географической науки, но и с точки зрения всего комплекса естественнонаучного изучения страны.

Однако существовала еще одна, довольно большая, группа российских исследователей, вклад которых в науку о Монголии до настоящего времени мало изучен. О них известно немного, скорее даже — почти ничего. Характер военной службы не позволял им заниматься сбором сведений только об одной стране, последовательно углубляя свои знания о ней. Это были старшие и младшие офицеры, служившие в царской армии, цель которых заключалась в быстром и максимально объективном исследовании той или иной страны для дальнейшего изучения ее значения с точки зрения общей стратегической линии России. Они не были профессиональными востоковедами, не говоря уже о том, чтобы специально заниматься изучением Монголии. Сегодня они могли исследовать одну страну, например на Дальнем Востоке или в Центральной Азии, а потом отправиться в командировку совершенно в другой регион мира. Такая «многогранность» была одной из причин того, что военные исследователи Монголии не стали широко известны научной общественности в России и других странах. Имена некоторых из них все-таки знакомы специалистам, и иногда упоминания о них даже можно встретить на страницах научных изданий, но в основном благодаря тому, что их работы были опубликованы в открытой печати. Однако труды большого числа военных, представлявшие собой отчеты об их пребывании в Монголии и проделанной там работе, довольно долго были недоступны широкому кругу читателей, пользоваться ими мог только узкий круг должностных лиц в России, так как материалы носили в основном военно-аналитический характер. Кто-то из военных исследователей Монголии был известен, а кто-то до сих

пор остается практически неизвестным. Материалы экспедиций долгое время хранились под грифами «Не подлежит оглашению» или «Секретно». Связано это было главным образом с целями таких экспедиций. Это были рекогносцировочные, разведывательные экспедиции Генерального штаба и военных округов, а их участники — особая группа российских офицеров — выполняли приказ вышестоящего начальства. Цель этих экспедиций была вполне конкретной: разведка и сбор географических, военных и статистических сведений об определенных местностях Монголии (или, другими словами, «научная рекогносцировка», как называл такие экспедиции Н.М. Пржевальский), составление топографических карт и последующая обработка собранных материалов. Полученные сведения затем обобщались в Генеральном штабе, где концентрировались данные о возможных театрах военных действий. Никогда в задачу таких экспедиций не входило «завоевание» Монголии, присоединения монгольских территорий к России⁶. Во главу угла ставилось только мирное исследование малоизведанных территорий, физико-географических особенностей Монголии, создание географических карт, изучение внутривосточной и религиозной обстановки в стране.

Военные, посетившие Монголию, были в основном высокообразованными офицерами, неутомимыми исследователями, в результате своих поездок они накопили обширные материалы географического, исторического и этнографического характера о стране. Методологической и теоретической базой для военных экспедиций стали разработки и материалы известных российских ученых-монголоведов, их «научные школы». Например, Н.М. Пржевальский в своем отчете о третьем путешествии по Центральной Азии высказывает рекомендации, касающиеся методов научной работы⁷.

В деятельности военных, исследовавших Монголию, тесно переплелись политика и наука, главным образом географи-

ческая. Однако многие военные пытались выйти за рамки поставленных перед ними задач и стремились разобраться в том, что собой представляет Монголия, им хотелось понять эту страну. Работая здесь, они все же сумели выйти за границы изучения только географической среды обитания монголов. Подготовка военных исследователей позволяла им систематизировать сведения о Монголии, которые были важны не только для формирования внешней политики России в Дальневосточном регионе в целом, но, в частности, и в отношении Монголии. Кроме того, собранные данные расширяли знания о стране в историческом и этнографическом аспекте.

Сведения, собранные военными исследователями в Монголии, можно разделить на две части: первую составляют описания маршрутов, географические сведения по тем местностям, которые они посещали. Ко второй части относятся материалы этнографического характера, а также данные по истории Монголии в целом, ее политическому устройству, взаимоотношениям с соседними странами. Источниками для сбора информации служили как русские, бывавшие или жившие в Монголии, так и сами монголы. Характерной особенностью отчетов, подготовленных участниками этих экспедиций была надежность собранных данных.

В настоящее время в России заметно вырос интерес научной общественности к исследовательской деятельности военных востоковедов дореволюционного периода. Этой темой несколько лет назад начал заниматься доктор исторических наук, профессор А. А. Колесников, опубликовавший работы, среди которых следует отметить его монографии «Русские военные исследователи Азии (XIX — начало XX веков)» (Душанбе, 1997) и «Русские в Кашгарии (вторая половина XIX — начало XX в.). Миссии. Экспедиции. Путешествия» (Бишкек, 2006). А. А. Колесникову принадлежит особая роль в изучении вклада военных в развитие отечественного восто-

коведения. В своих работах, посвященных в основном научной деятельности исследователей в Восточном Туркестане и Афганистане, автор приводит интересные данные о формировании военного востоковедения в России в XIX веке, о его месте в системе научных знаний об отдельных странах Азии.

Особое место среди работ, посвященных российским военным исследователям-востоковедам, занимает биобиблиографический словарь М.К. Басханова⁸. В этом представляющем большой научный интерес словаре содержится значительный массив информации об их исследовательской деятельности на Востоке, в том числе в Монголии, что позволяет составить общую картину о том вкладе, который они внесли в отечественное востоковедение. Однако научная деятельность российских военных в Монголии в дореволюционный период до настоящего времени не стала предметом самостоятельного исследования.

Вопросы, касающиеся пребывания военных в Монголии, затрагивает в своих работах «Монголия и “Монгольский вопрос” в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.)» и «Монголия и Китай начала XX века в оценках российских военных исследователей» российский монголовед, профессор Байкальского государственного университета экономики и права Ю.В. Кузьмин⁹. Однако его интерес в основном сосредоточен на политическом аспекте их деятельности, в частности на изучении состояния и перспектив российско-монголо-китайских отношений¹⁰. О вкладе военных в изучение Монголии и в развитие монголоведения в России автор практически ничего не говорит.

Чем деятельность российских военных исследователей интересна сегодня? Какова цель предлагаемой вниманию читателей книги? Каждая поездка в изучаемую страну — это в первую очередь контакт с местным населением, будь то руководители страны или простые люди. Поэтому автору

было важно показать ту роль, которую сыграли российские военные в процессе познания Монголии не только через естественнонаучные дисциплины и методы, но также и через те каналы, по которым устанавливались и налаживались впоследствии непосредственные деловые и научные контакты между русскими и монголами, налаживалось взаимное понимание общих проблем двух соседних народов.

Автор предпринял попытку на основе источников, документов и литературы, относящихся к деятельности российских военных в Монголии, показать и оценить их вклад в развитие научного монголоведения, а также раскрыть их роль в создании системы научных знаний об этой стране. В задачу автора не входило детальное рассмотрение всего комплекса исследований, выполненных российскими военными в Монголии. Экспедициям Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, В.И. Роборовского¹¹ и других посвящено большое число публикаций¹², поэтому автор будет касаться только отдельных аспектов их научной деятельности. В книге использованы материалы военных экспедиций — отчеты, сообщения, монографические исследования, — многие из которых вышли в свет еще до 1917 г. и ныне являются библиографической редкостью. Целый ряд публикаций, как уже отмечалось выше, имел закрытый характер и был недоступен широкому кругу читателей. Сведения и материалы, касающиеся деятельности военных исследователей в Монголии, были также собраны в архивах (Архив внешней политики Российской империи МИД РФ, Архив Русского географического общества, Российский государственный военно-исторический архив), а также в научных библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга. В настоящей работе автор впервые вводит в научный оборот целый ряд документов и материалов, хранящихся в вышеназванных архивах.

При составлении биографических справок на военных исследователей были использованы материалы Советского

энциклопедического словаря (Изд. 3-е. М., 1985) и библиографического словаря «Русские военные востоковеды до 1917 года». В отдельных случаях найти биографические данные на некоторых участников экспедиций не удалось. Географические названия в цитатах приводятся в том виде, в каком они употреблялись в то время военными исследователями¹³. В тексте в тех случаях, когда возможно употребить современное географическое название, приводится этот вариант. Все дореволюционные даты даны по старому стилю.

Автор выражает сердечную благодарность сотруднику Института истории естествознания и техники РАН к.и.н. Т. И. Юсуповой, заведующей архивом Русского географического общества М. Ф. Матвеевой, заведующему музеем-квартирой П. К. Козлова в Санкт-Петербурге д.и.н. А. И. Андрееву и научному сотруднику этого музея Т. Ю. Гнатюк, сотрудникам Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН за помощь, оказанную при подготовке настоящей книги к изданию.

Искреннюю признательность автор выражает также Фонду Рокфеллера (The Rockefeller Foundation) за предоставленную возможность работать над рукописью книги в Центре Фонда в Беллажио (Италия) в октябре 2000 г.

Глава I

МЕСТО ВОЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ РОССИЙСКОМ МОНГОЛОВЕДЕНИИ

1. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

КАК СФЕРА ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В XIX ВЕКЕ

Ситуация в странах Азии, которые были соседями России, всегда интересовала российских правителей. Особое внимание было постоянно приковано к Дальнему Востоку, и в первую очередь к Китаю. В середине XIX века, когда императорская власть в Цинской империи начала заметно ослабевать после первой «опиумной войны» (англо-китайская война 1840–1842 гг.), Тайпинского восстания (1850–1864) и второй «опиумной войны» (англо-франко-китайская война 1856–1860 гг.), интерес России к Китаю и к региону в целом заметно усилился. Этот интерес подогревался возросшими аппетитами Англии, Франции и других мировых держав в отношении Китая, а также очевидными успехами России в продвижении на южном и юго-восточном направлении в Центральной Азии¹⁴. В XIX веке Россия была вовлечена в Большую игру, что было связано с расширением ее военно-политического присутствия в Средней Азии и на Кавказе¹⁵. Монголия (с этой точки зрения, скорее, как часть Китая) являлась одной из тех стран, которые были втянуты в это политическое сражение двух мировых держав, никогда не доходившее до прямого военного противостояния.

В последней четверти XIX века перед Россией довольно остро встал вопрос о совершенствовании торговых отноше-

ний с Китаем и открытии туда новых путей. Этим объясняется увеличение числа экспедиций, которые российские власти направляли в Китай, а также в Монголию (бывшую частью Китайской империи) с целью изучения перспектив торговли в этом регионе. Некоторые участники этих экспедиций впоследствии опубликовали книги, в которые вошли их научные наблюдения, дневниковые записи. Многие из этих работ стали вкладом в российское монголоведение.

Понимая необходимость расширения знаний о странах, граничивших с Россией в Азии, официальные российские ведомства, связанные с проведением внешнеполитического курса (прежде всего Министерство иностранных дел Российской империи и Военное министерство Российской империи), а также такие организации, как Императорская Российская Академия наук, Русское географическое общество (РГО) и университеты, систематически направляли в различные регионы Азии исследовательские экспедиции, целью которых был сбор разноплановой информации.

В 1812 г. при военном ведомстве был учрежден Военно-ученый комитет Главного штаба¹⁶, в функции которого входил сбор сведений о восточных окраинах России и информации о государствах, граничивших с ней¹⁷. Это были прежде всего исторические, военные, географические, экономические и внутривнутриполитические сведения, а также данные о религиозной ситуации в исследуемых странах. Комитет также ведал русскими военными агентами за границей. В 1883 г. Военно-ученый комитет начал выпуск «Сборников географических, топографических и статистических материалов по Азии», которые выходили под грифом «Секретно» до 1914 г. В предисловии к первому выпуску Сборника было сказано, что это издание не предназначено «для публики, а исключительно для служебного пользования высшего начальства, а также лиц, служащих в Азии или специально занимающихся ею»¹⁸. На страницах этого издания печатались

отчеты начальников экспедиций в страны Азии, путевые заметки, обзоры и статистические материалы. Как правило, к отчетам прикладывались маршрутные и топографические карты.

Во второй половине XIX и особенно в начале XX века, когда Центральная Азия стала одним из приоритетных направлений внешней политики России, деятельность Военно-ученого комитета в азиатском направлении заметно активизировалась. Изучение стран этого направления было возложено на Азиатскую часть Главного штаба¹⁹, куда стекалась вся информация и данные об азиатских странах и сведения из военных округов, которые были вовлечены в этот процесс.

Российская империя рассматривала азиатский регион как важный стратегический плацдарм для достижения своих целей на Востоке — прежде всего политических и торгово-экономических. Заметно возрос интерес России к Монголии, что было вызвано усилением внимания к этой стране со стороны Китая и Японии, а также изменением и осложнением политической ситуации на Дальнем Востоке в целом. Укрепление позиций в Монголии двух потенциальных противников России — Японии и Китая — противоречило российским внешнеполитическим и внешнеэкономическим интересам. Помимо этого, Россия была заинтересована в расширении торговых связей с Монголией, в «экономическом наступлении» в этой стране и проводила здесь большую работу²⁰. Начиная со второй половины XIX века кроме научно-исследовательских в Монголию было направлено немало торговых экспедиций, в задачу которых входило изучение монгольского рынка и спроса на монгольские товары, а также путей, ведущих из России в Монголию и далее — в Китай. Особое место среди этих экспедиций занимает Московская торговая экспедиция в Монголию. С 1908 г. московские фабриканты и промышленники (всего 54 жертвователя) начали сбор

средств на проведение торговой экспедиции в эту страну. Во главе организации этого дела встал П. П. Рябушинский, хорошо понимавший необходимость освоения новых территорий в качестве рынков сбыта и важность активных поисков сфер приложения отечественного производства²¹. В задачу экспедиции помимо изучения возможностей для расширения русской торговли в Монголии входила и своего рода «разведка» — выяснение, какие иностранные фирмы и в каком объеме вели торговлю с Монголией²².

Большой материал о состоянии российско-монгольской торговли собрала экспедиция Общества изучения Сибири, направленная в Монголию в 1910 г. По мнению руководителей этой экспедиции томских профессоров М. И. Боголепова и М. Н. Соболева (начальником экспедиции был назначен известный исследователь Монголии полковник В. Л. Попов), монгольский рынок представлял большой интерес для России, и ей следовало «укрепиться на этом рынке» еще и потому, что Монголия могла стать поставщиком необходимого России сырья²³.

Ознакомившись на месте с состоянием российско-монгольской торговли и положением русских купцов в Монголии, они отметили, что необходимо «оглянуться на себя и в условиях русского производства и русской торговли, в полном неустройстве нашего экспорта поискать причин, объясняющих наши экономические и, конечно, политические поражения»²⁴. В этой ситуации большое значение имели политические симпатии монголов к России. М. И. Боголепов и М. Н. Соболев не без основания считали, что «в укреплении торговых позиций эти симпатии — хороший фундамент»²⁵.

Политика России в отношении Монголии принципиально отличалась от политики в отношении Восточного Туркестана. В этом регионе Центральной Азии уже в первой половине XIX века российская политика была направлена на военное проникновение, на подчинение народов, его населявших,

что было связано как с экономическими, так и с внешнеполитическими интересами России. Порой эта линия проводилась с использованием военного потенциала. Основная цель России заключалась в упрочении своих позиций в мире²⁶. Что касается Монголии, то в планы России входило вовлечение ее в орбиту своего влияния, но, и это необходимо особо подчеркнуть, Россия никогда не ставила своей задачей подчинение Монголии и ее присоединение²⁷.

2. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ МОНГОЛИИ РОССИЙСКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ В XVIII–XIX ВЕКАХ

Сейчас мы знаем о физической географии Монголии, ее климате, фауне и флоре все или почти все²⁸. Кого удивит сведениями о том, что в Монголии расположена пустыня Гоби, что зимой в этой стране бывает очень холодно, а летом нечасто идут дожди? Но еще полтора-два века назад на карте страны еще было довольно много малоисследованных областей. Только к середине XIX века, после путешествий Н. М. Пржевальского, была составлена карта Монголии.

Первые астрономические наблюдения в Восточной Монголии были произведены русскими исследователями в начале XIX века. Об этом свидетельствует хранящийся в фондах Российской государственной библиотеки рукописный «Атлас Сибири и части Китайской Мунгалии», составленный в 1805–1806 гг. Данные по Северной Монголии содержались также в «Атласе всех пяти частей света», изданном Военно-топографическим депо²⁹ в 1827 г.³⁰ Особенно хорошо на генеральной карте Азии, где была обозначена и Монголия, были показаны районы вокруг дорог, проложенных через Ургу³¹ в Китай. В то же время, как отмечали специалисты-картографы, гео-

графические характеристики Монголии в этом атласе содержали ряд неточностей³².

Географическое описание Центральной Азии до середины XIX века основывалось главным образом на китайских источниках (древних и средневековых)³³. Китайцам принадлежали первые описания многих крупных географических объектов Центральной Азии, в их числе и в Монголии (например, пустыня Гоби). В XVIII веке для составления карт китайцы нередко привлекали находившихся у них на службе миссионеров-иезуитов, которые с помощью китайских топографов определяли местоположение многих населенных пунктов³⁴. Их съемки, как отмечал известный путешественник М. В. Певцов³⁵, не всегда надежные³⁶, были первыми шагами на пути составления карт Центральной Азии и до 70-х годов XIX века оставались основными источниками, отображавшими горные системы и водные пространства региона. В первой половине XIX века географические исследования в Монголии велись довольно активно, однако все внимание было в основном направлено на маршрут, по которому следовали русские караваны, т.е. на дороги, ведущие из Кяхты через Ургу в Китай³⁷.

Первой русской картой, на которой была изображена значительная часть Восточной Монголии, считается карта, составленная Е. Ф. Тимковским в 1820-е годы («Карта пути от г. Кяхты до Пекина через Монголию»)³⁸. В 1821 г. вместе с Е. Ф. Тимковским из Пекина возвращался выдающийся русский востоковед Никита Яковлевич Бичурин (отец Иакинф), в 1807–1821 гг. возглавлявший Российскую духовную миссию в Пекине. Его дневниковые записи, опубликованные под заголовком «Записки о Монголии», содержали многочисленные сведения о пройденном маршруте с приложением карты, составленной по китайским источникам³⁹.

Первая нивелировка через Восточную Монголию была проведена астрономом Г. Фуссом⁴⁰ и ботаником А. А. Бунге⁴¹

в 1830 г. Эти исследователи проделали на маршруте огромную работу. Прежде всего они определили, что многие прежние представления о Гоби, как о громадном поднятии, были ошибочными, и внесли необходимые уточнения и поправки. Ученые впервые установили географические координаты 36 пунктов, которые позволили впоследствии составить новые, более точные карты Восточной Монголии. А. А. Бунге также описал проделанный путь и дал характеристику рельефа с типичной для этого региона фауной и флорой.

Существовали и другие маршруты, многие из которых ранее не были обследованы русскими. По одному из таких маршрутов проехал П. Кафаров⁴², возвращавшийся из Китая в Россию в 1847 г.⁴³ По пути из Пекина в Россию он проследовал по практически неизвестному русским Улясутайскому караванному тракту, что позволило расширить сведения о путях по маршруту Кяхта — Калган — Пекин. В 1849 г. сопровождавший Российскую духовную миссию в Пекин Е. П. Ковалевский⁴⁴ произвел барометрические определения по маршруту Дархан — Дзам на пути из Кяхты в Калган. В 1859 г. П. Кафаров прошел по маршруту Е. Ф. Тимковского и Е. П. Ковалевского и внес некоторые уточнения в географические карты, составленные этими исследователями ранее. В частности, горы, расположенные к югу от Урги, которые Тимковский определил как Хинган, были обозначены Кафаровым уже точнее, как ответвление Хэнтея⁴⁵.

В 1850-е годы Россия направила в Монголию несколько топографических экспедиций, которые провели съемку путей, связывавших Ургу с Калганом. Первая глазомерная съемка дороги Дархан — Дзам была произведена военным топографом П. В. Волковым в 1858 г. В 1859 г. военный топограф Я. Г. Шимкович, служивший при посольстве генерал-майора Н. П. Игнатьева в Пекине, выполнил съемку по древнему Улясутайскому тракту. В том же году по поручению Сибирского отделения Русского географиче-

ского общества исследователь Турбин произвел барометрическую съемку между Кяхтой и Пекином и составил описание пути. Кроме того, он начертил план Урги и провел маршрутную съемку от нее до русско-китайской границы. В 1868 г. астроном Г. А. Фритче проехал от Урги до Калгана по Дархатской дороге и определил несколько астрономических пунктов, в том числе Ургу⁴⁶. Как видим, при изучении Монголии в первой половине XIX века основное внимание исследователей было приковано к маршрутам, которые связывали Кяхту с Ургой и Калганом, т. е. к путям, по которым проходили русские торговые караваны в Китай. Были сделаны довольно подробные описания этих районов Монголии, определены географические и астрономические координаты.

Во второй половине XIX века картографические исследования, изучение флоры и фауны, а также населения отдельных регионов Центральной Азии начали проводиться активнее; особая роль в этом принадлежала российским ученым и исследователям. Они продолжили географическое изучение ранее неисследованных районов Монголии; в то же время их внимание было обращено на уточнение ранее полученных данных. Например, уральский промышленник Г. М. Пермикин, неоднократно ходивший с чайными караванами через Монголию в Китай с целью покупки там нефрита для российских гранильных фабрик, занимался также изучением различных регионов Сибири и пограничных областей Монголии⁴⁷. В 1856 и 1857 гг. под видом купца проникнув в район озера Хубсугул, он впервые описал его на основе собственных наблюдений и расспросных сведений, а также уточнил географические координаты этого озера, его размеры и высоту над уровнем моря⁴⁸. Участники организованной Русским географическим обществом совместно с Межевым комитетом⁴⁹ и Главным штабом Сибирской экспедиции (1855–1858)⁵⁰ астроном и картограф Л. Э. Шварц и межевой инженер А. Ф. Усольцев выяснили ошибочность прежних представле-

ний о том, что в Монголии начинается длинная горная цепь, составляющая одно целое с Яблоновым хребтом в Забайкалье.

В 1863 г. П. А. Гельмерсен⁵¹, в то время поручик Генерального штаба, снарядил небольшой караван и под видом купца совершил поездку из Урги в район озера Хубсугул, пройдя это расстояние за 55 дней. Как показала произведенная им съемка, реки Тола, Орхон, Селенга и Эгин-гол на картах того времени были нанесены неточно. Кроме того, по результатам экспедиции он составил карту, собрал образцы горных пород и этнографические сведения об урянхах, живших по берегам озера Хубсугул⁵².

Краткое описание пути от Урги до Верхне-Ульхуна в 1864 г. сделал российский дипломат Я. П. Шишмарев⁵³, возглавлявший экспедицию, которая изучала этот маршрут для торговых караванов. Топограф этой экспедиции Доржитаров произвел глазомерную съемку двух самостоятельных маршрутов по реке Онон. В 1868 г. Я. П. Шишмарев посетил г. Улясутай, впервые прошел к озеру Хара-Ус-Нур и реке Буянт-Гол, побывал на снеговой вершине высочайшей горы Отгон-Тэнгэр горного массива Хангай. Шишмарев выполнил маршрутную съемку и сделал подробное описание проделанного пути.

Как мы видим по этим нескольким примерам, данные географических исследований нередко нуждались в подтверждении и уточнении. Практически каждой экспедиции приходилось что-то исправлять в исследованиях своих предшественников и дополнять их. Поэтому даже если та или иная экспедиция, или научная поездка повторяла маршрут тех, кто прошел здесь до нее, это ни в коей мере не облегчало задачу исследователей, а шло только на пользу науке.

К 70-м годам XIX века некоторые районы Восточной Монголии, по которым проходили торговые пути, были довольно подробно обследованы российскими экспедициями. К таким ранее изученным районам нужно добавить маршрут П. А. Гельмерсена к озеру Хубсугул, а также два

маршрута, пройденных Я.П. Шишмаревым, — к реке Онон и к городам Улясутай и Кобдо. Проведенные русскими путешественниками и исследователями Монголии маршрутные съемки охватывали в основном районы Северной Монголии. В ранее составленные карты в результате этого были внесены существенные исправления, а также новые данные. Именно в эти десятилетия были заложены основы научной картографии Монголии. Однако огромная часть территории страны по-прежнему оставалась неисследованной как русскими, так и иностранцами.

Особая роль в исследовании Центральной Азии принадлежала Русскому географическому обществу, организовавшему многочисленные экспедиции в Монголию и другие районы Центральной Азии⁵⁴. Оно проводило последовательную линию на географическое исследование этого региона, в результате чего участники экспедиций сделали важнейшие географические открытия, собрали разнообразные геологические, ботанические, зоологические, этнографические коллекции, которые помогли составить более полное и целостное представление о Центральной Азии и Монголии в частности.

Широко известным путешественником, военным исследователем Центральной Азии, и в том числе Монголии, был Николай Михайлович Пржевальский, офицер Генерального штаба, член РГО. Заметим, что Генеральный штаб⁵⁵, как и РГО, проводил систематическое изучение Монголии, и хотя цели этих двух организаций заметно отличались, конечные результаты служили науке. Экспедиции Н.М. Пржевальского дали ценнейшие материалы по географии и природе Монголии и всей Центральной Азии. Период с 1870 по 1888 г. нередко называют эпохой Пржевальского в истории русских географических открытий, а его самого — первоисследователем⁵⁶. Он провел в путешествиях по Центральной Азии в общей сложности 9 лет 2 месяца и 27 дней, прошел 19 585 верст (т.е. более 31 500 км. — *Е. Б.*)⁵⁷. Известный русский

писатель и публицист, современник Н.М. Пржевальского М.А. Энгельгардт писал о нем: «Самая выдающаяся черта в характере Пржевальского — любовь к страннической жизни. Он был закоренелый бродяга, для которого оседлая жизнь — каторга. Никакие опасности, труды, лишения не могли убить в нем охоты к путешествиям. ... О нем нельзя даже сказать, что он любил путешествие: разве рыба любит воду? Она просто не может жить без нее...»⁵⁸

Научная деятельность Н.М. Пржевальского нашла отражение во многих работах, посвященных его жизни и путешествиям⁵⁹. Поэтому мы, не ставя перед собой задачу детально рассмотреть и проанализировать его научную деятельность, остановимся на некоторых принципиальных моментах, касающихся его путешествий по Центральной Азии и Монголии. Считаем также необходимым хотя бы вкратце сказать о его вкладе в географическую науку. Н.М. Пржевальский — одна из самых крупных и масштабных фигур среди других исследователей Монголии и Центральной Азии, хотя и весьма противоречивая. Николай Михайлович, окончив Академию Генерального штаба в Санкт-Петербурге, стал профессиональным военным. Но уже во время обучения, помимо военных дисциплин, он интересуется историей, географией, ботаникой, зоологией. После окончания академии в 1864 г. он становится членом Русского географического общества.

Н.М. Пржевальский был знаком со многими известными исследователями Азии. После назначения на военную службу в Сибирь в 1866 г., будучи проездом в Петербурге, Пржевальский познакомился с П.П. Семеновым-Тянь-Шанским, который был тогда председателем Отделения физической географии РГО. Так молодой военный фактически нашел своего покровителя в Обществе, который увидел в Пржевальском, тогда еще малоизвестном в научном мире, перспективного исследователя и был готов в дальнейшем помогать ему. Впо-

следствии П.П. Семенов-Тянь-Шанский стал инициатором нескольких экспедиций в Центральную Азию.

В 1870 г. Н.М. Пржевальский совершил путешествие в Уссурийский край, сделавшее его известным. Затем, в 1870–1885 гг. Н.М. Пржевальский осуществил следующие экспедиции по Центральной Азии:

- первое Центральноазиатское (Монгольское) путешествие (ноябрь 1870 г. — октябрь 1873 г.), участники: Н.М. Пржевальский, М.А. Пыльцов и др.;
- второе путешествие (Лобнорское) (август 1876 г. — март 1877 г.), участники: Н.М. Пржевальский, Ф.Л. Эклон, забайкальские казаки Дондок Иринчинов, Панфил Чебаев и др.;
- третье путешествие (1-е Тибетское) (февраль 1879 г. — октябрь 1880 г.), участники: Н.М. Пржевальский, Ф.Л. Эклон, В.И. Роборовский, А. Коломийцев (препаратор) и др., всего 13 человек;
- четвертое путешествие (2-е Тибетское) (сентябрь 1883 г. — октябрь 1885 г.), участники: Н.М. Пржевальский, В.И. Роборовский, П.К. Козлов, П.Телешов (препаратор), М.Протопопов (энтомолог) и др., всего 21 человек.

Участники первого Центральноазиатского путешествия прошли более 11 тысяч километров через Иркутск, Кяхту, Ургу, Пекин, Калган, к озеру Далай-Нур, затем на запад в Ордос, через пустыню Алашань и Алашаньские горы, к озеру Куку-нор, в Восточный Цайдам и к Тибетскому нагорью, до долины р. Янцзы и обратно через Среднюю Гоби в Ургу, откуда вернулись в Кяхту. В результате исследований, проводившихся в сложнейших условиях, были собраны образцы 4000 животных и растений, открыты новые виды (ящурка Пржевальского, или Гобийская ящурка, расщепохвост Пржевальского, рододендрон Пржевальского). Это путешествие принесло Николаю Михайловичу мировую славу. Научные результаты экспедиции были опубликованы

в двухтомном труде «Монголия и страна тангутов»⁶⁰. После публикации этой книги Пржевальский становится известным не только на родине, но и за рубежом как исследователь Центральной Азии. Он сделал несколько географических открытий, собрал богатейшие ботанические и зоологические коллекции, им также была собрана ценная информация о крупном восстании населения в Северном Китае вблизи границ России⁶¹. Это обстоятельство со всей очевидностью показывает, что Пржевальский сочетал в себе талант ученого и профессиональные качества разведчика.

В 1877–1878 гг. Н. М. Пржевальский совершил второе Центральноазиатское путешествие, проходившее по маршруту Кульджа — Восточный Тянь-Шань и Восточная Кашгария — низовья р. Тарим — озеро-болото Лобнор, южнее которого им был открыт хребет Алтынтаг. Пржевальский предполагал также детально исследовать Тибет. Вернувшись в Кульджу, он направился по новому маршруту с намерением дойти до Лхасы, но осложнившаяся политическая ситуация в Западном Китае, обострение российско-китайских отношений и болезнь Пржевальского помешали довести намеченные планы до конца; дойдя до Гучена, он был вынужден вернуться в Кульджу и оттуда выехать в Петербург. Во время экспедиции было исследовано озеро Лобнор, описан дикий верблюд, обитавший на территориях, прилегавших к этому озеру, собраны коллекции флоры и фауны. Результаты экспедиции были изложены в труде Н. М. Пржевальского «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор в 1876 и 1877 гг.»⁶².

В феврале 1879 г. участники третьего Центральноазиатского путешествия во главе с Н. М. Пржевальским выступили из города Зайсан, направившись на юго-восток, пересекли Джунгарскую Гоби и вышли к оазису Хами. Далее Пржевальский и его спутники прошли по восточной окраине Гашунской Гоби и продолжили путь через хребты Наньшаня в Тибет, выйдя к долине Голубой реки (Мур-Усу).

Тибетское правительство решило не пускать Пржевальского в Лхасу, местное население отрицательно относилось к экспедиции, и поэтому Пржевальский, находясь всего в 250 верстах от Лхасы, был вынужден отступить и через Наньшань и пустыню Гоби вернуться в Ургу. Свой маршрут экспедиция закончила в Кяхте. Во время путешествия была произведена съемка более четырех тысяч километров пути через районы Центральной Азии. Впервые было исследовано верхнее течение Жёлтой реки (Хуанхэ) на протяжении более 250 километров; открыты хребты Семенова и Угуту-Ула; была обследована северная часть Тибета. Во время экспедиции были открыты два хребта, названные Пржевальским в честь ученых А. Гумбольдта и К. Риттера, описаны два новых вида животных — медведь-пищуход (тибетский медведь) и дикая джунгарская лошадь, известная как лошадь Пржевальского. Участник экспедиции В.И. Роборовский собрал огромную ботаническую коллекцию. Возвратившись в Россию, Пржевальский изложил свои наблюдения и результаты исследований в книге «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки»⁶³. По результатам географических исследований, проведенных участниками трех Центральноазиатских экспедиций Н.М. Пржевальского, были созданы принципиально новые карты региона.

В 1883 г. Н.М. Пржевальский предпринял четвертое Центральноазиатское путешествие. Из Кяхты он двинулся через Ургу на Тибетское плоскогорье, исследовал истоки Жёлтой реки и водораздел между Жёлтой и Голубой, затем прошел через Цайдам к Лоб-Нору и в город Каракол (ныне г. Пржевальск). Были исследованы озера Орин-Нур, Джарин-Нур, хребты Московский, Русский, хребет Колумба, истоки р. Хуанхэ. Были открыты и описаны озера — Русское и Экспедиции. На северной границе Тибета открыта целая горная страна Куньлунь с величественными хребтами, о которых в Европе ничего не было известно. Собрана коллекция новых

видов птиц, млекопитающих и пресмыкающихся, рыб, а также новых видов растений. Результаты экспедиции были описаны в книге «От Кяхты на истоки Жёлтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима»⁶⁴.

Все четыре путешествия были организованы Русским географическим обществом при финансовой поддержке Военного министерства Российской империи (подчеркнем именно это обстоятельство — путешествия были организованы РГО), командировавшим Н.М. Пржевальского в Центральную Азию. Таким образом, получается, что начальником экспедиций был военный, дисциплина в них, как отмечал сам Пржевальский, была военной, хотя по форме своей они были гражданскими. Покровительство РГО, без сомнения, играло, как бы сейчас сказали, роль «зонтика», так как совершенно очевидно, что Пржевальский, наряду с научными изысканиями, собирал разведывательные сведения (вел разведку), особенно когда это касалось Китая и Тибета. Попытки Пржевальского проникнуть в Тибет были частью Большой игры, так как он предполагал собрать сведения о действиях англичан в Тибете⁶⁵.

Н.М. Пржевальский называл свои путешествия, которые произвели переворот в науке того времени, «научными рекогносцировками», хотя, если судить по полученным результатам, его экспедиции скорее можно назвать комплексными, т.к. во время их проведения были собраны богатые материалы по орографии⁶⁶, климату, гидрографии, животному и растительному миру, а также этнографии. В военной среде Н.М. Пржевальский не скрывал, что нередко научные исследования маскировали политические цели экспедиции, что помогало ослабить подозрения местных властей относительно ее истинных целей. В результате этих экспедиций был собран обширный материал по истории многих центрально-азиатских народов. Вне всякого сомнения, Н.М. Пржеваль-

ский был талантливым исследователем, проделавшим огромную научную работу: он нанес на карту обширные, ранее не изученные территории к востоку от России, в число которых входила и Монголия. В то же время он подчинялся Генеральному штабу, поэтому с сегодняшних позиций его путешествия с полным на то основанием можно рассматривать не только как вклад в географическую науку, но и как разведывательную деятельность, особенно в условиях обострения отношений между Россией и Цинским Китаем⁶⁷.

Главной целью Н.М. Пржевальского, наряду с изучением политической обстановки в различных регионах, было исследование флоры, фауны и климата. Именно поэтому в его работах порой не хватает этнографических наблюдений, они занимают подчиненное место в материалах его путешествий. Часто это было связано с прохождением экспедиций через малонаселенные или совсем незаселенные местности. Путешественники побывали в таких областях Азии, в которых до них никто не был. Ими было собрано много материалов, касавшихся взаимоотношений России с Монголией и Китаем. Можно согласиться с утверждением Э.М. Мурзаева, что, «показав пути в Центральную Азию, Пржевальский возбудил интерес к этой труднодоступной стране, к её природе и народам и тем самым способствовал осуществлению больших и частых экспедиций»⁶⁸.

Н.М. Пржевальский был великим ученым, «классиком русской географической науки»⁶⁹. Во время своих экспедиций по Центральной Азии он вел военную разведку для Генерального штаба. Его можно с полным на то основанием считать основоположником практического направления военных исследований центральноазиатских стран. В письме русского консула в Кашгаре Н.Ф. Петровского, адресованном Пржевальскому, автор отмечал: «Путешествия Ваши по Азии... важны столько же для науки, сколько, если не более, для государства и его исконной, по отношению к Азии, политики...»⁷⁰

К числу военных исследователей Монголии принадлежит и известный русский путешественник по Центральной Азии Михаил Владимирович Певцов, окончивший юнкерское училище в Воронеже, а затем Академию Генерального штаба. Во время учебы в академии он проявил особый интерес к геодезии, астрономии и географии. После окончания учебы, уже находясь на военной службе, М. В. Певцов занимался исследованиями в области этнографии. В 1867 г. он был принят в члены Русского географического общества. С 1875 г. Певцов проходит военную службу в Омске. Там он стал одним из основателей и активных деятелей Западно-Сибирского отдела РГО, организованного в 1877 г.⁷¹ В 1876 г. он совершил первое самостоятельное путешествие по Джунгарии⁷². В 1876–1890 гг. М. В. Певцов руководил экспедициями, изучавшими горные системы Джунгарии (в юго-восточной части, а также в Китае, где полупустыни и степи соседствуют с ледниками) и Гоби (полоса пустынь и полупустынь на территории Монголии). В 1876 г. он совершает экспедицию в Джунгарию (ныне эта область входит в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая). Именно путешествие 1876 г. сделало М. В. Певцова широко известным и выдвинуло его в число крупнейших исследователей Центральной Азии.

В 1878 г. Певцов, в то время подполковник Генерального штаба, был прикомандирован к торговому каравану бийских купцов, направлявшихся в Китай по маршруту Алтайская — Кобдо — Гуй-хуа-чен (Хух-хото) — Калган — Урга — Уляс-утай — Кош-Агач, и фактически пересек Монголию по диагонали. До этого караванный путь между городами Кобдо и Гуй-хуа-чен еще не был никем пройден, поэтому для исследователя этот отрезок пути представлял особый интерес. В этом путешествии его сопровождали военные топографы И. В. Чуклин и А. В. Скопин. Певцов и его спутники должны были провести маршрутную глазомерную съемку и определить географические координаты некоторых пунктов на пути

каравана с тем, чтобы впоследствии внести коррективы в существовавшую в то время карту Монголии.

В 1878–1879 гг. при поддержке РГО М. В. Певцов совершил путешествие в Западную Монголию и северные провинции Китая по маршруту станция Алтайская — Кобдо — южная оконечность хребта Хангай — пустыня Гоби — Цинхайское нагорье — Калган — Урга, причем многие территории были исследованы впервые. В отчете по итогам экспедиции⁷³ содержались ценные сведения о геологии, астрономии, флоре и фауне, климате, этнографии тех регионов, которые посетила экспедиция⁷⁴. М. В. Певцов подробно записывал географические характеристики маршрута, делал важные наблюдения за климатом и растительностью в Монгольском Алтае, собрал минералогические, ботанические и зоологические коллекции. В целом же во время этой экспедиции было получено много новых данных о северо-западных районах Монголии. Несмотря на то, что тогда сколько-нибудь точной карты этой части страны не было, он сумел внести существенные коррективы в ее орографию. На картах, составленных до экспедиции Певцова, были нанесены горные цепи, связывавшие Монгольский Алтай с Хангайским хребтом. Певцов установил, что Хангайский хребет не имеет связи с Монгольским Алтаем, выяснил его размеры и то, что в Хангае берут начало многие монгольские реки. Он открыл впадину между Алтаем и Хангаем, в которой находилось большое число озер — пресных и соленых. Эта впадина была названа им «Долиной озер». Певцов открыл также окраинный хребет Гобийского Алтая — Гурбан-Сайхан. Было также выяснено правильное положение крупнейшей реки Северо-Западной Монголии — Дзабхана и установлено, что она впадает в озеро Айраг-Нур. Он нанес на карту правильные очертания и местоположение многих рек и озер.

Одним из значительных результатов экспедиции М. В. Певцова стало измерение 44 высот и определение координат 28

пунктов. Ему принадлежит заслуга разработки самого точного для своего времени метода астрономического определения широт, который он с успехом применил во время своих путешествий по Внутренней Азии⁷⁵. Эти и другие открытия М.В. Певцова, сделанные им во время экспедиции 1878–1879 гг., обогатили географическую науку новыми сведениями о Монголии⁷⁶. Заметим, что до него по большей части обследованных им маршрутов не проходил ни один путешественник.

Известным исследователем Центральной Азии является В.И. Роборовский⁷⁷. Он сопровождал Н.М. Пржевальского в его четвертом путешествии по Центральной Азии, а затем работал в Тибетской экспедиции М.В. Певцова⁷⁸. В 1893–1895 гг. В.И. Роборовский возглавлял экспедицию Русского географического общества по Центральной Азии.

Большой вклад в изучение Монголии внес В.Л. Попов⁷⁹. По личной инициативе, при поддержке Западно-Сибирского отдела РГО в 1903 г. он организовал экспедицию в Саяны и Северо-Западную Монголию. Результаты были описаны им в нескольких работах, в том числе в книге «Через Саяны и Монголию»⁸⁰. В 1910 г. В.Л. Попов возглавил Московскую торговую экспедицию в Монголию, целью которой было изучение её экономики, монгольского рынка и перспектив развития торговых отношений между двумя странами⁸¹. Участники экспедиции, разделившись на три рекогносцировочные группы (группа, которую возглавлял В.Л. Попов, прошла по маршруту Урга — Заин-Шаби — Улясутай), исследовали северные и западные районы Монголии, а также торговые пути в Китай. Были собраны подробные сведения о скотоводстве и земледелии страны, климате, почвах, растительности, об орографии и гидрографии ее западных районов. Члены экспедиции провели маршрутную съемку пограничных с Россией территорий Северной Монголии, уточнили линию государственной границы. По результатам этой экспедиции

В. Л. Попов опубликовал книгу «Второе путешествие в Монголию 1910 года»⁸².

Один из выдающихся русских исследователей-путешественников П. К. Козлов начинал свою научную деятельность в четвертом Центральноазиатском путешествии Н. М. Пржевальского и стал его достойным учеником и последователем. С 1883 по 1926 г. Козлов совершил шесть экспедиций в Монголию, Западный и Северный Китай и Восточный Тибет. Три из них он возглавил лично (Монголо-Камская экспедиция 1899–1901 гг., Монголо-Сычуаньская экспедиция 1907–1909 гг., Монголо-Тибетская экспедиция 1923–1926 гг.). В научных экспедициях по Центральной Азии Козлов провел в общей сложности 17 лет, значительно обогатив своими трудами российскую науку⁸³. По количеству заснятых маршрутов пути и более подробных этнографических характеристик П. К. Козлов даже превзошел Н. М. Пржевальского⁸⁴. В путевых отчетах Козлова содержится много ценных сведений о природных условиях Монголии, о жизни, быте и истории её народа.

3. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА в Монголии

Во второй половине XIX века, когда военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке продолжала обостряться, российское правительство начало предпринимать шаги для укрепления своих позиций в этом регионе, в частности в Монголии. Кроме того, возникла довольно благоприятная ситуация для развития торгово-экономических отношений с Монголией, для чего необходимы были более подробные сведения не только о её центральных районах, но и периферии. С середины XIX века Россия начинает более детально и системно изучать соседнюю страну.

В это время российский Генеральный штаб активнее проводит свою исследовательскую деятельность в некоторых дальневосточных странах. Как отмечал известный военный востоковед, полковник Путята, ставший впоследствии генерал-лейтенантом, Генеральный штаб неоднократно принимал на себя инициативу «в обогащении географии новыми научными данными об отдаленных странах»⁸⁵. В Монголию (а также в Китай и Маньчжурию) было направлено несколько разведывательных экспедиций, основной целью которых был сбор географических, топографических и статистических данных. То есть задача перед участниками экспедиций ставилась вполне конкретная и узкопрактическая — «разведать обстановку» на возможном театре военных действий. Иными словами, это была оперативная военная разведка, которая включала в себя помимо собственно географии и этнографии исследование политических настроений местного населения и его боевых качеств. Военные «разведывали» природные условия, пути сообщения, отношение монголов к русским, к китайцам, перспективы российско-монгольских отношений, быт, нравы и обычаи местных жителей, чтобы легче было с ними контактировать. Поскольку Монголия сама по себе не представляла никакой опасности для России, речь шла скорее о ее территории, которая могла быть использована в качестве театра военных действий, если бы таковые возникли в отношениях между Россией и Китаем. Поскольку угроза военного конфликта на границе с Китаем для России действительно существовала, необходимость сбора разносторонней информации о Монголии становилась крайне важной.

Несмотря на четко обозначенные в первую очередь стратегические задачи, конкретные военные цели соединялись с научно-исследовательскими. Выполнялись оперативные задания, которые предполагали комплексный научный подход; при этом важным было все: топографические данные

и климат, внутренняя и внешняя политика государства, его экономическое положение, численность и социальная структура населения, национальные особенности и пр. Российские военные были специалистами, хорошо знакомыми с научной литературой, обладавшими большими знаниями и имевшими хорошую профессиональную подготовку. Это позволяло им выходить за рамки сугубо разведывательных задач, не ограничиваться только описанием увиденного или услышанного. Их не интересовала только «застывшая картинка», мгновенный срез с монгольского общества, их интерес был гораздо шире — показать это общество в развитии, в определенной перспективе.

Специфика военно-исследовательских экспедиций заключалась в том, что многие маршруты проходили по ранее мало или совсем неизученным районам страны. Тем ценнее были результаты, полученные в Монголии. К сожалению, вклад участников экспедиций в российское монголоведение ограничивался порой недостаточной страноведческой подготовкой некоторых входивших в их состав военных, а также ограниченными рамками распространения востоковедных изданий военного ведомства. Следует заметить, что ценность военного монголоведения, как и военного востоковедения в целом, несколько снижалась и в связи с описательным характером опубликованных и неопубликованных материалов, особенно во второй половине XIX века.

После того как в 1864 г. была официально определена линия границы между Россией и Китаем, становится более активной и интенсивной исследовательская деятельность России в Монголии. Заметно увеличивается число экспедиций из России в эту страну: сначала главным образом географических, а затем — комплексных научных. Эти экспедиции имели разные цели и задачи, проходили по разным маршрутам, их направляли в Монголию различные государственные и общественные организации России.

Среди известных исследователей Центральной Азии, неоднократно побывавших с научными целями в Монголии, были офицеры Генерального штаба. За редким исключением военные экспедиции были весьма краткосрочными, как правило, от нескольких недель до нескольких месяцев, что отличало их от продолжительных «академических» экспедиций. Поездки организовывались Главным управлением Генерального штаба и штабами военных округов. В 1870–1890-е годы в Монголии побывали экспедиции под руководством офицеров Генерального штаба: Н. Г. Матюнина, А. М. Баранова, П. Д. Орлова, Овсяного, А. Бернова, А. А. Баторского, Д. В. Путятя, И. И. Стрельбицкого, В. Ф. Новицкого и др.

В первую очередь военные экспедиции изучали пограничные с Китаем районы Монголии. И хотя отчеты руководителей военных экспедиций заметно отличались от масштабных работ известных востоковедов, материалы каждой поездки становились вкладом в копилку монголоведения. Частично сведения, собранные военными, их обзоры, описания различных районов Монголии и статистические данные были изданы отдельными книгами, однако большая часть их опубликована в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии». Много работ было опубликовано Штабом Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи⁸⁶ в серии «Материалы по Маньчжурии и Монголии». Прежде всего это были работы ротмистра Заамурского округа Баранова⁸⁷, такие как «Монголия. Барга и Халха», «Северо-Восточные сеймы Монголии», «Харачины в хошуне Чжасакту-вана» и др. Начальник Штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи полковник Богданович писал в предисловии к книге А. Баранова «Монголия. Барга и Халха», что офицеры Заамурского округа на основании составленной Штабом округа «Инструкции для производства разведок и сбора статистических сведений о Маньчжурии» активно собирали различные данные

о трех застенных провинциях Китая, а также и сопредельных с ними Монголии и Кореи⁸⁸. Здесь же он отмечал, что, хотя Штаб Округа не всегда успевал обработать ценные материалы, полученные во время разведок, некоторые офицеры, «благодаря продолжительности пребывания в известных районах, любви к разведке и уменью собрать и классифицировать добытые сведения по разведке, доставили в Штаб Округа исследования отдельных районов в более или менее оконченном виде»⁸⁹. А. Баранов принадлежал к числу таких офицеров. Оговариваясь, что в некоторых «законченных» исследованиях имеются определенные погрешности, С.И. Богданович отмечал, что эти отчеты «дадут возможность всем офицерам более подробно ознакомиться с исследованными районами, и именно теперь во время войны (Русско-японская война 1904–1905 гг. — *Е. Б.*), когда каждая новая данная о Маньчжурии и Монголии может принести большую пользу общему делу разведки»⁹⁰.

На примере служебной деятельности ротмистра Баранова можно видеть, что существовала еще одна форма разведывательной работы Генерального штаба — назовем ее «стационарной». Это была агентурная разведка. Офицер, находясь на службе в Монголии или Маньчжурии, имел возможность наладить отношения с местными властями, которые не препятствовали его поездкам по стране и закрывали глаза на тот факт, что офицер проводил разведку на месте. В начале XX века сообщения и публикации о Монголии начинают приобретать политическую окраску. Исследователей уже гораздо больше интересует не сбор рекогносцировочных данных, а сведения о политическом устройстве Монголии, ее строе и административном делении, общественной жизни, отношения с китайцами и японцами.

Появление все большего числа книг и брошюр в открытой печати свидетельствовало о том, что изучение Монголии постепенно переходило на новый уровень: по мере воз-

можности военные, накопив достаточный полевой материал, стремились к его обобщению, анализу и написанию серьезных научных работ. Наряду с чисто военно-разведывательной деятельностью экспедиции Генерального штаба продолжали вести изыскательскую работу в этнографической, социологической и других областях. В их обязанности входил также сбор достоверных сведений о внутривосточной ситуации в Монголии. Особое внимание члены экспедиций уделяли вопросам исторического наследия монголов, их взаимоотношениям с китайцами; они собирали и обобщали обширный материал, позволявший увидеть специфику современного для того времени состояния и развития этой страны, подмечали некоторые особенности этнографического характера. Не ставя перед собой цель комплексно исследовать быт, обычаи и традиции проживавших в изучавшихся ими районах монголов, участники экспедиций вели наблюдения за условиями жизни местного населения, отражая все это в своих дневниковых записях и отчетах.

Большое внимание изучению Монголии, как и всей Центральной Азии, придавало, как уже было отмечено выше, Русское географическое общество, созданное в 1845 г. РГО начало исследование этого обширного региона еще в 60-е годы XIX века. В это время Центральная Азия оставалась малоизученной территорией не только для европейцев, но и для русских. В деятельности РГО активное участие принимали российские военные. В числе основателей Общества были видные российские военачальники. Привлечение военных к научной деятельности РГО не было случайным, так как довольно часто интересы этого общества и военного ведомства совпадали.

В конце XIX века изучение Азии велось главным образом по линии Военного министерства Российской империи или же при его поддержке. Сбором и изданием сведений по Востоку, то есть страноведческими изысканиями, зани-

мался Генеральный штаб Военного министерства России. Среди офицеров Генерального штаба было немало участников экспедиций в страны Востока, авторов фундаментальных трудов, впоследствии вошедших в круг известных ученых-востоковедов. Работа в рамках военного ведомства постоянно расширялась, так как оно, будучи заинтересованным в углублении научных и практических знаний о Востоке, поддерживало развитие этого направления⁹¹.

Практически в любой экспедиции, направленной в Монголию, в любом караване, проходившем по территории этой страны, если не начальником, то непременно участником был российский офицер; сопровождали эти группы, как правило, казачьи конвои. Связано это было в первую очередь с серьезной опасностью, которую порой представляло для путешественников передвижение по некоторым районам Китая. В состав военных экспедиций входили буряты, что было обусловлено их приспособленностью к местным условиям, знанием монгольского языка и быта монголов⁹². Кроме хорошо известных имен бурятских исследователей Центральной Азии, таких как Г. Цыбилов, Базар Барадин, Ц. Жамцарано, а также тех бурятов, которые участвовали в экспедициях Н.М. Пржевальского (Дондок Иринчинов), П.К. Козлова (Цокто Бадмажапов и Арья Мадаев), Г.Н. Потанина (Буда Рабданов) и других, было немало забайкальских и кяхтинских казаков, чьи имена остались неизвестными или, в лучшем случае, скороговоркой упоминаются в отчетах руководителей. Практическое участие этих безымянных исследователей в работе экспедиций было весьма активным — они не только охраняли путешественников и помогали им при общении с местным населением, но выполняли подсобные работы, а в случае необходимости были проводниками.

Научные «военные» экспедиции второй половины XIX — начала XX века можно условно разделить на два типа: про-

водившиеся под руководством офицеров и с участием военных, направленные в Монголию Русским географическим обществом (нередко при поддержке Генерального штаба), Академией наук или другими ведомствами и организациями, а порой и совместные, командированные РГО и Академией наук, и собственно экспедиции, направленные в Монголию Генеральным штабом с военно-рекогносцировочными целями. Военное монголоведение, как и все российское военное востоковедение, было тесно связано с внешней политикой царского правительства. Оно находилось под влиянием внешнеполитических факторов и оказывало, в свою очередь, влияние на внешнюю политику России на Востоке в XIX — начале XX века.

В конце XIX века, когда военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке крайне обострилась, российское правительство начало предпринимать реальные шаги для укрепления позиций России и усиления ее влияния в этом регионе. Генеральный штаб активизировал свою исследовательскую деятельность в некоторых дальневосточных странах, в том числе и в Монголии. Серьезное и систематическое изучение этой страны офицерами Генерального штаба началось во второй половине XIX века: туда, а также в Китай и Маньчжурию было направлено несколько экспедиций для сбора достоверных географических, топографических и статистических сведений. Однако командование Генерального штаба видело задачу военных исследователей шире — не только военное, но также политическое и дипломатическое обеспечение продвижения России в Монголию.

К началу XX века военная география сложилась в отдельную науку, которая требовала изучения физико-географического, этнографического, экономического и политического факторов. Методика научных исследований была определена по следующим основным направлениям: маршрутно-глазомерная съемка, астрономические исследования и метеоро-

логические наблюдения, изучение фауны и флоры региона, собирание ботанических, минералогических и зоологических коллекций. Особое место в системе экспедиционных работ занимали ведение дневниковых записей и фотографирование.

4. МЕТОДИКА ВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (Д. А. Милютин и А. Е. Снесарев).

ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ ВОСТОКОВЕДОВ

Специалисты отмечают, что военная география по своей специфике является более комплексной, чем география гражданская. Военная география, как часть военной науки, состоит из двух частей: военного страноведения и изучения физико-географических условий возможных театров военных действий (ТВД) и отдельных стратегических районов. «Военный географ должен быть в равной мере и физико-географом (т.е. уметь оценить с военной точки зрения характер поверхности, климатические условия, водные ресурсы, преграды, почвенно-растительный покров, животный мир), и эконом-географом (охарактеризовать население и хозяйство, людской и экономический потенциал, транспортные возможности), и социологом, и этнографом, и, разумеется, весьма компетентным военным специалистом»⁹³.

Методика и задачи военного исследования зарубежных стран — в географическом, военном, экономическом, политическом и других аспектах («военно-статистическое описание») — были разработаны крупнейшим специалистом в области военной статистики профессором Николаевской военной академии Генерального штаба Д. А. Милютиным⁹⁴. Основное внимание при сборе сведений об исследуемой стране должно уделяться, по его мнению, военной статистике и военной географии, поскольку именно они могут дать наиболее полное представление о силах и средствах государства в воен-

ном отношении, а также о его самостоятельности и политическом значении⁹⁵. Он отмечал, что «статистическое изучение государства, с одной стороны, обнимает все разнообразнейшие явления сложного организма политического тела; с другой же — предел ее (статистики. — *Е. Б.*) определяется целью изучения, состоящего не в выводе общих законов, по коим всякое государство и всегда должно развиваться, а в указании степени действительного развития того или иного государства, в один лишь данный момент (чаще принимаемый за современную эпоху)»⁹⁶. И далее, Д. А. Милютин четко обозначил научные границы военной статистики: «Статистика ... не спускается на степень простого описания данных или явлений; ибо она должна исследовать их аналитически, с определенной целью; с другой же стороны, она не переходит в разряд наук теоретических, предоставляя другим отраслям политических наук выводить общие законы. Но если она, с одной стороны, не восходит до истин отвлеченных, неизменных, то с другой не ограничивается исключительно видами практическими, непосредственным применением к вседневным нуждам администрации; а между тем и в том и в другом отношении может быть полезна, служа пособием и для выводов теоретических, и для применения практического»⁹⁷. По мнению Милютина, военную статистику можно было в равной степени причислять к «предметам изучения политическим», и к «кругу знаний военных»⁹⁸. «Военная Статистика, — писал он, — составляя только часть или вид общей Статистики, принадлежит поэтому к разряду наук политических; но в то же время, по необходимости, должна основываться на указаниях и требованиях военного искусства»⁹⁹.

Д. А. Милютин, который по праву считается основоположником военной географии, обосновал необходимость геополитического подхода к исследованию зарубежных стран и разработал методику географического, военного, экономического и политического их изучения. Согласно этой мето-

дикое, необходимо было комплексно проанализировать местные условия, политическую ситуацию в стране, ее географическое положение, топографические особенности, которые в конечном счете могли повлиять на успех военных действий. По мнению Д. А. Милютин, для успешного ведения войны существовала очевидная необходимость в «основательных сведениях о театре действий, относительно к естественным свойствам и статистическим средствам края, также как и вообще о всех способах материальных и нравственных обеих воюющих сторон»¹⁰⁰. Однако здесь надо еще раз оговориться, Россия не рассматривала Монголию как вероятного противника, поэтому теоретические взгляды Милютин можно применить к ней только с точки зрения геополитической — как возможное использование ее территории в войне против Китая.

Говоря о развитии военной географии в России, нельзя не вспомнить об известном российском и затем советском востоковеде, военном деятеле, географе, математике А. Е. Снесареве¹⁰¹. После окончания Академии Генерального штаба в 1899 г. он служил в Туркестанском военном округе, совершил поездки по Индии, Афганистану, Тибету и Кашгари, посетил с научной целью Памир. Им было написано несколько работ военно-географического и страноведческого характера, посвященных Индии, Памиру, Средней Азии, проблемам региона. Особое место среди них занимает учебное пособие «Введение в военную географию». И хотя опубликована эта работа была уже после 1917 г., в нее вошли теоретические и практические разработки Снесарева, которые он успешно применял сам и чему учил своих учеников еще в царской армии. Он отмечал, что географический фактор является постоянным спутником войны, причем не только с точки зрения взаимоотношений человека и природы, но и влияния природного фактора на технику. Все в армии, писал он, «от скромных воинов ... до больших начальников, до полко-

водца» окружены географическими факторами. «Каждая его (полководца. — *Е. Б.*) оперативная мысль, даже мимолетный тактический каприз стоят в зависимости от властных условий географии — ею начинаются, ею и завершаются: общий характер театра или района, его рельеф, климат, свойства рек и их направление, сеть дорог, богатство или бедность природы, санитария ... все эти факторы как придирчивые и назойливые контролеры или судьи, мутят, меняют, отменяют или одобряют оперативный замысел... Горе полководцу, если он будет нерадив или невежествен в географической области...»¹⁰² Военная география объединяла в себе изучение природы, экономики, политических условий возможного театра военных действий, а именно: территории, населения (этнодемографический и социально-политический анализ), средств войны (экономика страны и ее связь с мировой экономикой), вооруженных сил.

Накопив огромный практический опыт, разработав такие методы военной географии, как сравнительный географический анализ, экспедиционно-рекогносцировочные наблюдения, анализ топографических и специальных карт и методики военно-географического синтеза, А.Е. Снесарев стал одним из ведущих военных географов своего времени. Много путешествуя по Азии, он придавал большое значение физико-географическим условиям существования как фактору, оказывающему серьезное влияние на формирование исторических и социальных процессов внутри той или иной страны¹⁰³. Он рассматривал военную географию как науку, которая изучает территорию, силы и средства государства в военном отношении, а общие географические сведения должны быть подвергнуты тщательному анализу с военной точки зрения¹⁰⁴.

По мнению А.Е. Снесарева, практическое изучение Востока должно включать в себя весь комплекс знаний об изучаемой стране: ее историю, народ, язык и пр. Очень важно было уметь общаться с местным населением в бытовых усло-

виях, «никого не шокируя и не оскорбляя, наоборот, производя всюду впечатление человека умного, знающего жизнь и тактичного»¹⁰⁵. Эти слова были написаны им в 1921 г., но А.Е. Снесарев, надо полагать, пришел к такому выводу еще раньше, учитывая собственный опыт. Выработанные им правила можно отнести и к дореволюционной исследовательской работе российских военных, и к советскому и даже к постсоветскому времени. Именно умение вести себя так, чтобы не обижать и не оскорблять местное население, было очень важным, и надо сказать, что в большинстве случаев русские военные строго следовали этим установкам.

В середине XIX века в организации российской военной разведки произошли существенные изменения. До этого сбор разведывательных данных проводился в основном отдельными агентами; теперь же военное ведомство пришло к убеждению, что для наиболее успешного ведения военных действий необходимо, помимо знания географии и топографии территории возможного противника, обладать всем комплексом знаний о той или иной стране. Это означало только одно — изучение сопредельных государств вышло за узкие рамки агентурной разведки и стало приобретать академические черты.

Высшее военное образование в России всегда находилось на должном уровне и предполагало разностороннюю подготовку специалистов-страноведов¹⁰⁶. Их обучение велось в Николаевской академии Генерального штаба¹⁰⁷. Особое внимание уделялось подготовке военных географов и статистиков. До начала XX века подготовка военных востоковедов велась в основном на среднеазиатском и кавказском направлениях, а дальневосточному направлению уделялось явно недостаточное внимание. Положение изменилось после Русско-японской войны 1904–1905 гг., когда стала очевидной нехватка офицеров-специалистов по странам Дальнего Востока и военных переводчиков. В 1911 г. Николай II утвердил

«Положение о порядке изучения офицерами восточных языков», в соответствии с которым при Штабе Приамурского и нескольких других военных округов были открыты школы для подготовки офицеров-переводчиков восточных языков. Специалистов готовили по следующим дисциплинам: языки, история, география и этнография стран Востока, западноевропейские языки. Преподавание монгольского языка было организовано в Хабаровске; слушатели учили также и китайский язык. По окончании школы предполагалась языковая стажировка в изучаемой стране. Основной задачей офицерских школ была подготовка специалистов широкого профиля с глубоким знанием языков — восточных и западных.

Переводчики монгольского языка (как и китайского, японского, корейского и маньчжурского) для дальневосточных военных округов готовились в Восточном институте, открытом в 1899 г. во Владивостоке. Директором института был назначен профессор монгольской и калмыцкой словесности факультета восточных языков Петербургского университета А. М. Позднеев. Кроме студентов на каждом курсе были офицеры-слушатели, которых направляло на учебу командование военных округов. До 1901 г. такая практика распространялась на войска Приамурского округа и Квантунской области¹⁰⁸, а с 1903 г. — на все военные округа России. С 1900 г. студенты института начали выезжать в командировки в Монголию, а также в другие страны региона для языковой и страноведческой практики¹⁰⁹. Подобная организация учебного процесса готовила их к предстоящей работе в стране в составе военно-исследовательских экспедиций.

Системное физико-географическое изучение Монголии было начато именно военными исследователями. Помимо рекогносцировки они должны были знать политические и экономические реалии, религиозную обстановку в стране, понять национальный характер монголов. Эти данные, взятые в комплексе, могли помочь определить перспективы рос-

сийско-монгольских отношений. Участники экспедиций, помимо сведений стратегического значения, собирали большой фактический материал, имевший не только самостоятельное значение для военного ведомства России, но и ставший источниковедческой базой для исследователей Монголии. Офицеры-востоковеды активно участвовали в изучении Монголии и сопредельных с ней территорий. К этому понятию — сопредельные территории — мы в данном случае относим Урянхайский край¹¹⁰, а также Джунгарию¹¹¹.

После поражения в Русско-японской войне 1904–1905 гг. военная разведка Главного управления Генерального штаба начала более активно действовать в странах Дальнего Востока, что было вызвано прежде всего колонизаторской политикой Китая в Монголии и разведывательной деятельностью Японии в этой стране.

5. «КАК ПУТЕШЕСТВОВАТЬ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ», ИЛИ ПРАВИЛА ЭКСПЕДИЦИОННОЙ РАБОТЫ ПО ПРЖЕВАЛЬСКОМУ

Круг научных интересов и как результат — собранные материалы военных востоковедов были значительно шире, чем оперативная военная разведка. Изучались не только численность и состав вооруженных сил Монголии и ее география, но и экономический и политический строй, внутривнутриполитическая ситуация в стране, этнический и религиозный состав населения, традиции и обычаи различных народностей, ее населяющих. И все же основной упор в военных исследованиях делался на сбор стратегических данных, хотя подразумевалось и изучение конкретной информации о стране, чтобы суметь сориентироваться в предлагаемых обстоятельствах.

Миссия российских исследователей в Монголии была довольно деликатной; им приходилось сталкиваться с подозрительностью местных жителей, а порой и с явной неприязнью. Офицерам и их спутникам нужно было становиться отчасти дипломатами, не забывая, что они представляют Россию в чужой, незнакомой стране.

За время своих путешествий по Центральной Азии Н.М. Пржевальский выработал определенную методику комплексных научных исследований и рекомендации по их проведению. При подготовке военных экспедиций Генерального штаба своеобразным методическим пособием стали его заметки «Как путешествовать по Центральной Азии»¹¹², в которых автор изложил свои взгляды на подготовку и проведение экспедиционной работы в этом регионе. Заметки стали результатом его собственного опыта, накопленного во время четырех путешествий по этому региону Азии. Пржевальский особо оговорился, что его «рецепты» путешествия пригодны лишь для пустынь Центральной Азии и для той исключительной обстановки, в которую попадает там путешественник при своих научных рекогносцировках»¹¹³. Многолетний опыт такой работы позволил Пржевальскому сформулировать несколько правил организации и проведения изучения той или иной страны. Однако он оговаривается, что сформулированные им правила — это всего лишь «общая канва, пополнять которую, сообразно обстоятельствам, вполне зависит от самого путешественника»¹¹⁴. Заметки Н.М. Пржевальского позволяют полнее представить, какой непростой, порой даже для профессионального путешественника, была организация экспедиций в Центральную Азию и их проведение. Его размышления хорошо дополняют по-армейски четкие, краткие, зачастую сухие отчеты тех военных исследователей Монголии, о которых мы расскажем ниже, и позволяют под иным углом зрения взглянуть и на самих путешественников, и на их экспедиции.

Основными правилами подготовки и осуществления работы экспедиции он считал следующие: личность путешественника (под которым он подразумевал прежде всего начальника экспедиции); состав экспедиции (преимущественно военные); план путешествия; поведение начальника экспедиции; отношения с местным населением. Остановимся подробнее на этих правилах, чтобы яснее понять, как тесно были связаны трудности и лишения, поджидавшие участников экспедиций в Центральную Азию, с радостью научных открытий.

Личность путешественника, которому выпадала «завидная доля научного исследования далеких стран Центральной Азии», была, по мнению Н.М. Пржевальского, важнейшим условием для успеха экспедиции. «Не ковром там будет постлана ему дорога, писал он, не с приветливой улыбкой встретит его дикая пустыня, и не сами полезут ему в руки научные открытия. Нет! Ценою тяжелых трудов и много-различных испытаний, как физических, так и нравственных, придется заплатить даже за первые крохи открытий. Поэтому для человека, ставшего во главе подобного дела, безусловно необходимы как крепость физическая, так и сила нравственная. Цветущее здоровье, крепкие мускулы и еще лучше атлетическое сложение с одной стороны, а с другой — сильный характер, энергия и решимость — вот те качества, которые всего надежнее будут гарантировать успех предприятия. Вместе с тем, конечно, необходима научная подготовка, специальная хотя бы в некотором, но при хорошем умственном развитии вообще и при достаточном знакомстве с различными отраслями предстоящих исследований»¹¹⁵.

Н.М. Пржевальский считал, что руководитель экспедиции должен иметь прирожденную страсть к путешествиям и быть беззаветно увлеченным своим делом; хорошо, если он будет отличным стрелком или, еще лучше, страстным охотником. Он не должен гнушаться никакой черной работы, напри-

мер выючения верблюдов, седлания лошадей, укладки багажа и пр. «Прежде всего нужно напомнить о том, что для успеха дела ни в каком случае нельзя ... держать себя барином», «ибо в путешествии придется жить в грязи и питаться чем Бог послал»¹¹⁶. Очень важно, чтобы начальник имел «ровный, покладистый характер, чем быстро приобретет расположение и дружбу своих спутников. ... Откровенно говоря, путешественником нужно родиться, да и пускаться вдаль следует лишь в годы полной силы»¹¹⁷.

Многое зависело от подбора членов экспедиции и их отношения к ее руководителю, а также от дисциплины в отряде. Поэтому, считал Пржевальский, в «состав экспедиции для продолжительной научной рекогносцировки неведомых и труднодоступных местностей в глубине Центральной Азии» должны входить преимущественно военные. Невоенный человек мог быть принят в отряд только в качестве специального исследователя, но с условием полного подчинения начальнику экспедиции. Кроме того, военный отряд мог гарантировать личную безопасность его членов.

Что касалось численного состава отряда, то, как полагал Н.М. Пржевальский, «для недалеких исследований в сопредельных нашей Сибири частях Монголии и даже в бóльшей части этой страны, где народ вообще смирный и притом к русским весьма расположенный, достаточно при начальнике экспедиции с его помощником четырех казаков»¹¹⁸. Пржевальский считал, что для «быстролетных научных рекогносцировок» лучше подойдут отряды с меньшим числом участников, так как «небольшая экспедиция всегда более верткая и потому скорее всюду проскользнет»¹¹⁹.

Начальник должен был особое внимание уделить выбору спутников, и особенно своих помощников, потому что от этого во многом зависел успех исследовательской работы. «Я лично, — писал Пржевальский, — почти всегда был счастлив в выборе товарищей и весьма обязан им успе-

хами своих путешествий»¹²⁰. В состав экспедиционного конвоя он предлагал включать «людей молодых и лучше неженатых. Такие субъекты, еще неискушенные жизнью, всегда энергичнее, откровеннее, бескорыстнее, более увлекаются делом, между собою живут дружнее и по родине не скучают. Кроме того, при выборе нижних чинов из солдат не следует брать жителей городов или больших деревень при железных дорогах, также бывших рабочими на фабриках или состоявших в какой-либо профессии, как напр. лакеями, поварами, кучерами и т.п. Всего надежнее жители удаленных от железных дорог деревень, да и из них люди самые бедные, лишь бы они были физически крепки и не совсем глупы»¹²¹. По всей видимости, Пржевальский хорошо умел подбирать своих спутников из нижних чинов, так как, по его словам, «наши солдаты и казаки — это идеальные для трудных и рискованных путешествий люди: они смелы, выносливы, неприхотливы и легко дисциплинируются; кроме того, из тех же казаков выходят хорошие препараты и сносные переводчики»¹²². Он рекомендовал для экспедиционной службы забайкальских казаков, хотя отмечал, что и другие казаки при умелом их подборе могут оказаться полезными для этого трудного дела. Но в любом случае, по мнению Пржевальского, солдат и казаков в конвой экспедиции «необходимо брать только по желанию, т.е. охотников, которым предварительно не худо представить в возможно мрачной окраске их будущую деятельность»¹²³.

Не менее важным условием для успеха экспедиции Н.М. Пржевальский считал составление «программы путешествия», намеченной «лишь самыми крупными чертами», так как заранее невозможно было предугадать все те обстоятельства, которые могли возникнуть на пути ее участников. Ведь выполняя задачи, стоявшие перед экспедицией, нужно было стараться исполнять то, что «возможно», а не то, что «желательно» сделать. «Повторяю это, — писал он, — в виду посто-

янных искушений, которым легко поддаться исследователю малоизвестных или вовсе неизвестных местностей, где обилие новизны просто туманит голову даже опытному путешественнику»¹²⁴. На первом месте, по его мнению, должны были стоять исследования чисто географические, а затем естественноисторические и этнографические. Он считал, что для полноты исследований полезно «пройти взад и вперед по одной и той же местности»; кроме того, экспедиция может разделиться на несколько самостоятельных отрядов, и эта тактика будет более успешной при проведении научных работ. Такой метод военные неоднократно использовали в своей практической деятельности в Монголии.

Методика научных исследований, применявшаяся Пржевальским и его спутниками, была следующей: маршрутно-глазомерная съемка, астрономические определения широт и долгот, барометрическое определение абсолютных высот, метеорологические наблюдения, описание млекопитающих и птиц, этнографические изыскания, ведение дневника, собирание зоологических, ботанических и минералогических коллекций, зарисовки, фотографическая съемка.

Весьма желательно было перед путешествием ознакомиться с литературой, посвященной тем краям, в которые направлялась экспедиция. Необходимо было запастись документами от Пекинской коллегии иностранных дел («китайским паспортом»), «и чем важнее прописан будет сан путешественника, тем лучше. При всем том, китайские власти непременно постараются тайными происками тормозить научные исследования путешественника, в особенности, если познают в нем мастера своего дела»¹²⁵. Что касается снаряжения экспедиции, Пржевальский призывал не брать ничего лишнего и «откинуть всякий комфорт». «Спали мы все, — писал он, — как зимою, так и летом, на войлоках, разостланных по голой земле внутри палатки или юрты. Казаки покрывались шубами; мы же имели одеяла из бараньего меха для зимы и байковые

для более теплого времени года. Подушек у казаков почти не было; их заменяло снятое и в изголовье положенное платье. У нас имелись небольшие подушки... Хорошо подстилать под себя зимою полушубок — мягче лежать, да и вставая утром наденешь этот полушубок согретым»¹²⁶.

Собственный богатый опыт позволил Н.М. Пржевальскому весьма подробно остановиться на вопросе, касавшемся снаряжения экспедиции. Он дает советы о том, какая одежда, галантерейные товары, ткани для различных нужд, провизия, посуда и пр. могут понадобиться, какие лекарства для походной аптечки будут нужны в путешествии, какие подарки для местных жителей надо брать с собой. Рекомендует он взять в экспедицию и «народные книжки для чтения казакам и книги для собственного чтения в свободные минуты; впоследствии эти книги идут на обертку чучел мелких птиц и на другое употребление»¹²⁷. Не без гордости Пржевальский пишет о том, что «некоторые из безграмотных казаков, во время моего четвертого путешествия, выучились читать и даже писать; занимались с ними иногда мои помощники, чаще же другие грамотные казаки»¹²⁸.

Важно было не ошибиться при выборе «движущей силы экспедиции», т.е. животных, «которые тащат по пустыням как самого путешественника с его спутниками, так и весь экспедиционный багаж». Особое внимание Пржевальский обращал на приобретение «не только хороших, но даже отличных верблюдов», так как от их качеств зависел весь ход путешествия¹²⁹.

Особое место среди советов и рекомендаций Н.М. Пржевальского занимали вопросы отношений членов экспедиции с местным населением. Эти отношения сводились в основном к закупкам продовольствия, ремонту багажа, приобретению или найму вьючных животных, найму проводника¹³⁰ и переводчика, добыванию расспросных данных. Он был уверен, что «научная цель путешествия нигде не будет понята

местным населением и через то путешественник всюду явится подозрительным человеком. Это в лучшем случае. В худшем же — к подозрительности присоединится и ненависть к пришельцу»¹³¹. Заметим, что это его мнение касалось в основном тангутов и китайцев; отношение путешественника к последним было неоднозначным. Что же касается монголов, то он писал, что они «держали себя обыкновенно индифферентно; иногда же, вдали от границы нашей или китайской, оказывались весьма добродушными»¹³². Пржевальский полагал, что «в живом деле путешествия, лицом к лицу с суровой обстановкою действительности» членам экспедиции придется следовать требованиям «борьбы за существование». Этим объясняются следующие его слова: «Только опыт позднейших экспедиций окончательно убедил меня, что для успеха далеких и рискованных путешествий в Центральной Азии необходимы три проводника: деньги, винтовка и нагайка»¹³³. Винтовку он считал лучшей гарантией личной безопасности, нагайка же нужна была потому, что местное население, по его мнению, «признает и ценит лишь грубую осязательную силу». Пржевальский, вероятно, искренне считал, что наличие нагайки было необходимо для того, чтобы местное население признавало, боялось и уважало путешественников. Однако он оговаривается: «Но, конечно, винтовка и нагайка могут служить только как лекарство в случаях **крайней необходимости**» (выделено нами. — *Е. Б.*).

Справедливости ради надо отметить, что сам Н.М. Пржевальский считал крайне важным налаживание отношений участников экспедиции с местными жителями. И все же, высоко оценивая вклад Пржевальского в развитие географической науки и изучение Центральной Азии, некоторые исследователи считают, что его отношение к населению не всегда было уважительным. Весьма резко Н.М. Пржевальский отзывался о народах, населявших Центральную Азию, о чем упоминал автор биографического очерка о нем

Н. Ф. Дубровин¹³⁴. Действительно, рассуждения Н. М. Пржевальского о «гораздо лучших прирожденных умственных способностях» оседлых жителей Центральной Азии, чем кочевников (номадов), вызывают по меньшей мере недоумение¹³⁵. Представляются весьма сомнительными его выводы относительно того, способны ли народы Центральной Азии к прогрессу «в смысле восприятия и усвоения европейской цивилизации». Н. М. Пржевальский считал, что все условия жизни кочевников, их способностей и характера сложились «наперекор прогрессу»¹³⁶. Когда читаешь эти строки, создается впечатление, что он был «запрограммирован» на весьма негативное отношение к местному населению, считая, что у всех азиатов вообще отсутствует стремление к прогрессу и для них характерен крайний консерватизм¹³⁷. О кочевниках он писал, что «их мыслительные способности во многом имеют чисто ребяческий характер»¹³⁸. И в то же время Н. М. Пржевальский считал, что «если первые (оседлые жители. — *Е. Б.*) превосходят последних (кочевников. — *Е. Б.*) умственными способностями, то в свою очередь кочевники, в особенности монголы, имеют больше добрых сердечных качеств», а «кочевник вообще гораздо откровеннее и добродушнее (чем оседлые жители. — *Е. Б.*); гостеприимство считается здесь священной обязанностью»¹³⁹.

Надо заметить, что участники российских военных экспедиций в Монголии весьма уважительно относились к местному населению. Это была не только установка военного руководства, но и тот стиль поведения, который был характерен для большинства российских офицеров.

Зачастую у тех, кто впервые попадал в Монголию, поначалу складывалось весьма негативное впечатление об этой стране. Правда, это больше касалось природных и бытовых условий, а не самих жителей. Но существует немало примеров того, как постепенно отношение путешественников к стране и ее людям менялось в лучшую сторону, потому что они начинали

понимать монголов, ценить их добродушный и гостеприимный характер. Хотелось бы заметить, что вообще для абсолютного большинства российских востоковедов, и в том числе монголоведов, было характерно уважительное отношение к представителям иных цивилизаций, которые они изучали. Высокий профессиональный уровень их исследовательской работы нашел положительную оценку в научных кругах зарубежных стран¹⁴⁰. Даже если некоторые российские исследователи замечали непривычные для европейца особенности быта и поведения азиатских народов и позволяли себе порой посмеиваться над ними, это не выглядело злой насмешкой¹⁴¹.

И конечно же, российские военные должны были избегать применения грубой силы в отношении местных жителей, так как иначе им просто не удалось бы выполнить поставленные задачи. Монголы могли быть очень добродушными, гостеприимными и отзывчивыми, а могли и замкнуться и не реагировать ни на какие просьбы приезжих. Их любопытство, которым нередко пользовались, чтобы получить нужные сведения, могло очень быстро переходить в равнодушие и даже в подозрительность, с чем нередко приходилось сталкиваться военным.

Общаясь с русскими, население должно было почувствовать, что Россия ведет и будет вести себя по отношению к Монголии и ее народу корректно, не станет вмешиваться во внутреннюю жизнь страны. И в то же время монголам нужно было дать понять, что в случае необходимости Россия может защитить их от Китая и стать гарантом стабильности в регионе.

Интересны советы Н.М. Пржевальского, касающиеся добывания расспросных сведений. Этими сведениями, считал путешественник, следовало пользоваться с крайней осторожностью и расспрашивать умело, иначе можно было легко попасть впросак. «Прежде всего обо всем желаемом нужно разведывать между прочими рассказами, как будто мимо-

ходом; далее, необходимо ставить вопросы таким образом, чтобы рассказчик сам повествовал, а не поддакивал за вами; необходимо проверять одно и то же сведение различной постановкою вопроса; наконец всего лучше расспрашивать про местность, впереди или назад лежащую, а не про ту, в которой путешественник находится в данное время»¹⁴².

Как представляется, весьма важной и созвучной нашим дням является мысль Н. М. Пржевальского о том, что «путешественник в далеких и диких странах Азии, помимо научных исследований, нравственно обязан высоко держать престиж своей личности, уже ради того впечатления, из которого складается в умах туземцев общее понятие о характере и значении целой национальности»¹⁴³.

* * *

Во второй половине XIX века научное монголоведение в России достигло довольно высокого уровня. К этому времени появились работы Н. М. Пржевальского — отчеты о его экспедициях в Монголию¹⁴⁴, А. М. Позднеева¹⁴⁵, Г. Н. Потанина¹⁴⁶ и других авторов, ставшие классикой монголоведения. Среди этих книг несколько потерялись работы военных исследователей, опубликованные под грифом «Секретно» или «Не подлежит оглашению», однако военное монголоведение продолжало развиваться. В начале XX века оно вступило в новый этап, так как Генеральный штаб еще более активно продолжил изучение Монголии, что в первую очередь было связано с политической ситуацией на Дальнем Востоке. Считая, что Монголия может стать театром военных действий, Россия сконцентрировала внимание на изучении условий для возможного пребывания своих войск в различных районах Монголии и их продвижения по этой стране в направлении Пекина.

Одной из примет развития отечественного военного монголоведения стали книги о Монголии, написанные россий-

скими офицерами, участвовавшими в экспедициях в эту страну. Эти работы стали заметным явлением в российском монголоведении, однако оценить их по достоинству стало возможно только после того, как с них был снят гриф секретности. Однако те военные и политические деятели, от которых зависела выработка курса в отношениях России с Монголией и которым эти работы были доступны уже с момента их публикации, благодаря им смогли лучше понять эту страну и расширить свои знания о ней.

Особое место среди трудов военных исследователей занимают монографические работы А. А. Баторского¹⁴⁷, Ю. Кушелева¹⁴⁸, С. Д. Харламова¹⁴⁹ и других авторов. Это были уже не просто отчеты о военных экспедициях, а обобщающие труды, затрагивавшие широкий круг проблем — от географии до политического и экономического развития Монголии того времени. Авторы опирались в своих работах на материалы, собранные ими самими и их предшественниками — как гражданскими, так и военными исследователями Монголии, — суммировали сведения, накопленные русской военной разведкой во второй половине XIX — начале XX века.

Глава II

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МОНГОЛИИ ВОЕННЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

1. ЭКСПЕДИЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА в Монголию во второй половине XIX века

Военные экспедиции Генерального штаба в Монголию во второй половине XIX века стали носить регулярный характер. По своим масштабам и объемам работ, целям и задачам они были довольно скромными, если сравнивать их с экспедициями Н.М. Пржевальского, Г.Е. Грум-Гржимайло, М.В. Певцова, П.К. Козлова и других известных путешественников, так как имели прикладной характер. Географического описания Монголии в то время фактически не существовало. Поэтому результаты исследований российских военных, наряду с материалами вышеназванных экспедиций, явились научным фундаментом для создания физической географии Монголии.

Военное ведомство России постепенно начинает уделять более пристальное внимание исследованию Монголии. Как отмечали в секретной записке от 18 мая 1905 г. на имя министра иностранных дел России В.Н. Ламсдорфа военный министр В.В. Сахаров и начальник Управления военного министерства Н.Д. Артамонов¹⁵⁰, «съемка приграничной полосы Забайкалья и Монголии имеет для нас весьма важное значение и притом съемка обеспеченная опорными пунктами и поставленная в достаточно широких размерах». Для военного ведомства было крайне важно издание «верной и точной карты Монголии»¹⁵¹. В исследования был вовлечен широкий круг специалистов в области естественных наук — географы, геологи, геодезисты, зоологи, ботаники, причем это

были известные и российские ученые, и менее известные военные востоковеды, имевшие специальное образование и прошедшие соответствующую подготовку.

С точки зрения сегодняшнего уровня географической науки исследования военных географов могут показаться упрощенными (особенно если вспомнить, что нередко они даже приборами не пользовались, а вели только глазомерную съемку географических объектов и их описание). Но без этих данных не была бы написана физическая география Монголии в ее современном виде.

Задача военных заключалась в том, чтобы определить наиболее благоприятные районы для возможной дислокации и передвижения русских военных отрядов. Сюда же входило подробное описание маршрута путешествия, местностей, отражение интересных событий во время экспедиции, в первую очередь контакты с представителями монгольских народностей, а также с китайцами, проживавшими в Монголии. Географическим факторам, таким как климат, водные системы, почвы, рельеф, уделялось особое внимание: по ним можно было определить возможности снабжения и содержания армии, а также особенности дислокации собственных сил и сил вероятного противника. Очень хорошо характеризует состояние дорог в стране старый монгольский афоризм: «В Монголии дорог нет, есть только направления». Движение по территории страны осуществлялось главным образом по полевым дорогам, представлявшим собой множество старых и новых колеи, тянувшихся параллельно или расходящихся веером в степном пространстве. Качество полевых дорог было плохим на очень больших расстояниях. Нередко выбрать правильный путь помогали монголы¹⁵².

В первую очередь офицеров-исследователей в Монголии интересовали районы, граничившие с Россией, т. е. Восточная и Северо-Восточная Монголия. Экспедиции производили точные съемки этих территорий; в работе участвовали гео-

дезисты, картографы, топографы, гидрографы. Их нередко поджидали трудности: китайские власти всячески мешали им, старались затормозить дальнейшее продвижение. Это делалось административными методами: придирались к якобы отсутствию нужных документов, ссылались на то, что чиновников, от которых зависело продвижение отряда по намеченному маршруту, не было на месте, а если это не помогало, то запрещали местному монгольскому населению вступать в контакты с русскими военными.

*Командировка в Северо-Западную Монголию
штабс-капитана Корпуса военных топографов
Орлова (1879)*

В июне 1879 г. штабс-капитан Орлов, находившийся в это время на топографических работах в Киргизской степи, получил предписание явиться вместе с военным топографом Елисеевым в Омск. Там ему были выданы соответствующие наставления и инструкции, после чего он был включен в экспедицию, которую РГО снарядило в Северную Монголию. На него и его спутника было возложено проведение топографических работ. Это была Вторая (Монголо-Тувинская) экспедиция Г. Н. Потанина¹⁵³. В 1879 г. в ее рамках П. Д. Орлов проводил самостоятельные топографические, гидрографические исследования в Урянхайском крае¹⁵⁴.

Его маршрут проходил от российско-китайской (монгольской) границы к озеру Цаган-нор вдоль русла реки Тетедей. Местность, по которой шел отряд, представляла собой «зеленеющую равнину, обильно орошенную многими источниками и небольшими озерами, так что она местами становится болотистой; отсутствие леса показывало, что мы находимся все еще на значительной высоте, только по склонам гор растилась полярная береза и кое-где на горах виднелись снежные пятна»¹⁵⁵. В этом отрывке виден и исследователь-географ,

и человек, хорошо владеющий словом, красочно описывающий природу¹⁵⁶. В то же время между строк чувствуется профессионализм разведчика, который изучает путь, по которому могут пройти русские войска, и те трудности, с которыми они на этом пути встретятся.

Сразу оговоримся, что здесь и далее названия некоторых небольших рек, ручьев и озер, а также другие географические точки (например, горы и сопки) трудно обнаружить на современной физико-географической карте Монголии. Но не будем забывать, что, даже если эти реки и озера не пересохли и существуют до сих пор, военные исследователи пользовались тогда крупномасштабными картами.

Далее от озера Цаган-нор отряд прошел до впадения реки Тетедей в реку Бекон-берю, затем пять верст — по берегу этой реки, загроможденному камнями, и повернул на северо-восток. Обогнув горы Кындыкты, путешественники вышли на равнину Узун-каджур, имеющую вид равнобедренного треугольника; эта равнина ограничена с востока горами Монгудэ и с запада — скалистыми отрогами Саймогемского хребта. На юге долина суживается, образуя щель, в которую проходит речка Бекон-берю.

Затем отряд повернул на север, взошел на небольшой гребень горы Кындыкты и увидел обширную горную впадину, в которой лежало озеро Кындыкты-куль. Двигаясь по территории Урянхайского края, отряд прошел по Кындыкты-кульской впадине, замкнутой с севера и востока горами Саянского хребта и продолжением Байран-нюргонских гор. С юга и запада простиралась невысокая гряда гор Кындыкты. П. Д. Орлов дал подробное географическое, геологическое и климатическое описание этой местности. Далее отряд двинулся на север по западному склону гор, окаймляющих озеро Кындыкты-куль, перевалил через небольшую возвышенность, спустился в глубокое ущелье, по дну которого протекал ручей Акчибулак, и по нему вошел в долину реки Харги вблизи ее

верховьев. Орлов подробно описал долину этой реки и окружающую ее гряду гор. Эта гряда «имеет в общем направление с запада на восток и служит как бы соединительною ветвью Саянского хребта с хребтом Танну-ола. В общем описываемые горы имеют резкий характер, выдвигаясь то конусообразными, то пирамидальными шпилями, почему в различных своих частях носят разные названия. Так, например, западная часть называется Усунгем, середина Дендэ-шили и наконец восточная Хараца и Цаган-Шиботу. ... С юга долина ограничивается возвышенным плато, которое обрезается скалистыми береговыми обрывами футов около 100 вышины»¹⁵⁷.

Путь привел отряд по долине речки Мухор, впадающей в Харгу, к летнему стойбищу китайского караула Урю. (Зимой он находился на озере Урю-нор.) Военные остановились вблизи караула, полагая, что просто проехать мимо они не смогут, так как у них потребуют документы на проезд, а также желая «кое-что узнать о китайских порядках». Документы китайцы у них не потребовали. Выяснили, что пикет состоит из трех юрт, в которых располагались два офицера и человек десять солдат, живших со своими семьями. По словам китайского офицера, служба их состояла в пересылке почтовой корреспонденции и наблюдении за внутренним порядком, в особенности в охране дербетов¹⁵⁸ от грабежа урянхайцев; «последние не имеют права, без вида офицера, переехать линию караулов»¹⁵⁹. Орлов нанес на карту линию китайских караулов, сделав оговорку, что правильно обозначить места стойбищ невозможно ввиду их частых сезонных перекочевок.

Исследователи продолжили свой путь и двигались к озеру Урю-нор. Орлов описывает ландшафт, почвы, растительность, климат района. Ближе к озеру стали попадаться солончаки. Подойдя к берегу озера, путешественники удивились множеству гусей и уток, которые «тучами улетали от берега» при их приближении. «Местами кое-где белелись лебеди», —

пишет Орлов. Почему Орлов обращает внимание на птиц? Видимо, не только из-за красоты, но и, вероятно, потому, что птицы могли стать прекрасным пропитанием для войска. Пройдя верст пять по берегу озера в поисках хорошего корма для лошадей, отряд остановился на ночлег. Затем — изучение озера и подробное описание его и прилегающих окрестностей. Все очень коротко, четко, конкретно — форма и размеры озера, его берега, единственная речка Харга, впадающая в него.

Далее отряд двигался к горам Байрана, вступил в долину Эльджиген, где встретили множество кочующих дербетов; их стада «покрывали долину и прилегающие высоты». Путешественники поднялись вверх по долине и вззошли на небольшое плато, служившее соединением гор Эльджиген с горами Байран, спустились в долину речки Кунделюн, перешли вброд речку Тургут и приблизились к ханскому *хурээ*¹⁶⁰. В полуверсте отсюда в палаточном лагере расположились русские купцы, к которым отряд П. Д. Орлова и присоединился. Перечисляя горы и хребты, реки и озера, попадавшиеся на пути, Орлов дает очень подробную характеристику основным компонентам ландшафта: описывает рельеф, перевалы, дороги, пересохшие реки и те, которые можно перейти вброд, климат, растительный и животный мир.

В лагере П. Д. Орлов узнал, что Г. Н. Потанин жил здесь еще в июле, а затем отправился в Улангом, вернулся и потом опять уехал, оставив часть багажа и коллекций в хурээ, обещая возвратиться обратно в середине августа. Из этого расписания передвижений Потанина, которые приводит Орлов, можно сделать вывод, что отряд прибыл в хурээ в июле, т. е. к этому моменту он путешествовал уже около полумесяца и передвигался довольно быстро. Русские купцы жили в хурээ с целью собрать скот за проданный монголам еще в прошлом году товар. Получив скот, купцы собирали его в гурты и отправляли в Восточную Сибирь. Основными товарами, которыми

русские торговали с монголами, были: выделанная кожа (преимущественно красная), цветное сукно, ситец, коленкор, кирпичный чай¹⁶¹, изделия из железа (котлы, лопаты, топоры, косы, серпы, гвозди). Эти изделия обменивались на скот, преимущественно рогатый, и лошадей. Купцы охотно брали шкурки сурков, которые потом отправляли на Ирбитскую ярмарку.

Отдохнув день в ханском хурээ, отряд Орлова отправился к Улангому, до которого оставалось 2–3 дня пути. Орлов подробно описывает маршрут, которым шел отряд: он проходил по северному склону гор Яматэй-шили. Пройдя небольшими перевалами, покрытыми густым лесом, верст десять, путешественники спустились к речке Улан-дзухем, затем у ее истока поднялись на перевал, отделявший речку Кундемон от речки Харахиры. Отсюда на юг простирался горный массив. Нижние его склоны были покрыты лесом, а в верхнем поясе открывались роскошные луга. В широких долинах виднелись юрты и стада кочующих дербетов. На северо-востоке выдвигался горный кряж со скалистыми вершинами, внутренние скаты которого были пологи, за исключением некоторых мест, и представляли волнообразную горную площадь. Наружный склон круто обрывался к Улангомской долине. Спустившись с перевала в долину, отряд обнаружил две речки — Мэету и Кужуртэ, бравшие свое начало из ключей, которыми изобилует весь северный склон Яматэй-шили. Из упомянутых двух речек образуется альпийское озеро Куку-нор, с двух сторон сжатое отвесными скалами.

Отряд продолжал свой путь, переваливая через горы, спускаясь с них по отвесным склонам, пересекая глубокие лощины и долины рек. Орлов подробно описал Харахиринский горный массив и водный путь реки Харахиры от верховьев до ее нижнего течения. Путь был весьма нелегким — только на одном из отрезков маршрута участники экспедиции пробирались «то по воде, то по откосам гор около 10 верст»¹⁶².

Экспедиция дошла до Улангомской степи, протянувшейся в ширину почти на тридцать верст и далеко простиравшейся на северо-восток. С юго-запада она была окаймлена кряжем Хан-хох, а с северо-востока — хребтом Хан-Хухэй. К юго-востоку от ущелья оба эти хребта соединяются между собой нагорным плато, а затем местность вновь постепенно понижается на юго-юго-восток, образуя долину озера Киргиз-нор¹⁶³. Выйдя в Улангомскую долину, отряд прошел еще верст 20 и достиг *кумирни*¹⁶⁴ дербетского вана, в полуверсте от которой разбил свой лагерь.

С большим трудом уставшие в пути члены отряда добрались до Улангома. Верблюды, нанятые для путешествия в Кош-агаче, обессилили и еще в пути начали сильно отставать. Приходилось постепенно убавлять тяжести, которые они везли, и навьючивать их на запасных лошадей. Под конец верблюды шли совершенно пустые, и все же на подходе к Улангому один верблюд пал. «На другой день, — пишет Орлов, — наш проводник Алтаец открыл по этому случаю мясную лавочку, где бедные Дюрбеты быстро разбирали мясо, уплачивая за него овчинами и кирпичным чаем, так что к вечеру осталась только одна шкура от павшего верблюда»¹⁶⁵. Пострадали не только верблюды, но и многие лошади, которые попортили себе спины вьюками, захромали и просто устали. Но устали не только животные — люди тоже были измотаны; они прошли из Алтая до Улангома 900 верст всего за 24 дня по твердой, каменистой и гористой местности, по сухим руслам рек, заполненным валунами. Если учесть, что отряд останавливался несколько раз на непродолжительный отдых, то можно посчитать, что в среднем делалось около 50 км в день!

Следуя данной ему инструкции, П. Д. Орлов должен был встретиться в Улангоме с Г. Н. Потаниным и присоединиться к нему, но никто не имел никаких известий о местонахождении последнего, и только вещи его хранились в местной

кумирне. П.Д. Орлов решил продолжить топографические работы на месте, отъезжая от лагеря в разных направлениях на 2–3 дня и возвращаясь назад. За это время была сделана подробная маршрутная съемка около берегов Убсу-нура, частично исследованы горы Хан-Хухэй до озера Киргиз-нор, а затем дорога от Улангома до г. Кобдо. И опять мы находим у Орлова подробное описание Улангомской долины: почв и растительности, двух дорог от Улангома — на Кобдо и на Уясутай, с их подорожными станциями (уртонами), урочищ, рек и озер.

Во время пребывания в хурээ П.Д. Орлов заметил, что народу в самом хурээ и поблизости было мало: остались только бедняки, караулившие лагерь и засеянные поля, а также рабочие, возводившие постройки из сырцового кирпича. Остальной народ вместе со своим ваном и ламами кочевали в горах. Причиной этой откочевки были оводы, которых в долине было очень много после стока весенних вод, и это обстоятельство заставляло всех уходить в горы, где жители оставались до наступления холодов и спускались в долину только в начале осени. 20 августа, не дождавшись Г.Н. Потанина и не имея о нем никаких сведений, П.Д. Орлов отправился в Кобдо, взяв с собой одного казака и проводника-дербета. Путь от Улангома шел на юг, по предгорьям Хайдэ, вдоль рек и речушек — до озера Хара-нор. Местность заметно изменилась, очертания окружающих гор стали более мягкими, скалы сгладились, образовав на боковых скатах песчаные осыпи, покрытые редкой травянистой растительностью.

Перейдя через невысокий перевал, отряд спустился к озеру Хара-нор, на берегу которого и переночевал. И снова — детальное описание озера и прилегающих к нему окрестностей, его берегов, почв, гор вокруг и пород, из которых они состоят, небольших озер и речушек по соседству. Все идет в копилку знаний о местности. И опять отряд движется дальше по горной равнине в сторону гор Дзерен-

неро. По пути путники заметили у подножья горы мингитский¹⁶⁶ хурээ. Он состоял из высокого деревянного здания, обнесенного частоколом, внутри виднелись небольшие постройки из сырцового кирпича. Мингитский хошун кочевал где-то в горах, и только при наступлении холодов он спустился на равнину и располагался около хурээ.

Переночевав у одного из колодцев, на следующий день путешественники спустились в долину реки Кобдо и дошли до переправы через нее. Здесь Орлов узнал, что «русский наён (так у автора. — *Е. Б.*) с женою и целым караваном верблюдов, дня три тому назад, переправлялся и уехал по направлению к Улан-хому. По всем вероятностям, это был Г-н Потанин, как действительно, впоследствии и оказалось. Мы где-то с ним разъехались дорогой, которой на самом деле здесь не существует, а вся площадь в несколько верст шириной представляет удобный путь для проезда, только нужно знать приблизительно направление и места, где есть вода, чтобы достигнуть желаемого пункта»¹⁶⁷. Орлов продолжил путь до Кобдо, где планировал провести астрономические наблюдения, «для определения хода хронометров». Реку Кобдо он переехал на пароме, который состоял из двух выдолбленных бревен, связанных вместе веревкой, и управлялся длинным шестом, лошади же переправлялись вплавь. Проехав вдоль пустынных берегов р. Кобдо, экспедиция вошла в предгорья Южного Алтая, откуда проследовала по долине реки Буянту до г. Кобдо, где остановилась у купца В. А. Гилева, торговавшего там.

П. Д. Орлов провел в Кобдо всего один день, которым воспользовался для проведения астрономических наблюдений. Он отмечает в отчете, что город Кобдо подробно описан русскими путешественниками, которые ранее побывали в нем, и потому он не видит надобности делать это еще раз и не так досконально, как его предшественники. Однако Орлов всего за один день сумел собрать довольно подробные сведения

о китайском гарнизоне Кобдоской крепости: «В то время весь гарнизон крепости состоял не более как из ста человек, вооруженных в небольшом числе ружьями, заряжающимися с казенной части, а остальные саблями и пиками; в крепости находилось два заржавленных орудия и несколько старинных длинноствольных ружей. По случаю малочисленности войск, купцы наши жаловались на плохую торговлю»¹⁶⁸.

Когда П. Д. Орлов находился в Кобдо, там казнили дунганина¹⁶⁹, пойманного китайцами в окрестностях города. Как пишет Орлов, после пыток дунганин рассказал, что весной в разные стороны было отправлено 20 разведчиков, чтобы узнать, где находятся китайские войска и какова их численность. Со слов своего казака и русского приказчика купца В. А. Гилева, ходивших смотреть эту сцену, П. Д. Орлов описал казнь разведчика. По словам очевидцев, после казни на труп «напали чуть ли не с дракой глазевшие тут же монголы, вырезая куски тела казненного, которое, по их суеверному понятию, составляет какой-то талисман, сохраняющий носящего при себе кусочек человеческого тела от всяких бед и болезней»¹⁷⁰. Эти подробности произвели на Орлова тяжелое впечатление, и он был рад покинуть на следующий день Кобдо «со всеми его кровавыми сценами».

Обратный путь показался П. Д. Орлову коротким; в Улангом он прибыл в ночь на 30 августа и наконец-то застал там Г. Н. Потанина. На следующий день они начали приготовления к дальнейшему совместному пути. Интересная подробность: говоря о покупке продовольствия, Орлов отмечает, что русские серебряные рубли, которыми он был снабжен, дербеты и вообще монголы не принимали, тогда как китайские купцы, торговавшие в Улангоме, брали их с охотой. Орлов покупал у них кирпичный чай ящиками, а потом расплачивался им с дербетами за лошадей (10 кирпичей за одну лошадь), баранов (2 кирпича), пшеничную муку (1,5 кирпича за пуд), просо (1 кирпич за пуд), соль (1 кирпич за пуд),

овчинные шубы (1 кирпич), нанимал рабочих за 5 кирпичей в месяц с условием кормить их и предоставлять им лошадь; лошадь внаем отдавали за 2 кирпича чая. Путешественники предполагали проехать от Улангома до Дархатского хурээ за два месяца, и так как по пути их следования не было другого торгового пункта, где можно было бы закупить продовольствие, они вынуждены были взять весь двухмесячный запас с собой из Улангома.

7 сентября 1879 г. экспедиция выступила из Улангома. Дальше П. Д. Орлов описывает свое путешествие уже вместе с Г. Н. Потаниным. Подробный рассказ об этой части маршрута мы можем найти у самого Потанина¹⁷¹.

И все же — что было сделано П. Д. Орловым на этом этапе исследований? За сухим и скучноватым перечислением проведенных измерений, изучения климата, маршрутной съемки стояла огромная, кропотливая, тяжелая работа, выполненная членами экспедиции. Было определено методом наблюдений и опросов местного населения, сколько рек и речушек и какие именно впадают в озеро Убсу-нур (река Тэс, один из самых больших притоков Убсу-нура и река Нарин-гол) и в реку Тэс (речки Таштарган, Орикхш, Холай и Алык). Орлов выяснил, что река Торхалик состоит из трех речек — Амрык, Улясутай и Хорган-шыбыр, — которые сливаются в один поток в нагорной долине, а затем, вновь разбившись на три рукава, впадают в Убсу-нур. Озеро оказалось самым большим водоемом Монголии (3350 км²).

Был определен береговой рельеф озера Убсу-нур, обследовано его дно на расстоянии 10 сажен¹⁷², проведены органолептические анализы воды. Озеро изучили по окружности, и очертания его получились совершенно другими по сравнению с тем, как они прежде давались на географических картах. Исследователи также определили, что озеро Баганор, расположенное недалеко от Убсу-нура, на картах было показано как довольно большое, а в действительности оказа-

лось маленьким озерком, не более 1–2 верст в окружности. В поперечной ложине между горами Цаган-хоту и Джаргалант, на восточном склоне последних Орлов отмечает залежи отличной каменной соли, которую добывают дербеты для употребления в пищу.

Была также исследована река Улу-кем и ее притоки Ар-Тархолик, Джагол, Кемчик, Елекем, Темерсук и др., северный и южный склоны Танну-ола. Было определено, что долина Улу-кема представляет собой проход длиной примерно 300 саженьей, то суживающийся боковыми горами, то расширяющийся. Отряд перешел через перевал в горах Атук-таш, далее по долине, тянувшейся между хребтом Танну-ола и цепью гор Цынак, дошел до речки Елегес и продолжил путь по долине Улу-кема. Везде велась глазомерная съемка, делались подробнейшие описания водной системы района, растительности, рельефа, давалась характеристика горных пород. Участник экспедиции Андреянов¹⁷³ исследовал залежи каменного угля, обнаруженные в долине речки Елегесы.

На своем пути путешественники встретили кочевавших в этой местности урянхайцев, которые рассказали им, что невдалеке, на реке Улу-кем, находится дом русского купца, и там живут русские. Отряд проехал четыре версты и подъехал к дому минусинского купца Н. Ф. Веселкова, который торговал в этих местах уже несколько лет. Приказчик проживал здесь постоянно. Кроме того, здесь же жили крестьяне из деревни Усинской, которые промышляли добыванием соли из озера Каден в 35 верстах отсюда. Русские поселенцы сообщили также, что верстах в 20, на Улу-кеме, находится дом минусинского купца Г. П. Сафьянова. Как пишет П. Д. Орлов, путешественники «нечаянно открыли целое русское население». От приказчика купца Веселкова они узнали, что в эту местность часто приезжают усинские крестьяне — ранней весной, по льду Улу-кема, а летом через горы, пользуются местным лесом для постройки плотов, загружают их солью и вывозят

в Россию; в течение года вывозится до 1000 пудов. Некоторые крестьяне занимаются торговлей, которая в основном состоит из обмена российских товаров на монгольский скот и кожи. Наибольшим спросом у монголов пользовались кирпичный чай, табак, сукно, изделия из железа, крупчатая мука. Цены на эти товары были значительно выше, чем в Улангоме: кирпич чая стоил три рубля, фунт простого табака — 50 коп., куль муки 3-го сорта — 12 руб. Для сравнения — рогатый скот принимался в обмен на этот товар по цене от 12 до 15 рублей¹⁷⁴.

Экспедиция продолжила путь и через день вышла к дому купца Г. П. Сафьянова, где собрала подробные расспросные данные о реке Бей-кем, ее притоках и возможности передвижения по ней и ее берегам в сторону Тайджи хурээ и караула Дзиндзилик. Двигаясь далее по маршруту в сторону Дархатского хурээ и пытаясь собрать сведения об этом пути, отряд столкнулся с непредвиденными осложнениями. Оказалось, что расспросные сведения собрать было невозможно, так как этим путем до них никто не ездил и местность не знал; кроме того, по долине Улу-кема можно было пройти только 100 верст, а затем дорога шла по непроходимому ущелью, а если и можно было проехать по горам, то только верхом, а с верблюдами пройти было невозможно. Но путешественники решили отправиться вперед, надеясь встретиться с сарджальским *нойоном*¹⁷⁵, подробнее разузнать у него о дальнейшем пути и добыть хорошего проводника.

Можно представить, с какими трудностями в пути столкнулись путешественники. Но главное для них было — идти вперед, к цели. И они шли вперед, продолжая изучать рельеф местности, водные системы, растительность. На четвертый день дошли до урочища Саргалы. От него экспедиция направилась на юго-восток по пересеченной долине в сторону стоянки сарджальского нойона, от которого, по словам Орлова, «должен был зависеть ... наш путь». Во время встречи с нойоном стало ясно, что дальнейший путь на Дархатский хурээ

через горы представляет опасность. Примерно десять лет назад, когда в ту сторону проходил караван на верблюдах какого-то нойона, то для этого каравана специально расчищали дорогу, но, несмотря на все предосторожности, несколько верблюдов погибло, упав с горы.

Было решено отправиться вперед по этому пути и в случае неудачи повернуть назад, выйти на караульную дорогу и по ней двигаться в сторону Дархатского хурээ. Но, отмечает П. Д. Орлов, по этой караульной дороге три года назад прошли Г. Н. Потанин и сопровождавший его поручик Рафаилов¹⁷⁶, и поэтому она не представляла никакого интереса для изучения. «Вот почему мы так упорно преследовали свою цель направиться по этому неудобному пути»¹⁷⁷. Долг военного и азарт первооткрывателя толкал Орлова на изучение нового маршрута. По его просьбе нойон предоставил членам экспедиции двух проводников, один из которых должен был довести их до озера Тери-нор и передать жившему там *дзанину*¹⁷⁸ с приказом, чтобы тот шел с отрядом далее до дархатской границы. Другой проводник был временным: он сопровождал экспедицию до первых кочевий, а затем его должен был сменить другой провожатый.

От сарджальского нойона путь лежал в направлении реки Бурень и на Улу-кем. И опять — глазомерная съемка местности, орографические исследования, переправы через реки — вброд и на плотах, переходы через горные хребты. Местами путь затрудняли заваленные камнями и валежником долины. В долине реки Сизын им встретилось удивительное природное явление: в нижней части этой долины рос березовый лес; стволы многих берез изгибались в дугу, так что верхушки некоторых деревьев достигали земли и они выглядели как естественные арки.

Путешественникам предстояло пройти еще более 30 горных перевалов, и впереди был весьма опасный спуск. Двигались с трудом, потому что в горах уже пошел снег, приходи-

лось еще помогать верблюдам, тяжело поднимавшимся в горы. Окружающая местность была покрыта лесом, и члены экспедиции вынуждены были прорубать просеки, чтобы пройти дальше. Для подъема в горы делались ступеньки для верблюдов, по которым они шли довольно ловко. Все это замедляло движение, но отряд понемногу шел вперед. Обильные снегопады задержали путешественников на четыре дня, но они все же решили идти во что бы то ни стало до того опасного спуска, которым их пугали проводники. Там, где густые заросли затрудняли проход выючным верблюдам, люди расчищали для них дорогу. Спуск действительно был сложным: приходилось перевьючивать груз с верблюдов на лошадей; верблюды спускались плохо, упрямылись и «возмущенно кричали». Однако все закончилось благополучно. Только два верблюда под конец почти скатились, но глубокий снег смягчил их падение, и они остались живы.

Возле речки Хожуртэ-беты-аксы путники остановились переночевать. Здесь они фактически отрезали себе обратный путь, так как подняться с верблюдами назад не было никакой возможности. В любом случае они должны были идти только вперед. Отсюда началось путешествие отряда, «однообразное», по словам П. Д. Орлова, и «сопряженное со всеми лишениями и трудностями, которые трудно себе представить». Если уж он это пишет, то можно представить, что так оно и было, если все предыдущие трудности Орлов такими не считал. В день экспедиция проходила не более 10 верст, а то и меньше; начинали движение с восходом солнца и останавливались только на закате чтобы переночевать; «остальное время шло на устранение встречавшихся препятствий». Почти каждый день приходилось высылать вперед людей с топорами и лопатами для расчистки дороги от непроходимого леса и валежника и для снятия снежного покрова на косогорах и подъемах, которые были такими скользкими, что по ним было опасно идти.

Во время маршрута путешественники предпринимали все меры предосторожности, однако верблюды скользили и часто падали. В этом случае нужно было развьючить верблюда, отвести на ровное место и снова навьючить. Серьезным препятствием стали речки, которые уже замерзли, но не так сильно, чтобы выдержать верблюдов и лошадей. Приходилось либо прорубать лед и идти по руслу, либо, если лед был достаточно крепок, посыпать его песком. Все это отнимало очень много времени. Так, преодолевая трудности, экспедиция продолжала свой путь еще два месяца. Пройдя до долины речки Улу-Дживей, спустились в долину реки Оима в районе хребта Аджанхорум. Восемьдесят верст с трудом прошли по долине Большого и Малого Дживея за восемь дней. С юга долину Малого Дживея опоясывают скалистые склоны хребта Танну-ола, или горы Онгон, как их называли кочевавшие в этих местах урянхайцы. Высота некоторых гор достигала 1000 футов. Орлов, со слов урянхайцев, подробно описал речку Улу-Дживей и ее притоки от истока на вершине Танну-ола до впадения в речку Тос-куль, которая, в свою очередь, впадает в реку Тэс.

Отряд продолжил свой путь вдоль северного склона Танну-ола, который представлял в этом месте горную возвышенность, называвшуюся Сангылен. Были изучены реки Бурунджил, Карган-пэш, впадающая в реку Тарбагатай, с притоками. Было определено, что река Тарбагатай впадает в р. Улу-кем. Затем по долине Тарбагатай дошли до реки Яботэ, впадающей в Тарбагатай. Переходить через Тарбагатай, глубина которой достигала более аршина¹⁷⁹, пришлось по льду, проваливаясь в воду и опять вылезая на ледяную поверхность. «Для устранения такого препятствия прорубали лед, а русло реки заваливали камнями», — писал Орлов. Дальше путь продолжился в сторону озера Тэри-нор. В долине путешественники встретили небольшой деревянный монастырь урянхайцев, в котором было всего 10 лам. До озера доехали вечером 29 октября

и остановились на его берегу на двое суток. Днем провели подробную глазомерную съемку местности, т. е. самого озера, рек, горного кряжа, замыкающего озеро с востока (Орлов обратил особое внимание на три конусообразные вершины, называвшиеся Гурван-хан) и отрогов Танну-ола — с юга, запада и севера, выяснив пути движения на Дархатский хурээ. Продовольствие, запасенное в Улангоме, у путешественников почти закончилось; у них оставалось немного кирпичного чая, а сухари и муку приходилось заменять кореньями, которые урянхайцы употребляли вместо хлеба. Купить баранов было невозможно, так как чая почти не осталось, а серебро в уплату за товар урянхайцы не принимали. «Верблюды и лошади наши, писал Орлов, совершенно изнурились вследствие трудного добывания корма из под снега, некоторые из них ослабли до того, что были брошены на пути, а остальные едва волочили ноги, так что мы большую часть пути совершали пешком. Впрочем оно было и кстати, холод, достигавший до 20° Р¹⁸⁰, и при этом ветры не давали долго засиживаться в седле»¹⁸¹.

От этой точки отряд начал свое движение в сторону русской границы. Дойдя до обширной нагорной возвышенности Хан-тайга, Орлов произвел съемку протянувшейся на восток горной страны, называвшейся Улан-тайга, на которой были разбросаны группы невысоких гор. «В общем, писал он, все видимое пространство представляло в то время дикую пустыню, покрытую глубоким снегом; куда ни посмотришь, везде возвышаются снежные бугры, повсюду царствовала мертвая тишина, только снежная пыль, поднимаемая ветром носилась над ее поверхностью»¹⁸². Идти было тяжело — по снежным сугробам; когда спускались вниз в ущелье речки Асхалык, иногда скатывались по гладкой ледяной поверхности. Далее путь отряда пролегал по долине речки Балыкты (монг. Бальги), по долине речки Агаш до ее верховьев, через перевал Агаши-дава, по долине речки Термис, по плоского-

рям, через реки и речушки, их притоки. Путь осложняли погодные условия — уже давно выпавший снег и на плоскогорьях, и в долинах рек, а также низкие дневные и ночные температуры. По мере продвижения делалось теплее и снег убывал, и при впадении р. Термис в речку Дзосой было уже настолько тепло, что перед путешественниками открылась долина, покрытая высокой травянистой растительностью. Кочевавшие в этих местах урянхайцы рассказывали, что снега в этих местах зимой почти не бывает.

Пройдя 20 верст по горам, отряд перешел границу дархатских владений и вышел в долину реки Агар недалеко от впадения в нее речки Дзосой. Здесь возникли трудности: в пути погибло больше половины лошадей и несколько верблюдов, а оставшиеся верблюды и лошади, несмотря на то, что подножный корм был в достатке, дальше идти почти уже не могли. А пройти отряду предстояло еще 300 верст. Поступили следующим образом: у кочевавших в этой местности дархатов было решено купить или нанять лошадей и верблюдов. Проведя два дня у дархатского *зайсана*¹⁸³, путешественники переформировали свой отряд: Г.Н. Потанин оставил животных до весны для кочевки в долине р. Агар, а также свой багаж под присмотром рядового Палкина и трех монголов, работавших в экспедиции. Чтобы попасть к русской границе, он нанял лошадей и двух проводников. П. Орлова, топографа Елисеева и трех казаков с их багажом монгольские проводники должны были доставить до первого русского поселения. За это Орлов должен был отдать оставшихся у него пять лошадей и трех верблюдов.

Утром 13 ноября П.Д. Орлов двинулся в путь. Он продолжил составление маршрутной карты, нанося на нее в мельчайших подробностях все озера и реки, протекавшие в этой местности. Отряд шел через долину р. Агар, а затем по долине р. Тельгир-мурен, через перевал Хомар-дава, 40 верст по юго-восточному склону плоскогорья Улан-тайга. С перевала

Ерень-дава, который был водоразделом бассейна р. Селенги от истоков Улу-кема, отряд спустился по отлогому склону в долину речки Бальбрык и прошел до долины речки Шишкит. На перевале Ерень-дава, который дархаты¹⁸⁴ считали священным, Орлов насчитал двенадцать *обо*¹⁸⁵ и несколько могил, огороженных деревянными срубам, в которых были похоронены настоятели кумирни.

17 ноября отряд достиг Дархатского хурээ, где остановились у русского купца, который вел там торговлю. Жил купец в довольно большой войлочной юрте; отдельные пристройки (кухня, амбары и лавка) были деревянными. И здесь Орлов продолжал работать — он собирал опросные данные о реках Шишкит и Улу-кем и их притоках, о других более мелких речках, а также об озере Дор-нор. «Вся эта местность совершенно необитаема, и только в зимнее время изредка заходят охотники на соболей»¹⁸⁶. Именно зимой, начиная с середины декабря, когда озеро Косогол (Хубсугул) и река Иркут замерзали, из России приезжали русские торговцы с разными товарами. Привозили в основном муку, кирпичный чай и сукно, а в обмен принимали соболей и рогатый скот. В хурээ в зимнее время оставались только ламы, человек около 50; постоянные холода и ветра, господствовавшие с октября по май как на плоскогорье, так и в долине Шишкита, и глубокий снег заставляли скотоводов откочевывать в долины рек Тельгир-мурен и Агар.

Из Дархатского хурээ путешественники отправились через горы, отделявшие долины реки Шишкит от озера Косогол, через долину рек Арасай, Улю и Шара-булук и вышли наконец к озеру. Отряд двигался на север и, дойдя до северной оконечности Косогола, повернул на восток, перевалил через горный отрог и спустился в долину речки Цаган-сайр. 26 ноября 1879 г. он достиг русской границы, откуда вышел в долину реки Иркут к бывшему Хангинскому пограничному караулу. В Иркутск прибыли 1 декабря.

На всем протяжении путешествия П.Д. Орлов вел маршрутную съемку. Он составил карту, на которой был отмечен пройденный путь; она была дополнена расспросными сведениями и ежедневными барометрическими измерениями. Впоследствии по астрономическим наблюдениям, произведенным Орловым, по вычислениям военного географа и астронома полковника Мирошниченко¹⁸⁷ были определены координаты Улангома и ханского хурээ на речке Чигиртей.

Столь подробно описав маршрут П.Д. Орлова и его спутников, мы показали, как тщательно, скрупулезно и профессионально работал этот военный исследователь. Поначалу при общении с местным населением с целью выяснения географических названий и других данных возникали определенные проблемы. Но Орлов смог преодолеть их. Члены отряда сумели завоевать доверие местных жителей, соглашавшихся быть их проводниками. Российские военные не унижали их достоинство и доверяли им, вели себя с местным населением честно и порядочно — не обманывали, платили за оказанные услуги, питались с ними вместе. Такие взаимоотношения немало способствовали успеху экспедиции.

Подъемы на крутые горы, отвесные спуски, переправы через реки большие и маленькие, тяжелые погодные условия — через все это прошел П.Д. Орлов и с честью выполнил приказ командования. Кажется, что перед читателем сухое, скучное описание рек и их притоков, долин рек и речушек, горных вершин и перевалов, но за всем этим стоят не впечатления праздного туриста, а тяжелейшая работа исследователя. П.Д. Орлов подробнейшим образом описал горную и водную системы Северо-Западной Монголии. Он провел большой цикл самостоятельных географических, геологических, орографических исследований и внес свой посильный вклад в дело изучения этого региона Монголии.

Штабс-капитан Орлов — это первый военный исследователь, о маршруте которого по Монголии мы рассказали так подробно. В течение 1879 г. он с членами своей экспедиции проделал огромную научную работу. Трудности и лишения, выпавшие на их долю, можно сказать, были типичными для тех, кто становился первопроходцами неизученных территорий в этой стране. В той или иной степени такие трудности и лишения испытывают все, кто выбирает для себя нелегкий путь путешественника-исследователя. Отдавая должное П.Д. Орлову как руководителю отряда, необходимо отметить, что он внес большой вклад в монголоведение и выполнил возложенное на него задание.

*Командировка в Китай
поручика Генерального штаба Евтюгина (1882)*

В мае–октябре 1882 г. поручик Евтюгин¹⁸⁸ был командирован в Китай для изучения путей, ведущих из Забайкалья в Пекин. Часть его маршрута прошла по территории Халхи¹⁸⁹. Впоследствии им была составлена «Краткая записка о путях, ведущих из Забайкальской области в г. Пекин, пройденных летом 1882 г.»¹⁹⁰. В задачу Евтюгина входило изучение двух дорог, которые можно было бы использовать для продвижения русской армии в направлении Китая¹⁹¹. По территории Халхи проходило несколько караванных путей, которые вели в Китай и находились в относительно удовлетворительном состоянии. Однако дорог, годных для прохождения войск, в Монголии практически не было, а из тех, что имелись, не все были нанесены на карты Генерального штаба.

И.А. Евтюгина интересовал в первую очередь наиболее короткий и удобный путь, а также наличие воды (желательно проточной или ключевой, так как колодезная вода была практически непригодна для питья и приготовления пищи). Необходимо было выяснить, где и как можно достать прови-

ант и корм для лошадей. При сборе опросных данных сложность заключалась в том, что монголы, неплохо знавшие территорию в пределах своего хошуна, зачастую не могли ответить на вопросы, касавшиеся географических особенностей «чужих» местностей. Случалось и так, что нередко монгольские названия, нанесенные на карты, изданные военно-топографическим отделом Главного штаба, были незнакомы монголам и назывались у них по-другому.

Описывая Монголию в орографическом отношении, Евтюгин отмечает, что так называемые столовые горы на территории, примыкающей к районам, граничащим с Забайкалем, «обязаны своим происхождением, по всей вероятности, озеру Далай-Нор, которое в прежнее время было гораздо больше. Льды, носившиеся по его поверхности, стерли вершины этих холмов. ... В северной части (Монголии. — *Е. Б.*) по ней проходят отрасли (так в тексте. — *Е. Б.*) гор Забайкальских, а в южной части отроги Хинганского хребта. В средней же части она имеет равнинный характер, представляя собою долины высохших озер»¹⁹². С точки зрения военного, Евтюгин считал, что горы Монголии не представят особого затруднения для передвижения войск; гораздо большим препятствием станут пески.

И. А. Евтюгин провел гидрографические и климатические наблюдения. Он подробно описал реки, ручьи и озера, охарактеризовал их и определил качество в них воды. Особенно его интересовали пресные озера, ключи и колодцы, список которых он составил. По его словам, река Халха редко бывает непроходимой вброд, а если возникнет необходимость, через нее можно будет навести переправу¹⁹³. Климат Монголии характеризуется им как «крайне континентальный. ... Количество выпадающей влаги совершенно ничтожно». В 1882 г., пишет Евтюгин, с ранней весны по август месяц совсем не было дождя. Чем западнее, тем засуха бывает сильнее, «вследствие того, что восточная

часть Монголии получает все-таки влагу из Маньчжурии и Хинганского хребта»¹⁹⁴.

Проводя исследования, Евтюгин были сосредоточен главным образом на выяснении условий, необходимых для прохождения войск. Он пишет, что, «несмотря на сильные дневные жары летом и на недостаток воды, кажется, что весна и лето наилучшие времена года для походного движения по Монголии, так как на снег, вместо воды, рассчитывать трудно, потому что его бывает мало и не везде, а между тем подножный корм зимою весьма плох...»¹⁹⁵. Правда, Евтюгин оговаривается, что самое лучшее время для продвижения войск в Монголии осень — «корм не вытравлен, аргал сухой, погода прохладная; верблюды сильные, ибо отгулялись летом»¹⁹⁶.

Возможно, отчет о командировке И. А. Евтюгина не привлек бы особого внимания, если бы в том же выпуске «Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии», где был опубликован его отчет о поездке в Монголию, не были напечатаны три записки Н. М. Пржевальского¹⁹⁷. Они представляют особый интерес как пример одной из бытовавших в то время точек зрения на перспективы политики России в Азии, в частности по отношению к Китаю. Пржевальский был проводником русской имперской мысли конца XIX века, что доказывает следующий факт: на заседании комиссии по изучению русско-китайских отношений он выступал за военное присоединение Синьцзяна, Монголии и Тибета к России¹⁹⁸ и более того — за организацию завоевательной войны против Китая¹⁹⁹.

В XIX веке Китай представлял основную опасность для России на Дальнем Востоке. Именно с ним Россия могла вступить в войну, и для того, чтобы к этой войне подготовиться, нужно было лучше изучить условия, в которых, возможно, России пришлось бы воевать. Планомерная государственная политика Пекина колонизации Монголии серьезно беспокоила Россию.

Предваряя отчет Евтюгина, Пржевальский, по сути, комментирует ситуацию в Восточной Азии, в связи с которой Евтюгин и был направлен в командировку в Китай через Монголию. Известно, что Н.М. Пржевальский весьма отрицательно относился к Китаю и китайцам. В записке «О возможной войне с Китаем», написанной в Урге 22 октября 1880 г., он высказал мнение, что Россия должна решительно действовать против этой страны, так как излишняя уступчивость китайцам со стороны России может выглядеть как признание бессилия перед силою китайской. Если этого не сделать, «обаяние русского имени в Азии исчезнет»²⁰⁰, считал он. Пржевальский не сомневался в том, что «все шансы военного успеха на нашей стороне», потому что китайская армия, по его мнению, — трусливая и деморализованная²⁰¹.

Н.М. Пржевальский наметил план возможных действий против Китая; этот план он назвал «Программа войны», замечая при этом, что «для военных действий против китайцев, на громадном протяжении нашей границы от Туркестана до Кореи, должны быть избраны местности, наиболее важные как в стратегическом, так и в политическом отношениях»²⁰². Он определил три таких района — Притяньшаньский, Ургинский и Амурский. «Район Ургинский пока будет иметь второстепенное значение. Но весьма возможно, что впоследствии сюда перенесется центр тяжести нашей борьбы с Китаем. Пассивное упорство китайцев, уже не раз спасавшее их от гибели, легко может быть применено и теперь Пекинским правительством. Если его Западная армия будет разбита и Восточный Туркестан перейдет в наши руки — то удар для Китая будет еще не велик. Китайцы могут упорствовать относительно заключения мира, даже потеряв все свои застенные владения. ... В таком, весьма возможном случае, нам придется идти прямо на Пекин и там предписать условия мира. Тогда-то Ургинский район получит весьма важное значение, как исходный пункт действий против столицы Китая.

Путь наших войск будет лежать в диагональном направлении, через Монголию, по Кяхтинско-Калганской дороге. Если же по этому пути невозможно будет собрать достаточного числа верблюдов и встретятся затруднения в воде или подножном корме — тогда армия, направленная против Пекина, может идти туда двумя колоннами: одною из Кяхты; другою, по которой пойдет кавалерия, из Нерчинска (или из пограничной Чиндантской станицы) по восточной, более плодородной окраине Монголии»²⁰³.

Каким видел Пржевальский исход войны с Китаем? Во-первых, он думал о торгово-экономических результатах: «Мне кажется, на первом плане должен стоять широкий доступ нашей торговле внутрь Китая. Иностранцы вторгаются сюда с востока — с моря; мы должны стараться делать то же самое с запада — со стороны материка. ... Учреждение нескольких наших консульств в западном Китае, напр. в Кашгаре, Хами, Лан-чжеу и Куку-хото будет, до известной степени, гарантией в том, что наши товары получают доступ на китайские рынки. Но для успеха этого дела необходимо, чтобы в нем приняли участие солидные торговцы, а не те аферисты, которые торгуют ныне в Кобдо, Улясуае и Урге»²⁰⁴. Во-вторых, его волновал территориальный вопрос: «Другим результатом войны могут быть территориальные приобретения, где именно и какие — это будет зависеть от высших политических соображений. Со своей стороны, решаюсь только указать на значение тех территорий, которые могут быть нами приобретены. ... Приобретение прилежащей к Забайкалью северной Монголии до широты Урги и, в особенности, занятие этого города распространит наше влияние на всю Монголию вообще, тем более, что Урга считается монголами вторым, после Хлассы, священным городом и составляет местопребывание важнейшего кутухты. Затем, если в будущем англичанам вздумается забраться из Индии в Тибет, то весьма возможно, что Далай-лама перенесет резиденцию именно в Ургу

к своим, наиболее усердным верующим монголам. Тогда, владея Ургою и покровительствуя живущему в ней Далай-ламе, мы можем влиять через него на весь буддайский мир»²⁰⁵.

Если учесть, что записки Н. М. Пржевальского были опубликованы в первом выпуске «Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии», то их можно в определенной степени считать программными для того времени. Однако дальше слов дело не пошло, но ориентиры были обозначены.

*Экспедиция по Монголии командира 2-го драгунского
Санкт-Петербургского полка Баторского (1888)*

В 1888 г. А. А. Баторский²⁰⁶, в то время командир 2-го драгунского Санкт-Петербургского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка, по заданию Генерального штаба совершил длительное путешествие по Монголии и впоследствии выпустил книгу в двух частях под названием «Опыт военно-статистического очерка Монголии». Книга была опубликована в «Сборнике материалов по Азии», а также вышла отдельным изданием, но в обоих случаях под грифом «Секретно»²⁰⁷. Работа А. А. Баторского представляла собой фактически первый в монголоведении XIX века опыт системного исследования Монголии — ее истории, этнографии, политики, экономики²⁰⁸, военного положения. Как отмечал сам автор, его задача состояла в следующем: «Собрать весь существующий об этой стране материал и составить возможное систематическое описание, которое находилось бы на уровне современных о ней сведений, с тем, чтобы обнаружившиеся этим путем пробелы могли быть пополнены дальнейшими исследованиями на месте, веденными, разумеется, в той последовательности, которую укажет относительная важность, с военной точки зрения, недостающих данных»²⁰⁹.

В 1-й части работы автор сделал общий физико-географический обзор Монголии, куда входили и сведения по орографии и гидрографии («Сведения географические и топографические»), ее административно-территориального деления («Границы Монголии и разделение ее на районы»), обзор русско-китайской границы («Военное обозрение государственной границы нашей с Китаем»), дал подробное описание городов и населенных пунктов страны (Урга, Улясутай, Кобдо). А. А. Баторский уделил особое внимание путям сообщения в Монголии и дал их общую характеристику. Все пути он разделил на почтовые и караванные (делятся на караванно-вьючные, допускающие тележное движение по ним, и на вьючные дороги и тропы, следование по которым возможно только вьючное). Главных почтовых тракта два: первый — от Кобдо на Улясутай и далее через почтовую станцию Саир-усу на Калган и второй — от Кяхты на Ургу и затем через ту же Саир-усу на Калган. Существовало несколько второстепенных почтовых дорог, на которых было меньше юрт, заменяющих почтовые станции, и меньше верблюдов и лошадей.

Караванные пути, писал А. А. Баторский, «не могут быть названы дорогами, так как не представляют собою постоянных и непрерывных узких путевых лент, проложенных между теми или другими населенными пунктами страны, а представляют собою только направления, по которым обыкновенно следуют вьючные караваны, перевозящие разного рода товары, грузы и продовольствие для войск расположенных гарнизонов. Причем направления эти, соединяющие различные торговые и промышленные центры Монголии между собою, постоянны, но пути самого следования, находящиеся в прямой зависимости от состояния на дороге подножного корма и колодцев не постоянны и отклоняются в стороны, по мере вытравления пастбищ, по караванному тракту расположенных. Поэтому, определение “караванный путь”, следует понимать только в смысле общего направления»²¹⁰.

А. А. Баторский подробно охарактеризовал маршруты девяти почтовых дорог и 33 караванных дорог и путей, а также климатические особенности Монголии, ее флору и фауну. Причем он считал, что «...при следовании и передвижении армии по плоскогорью, пожалуй, труднее будет победить природу, чем неприятеля»²¹¹. Особый интерес представляли материалы, относившиеся к подробному описанию различных народностей, населявших Монголию. Работа Баторского была полноценным научным исследованием; автор использовал не только материалы собственного путешествия в Монголию, но опирался и на работы своих предшественников.

*Поездка подполковника Бернова
в Монголию и Маньчжурию (1889)*

В 1889 г. в Монголию и Маньчжурию был направлен подполковник Бернов²¹². В результате проведенных ранее рекогносцировок и путешествий уже были исследованы пути и составлены маршруты по направлению на Пекин из Забайкалья и от восточных границ Приамурского военного округа. Но в то же время у российских военных «не имелось сведений о путях, ведущих поперек Монголии, которые связывали бы районы отрядов, наступающих в Монголию и Маньчжурию»²¹³. Именно этот пробел в военно-статистических сведениях о территории, сопредельной с российской границей, и должна была ликвидировать военная разведка под командованием подполковника Бернова. Необходимо было выяснить обстановку, в которой могут оказаться войска Приамурского военного округа, если они попадут в зону военных действий. Для сбора данных командующий войсками Приамурского военного округа приказал отряду «пересечь Монголию и часть Маньчжурии по параллели, чтобы связать прежние рекогносцировки меридиональных путей на Пекин поперечным маршрутом и собрать необходимые сведения

о продовольственных запасах, воде и топливе»²¹⁴, которые войска могли бы получить в случае необходимости в этом районе Китая, граничившем с российской территорией.

В состав экспедиции входили два бурята: приказный 2-й сотни Забайкальского казачьего полка Ачиров и вольнонаемный бурят Селенгинской степной думы Цеден Бадмаев. Оба они свободно владели монгольским языком. Находясь в Монголии, экспедиция пользовалась услугами местных проводников. Весь маршрут путешественники преодолели верхом. Свой поход они начали из столицы Монголии Урги, так как Э.И. Бернов справедливо полагал, что там, «в центре всей Монголии», можно собрать предварительные сведения о пути следования, ближе познакомиться с бытом и обычаями монголов. Именно это, как потом писал Э.И. Бернов в своем отчете, «в значительной степени содействовало успеху экспедиции»²¹⁵. Отряд готовился к маршруту тщательно и заранее, снаряжение было собрано в Урге. Для того, чтобы скрыть истинные, разведывательные цели и избавиться от опеки и надзора китайских властей, Бернов и его спутники двигались сначала на юго-восток, в направлении Долон-нора, планируя затем повернуть на северо-восток, в Маньчжурию. «Рекогносцировку пришлось предпринять и вести скрытно, ибо при официальных путешествиях китайское правительство, под предлогом охраны экспедиции, назначает конвои, которые лишают путешественника самостоятельности»²¹⁶.

Выбор этого направления объяснялся тем, что при существовавших в те годы постоянных и практически беспрепятственных передвижениях европейцев между Ургой и Пекином практически без всякого надзора со стороны китайских властей группа военной разведки из России могла легко скрыть цель своего путешествия и маршрут следования и при этом в любой удобный момент свернуть в сторону Маньчжурии. Таким образом, путь подполковника Бернова пролегал из Урги на восток, к Маньчжурии. Бернов двигался

в том же направлении, что и Н.М. Пржевальский во время своего первого Центральноазиатского (Монгольского) путешествия, где-то уточняя и подтверждая съемку Николая Михайловича, но главным образом производя более подробную съемку. Именно эта местность, с точки зрения военных географов, могла стать возможным театром военных действий, и потому сбор и обработка топографических и статистических данных имели особое значение.

По пути следования Э.И. Бернов проводил глазомерную съемку с помощью компаса. Экспедиция провела также орографические, гидрографические, этнографические и рекогносцировочные исследования пройденных территорий. Напомним, что географическое описание почти всех тех мест, по которым проходил Бернов, делалось впервые. В некоторых случаях глазомерная съемка должна была подтвердить исследования, проведенные здесь ранее, в частности Н.М. Пржевальским. В отчете Бернов писал, что пройденная местность с географической точки зрения может быть разделена на три участка, два из которых расположены на территории собственно Монголии. Первый участок, простирающийся от Урги по хребту большого Хингана, представляет собой возвышенное плоскогорье Гоби. Однообразие степи прерывалось в некоторых местах отдельно возвышающимися невысокими горами и каменными грядами, идущими по направлению с запада на восток. Почва Гоби состоит большей частью из красноватого гравия, усеянного галькой различных кварцевых пород. В низменных частях встречались пространства, покрытые солончаками. В юго-западной части Гоби, у озера Далай-Нор, находится песчаная полоса, называемая Гучин-Гурбу. Местность состоит из песчаных холмов высотой местами в несколько десятков футов²¹⁷; между ними попадаются небольшие долины, орошаемые ручейками, которые берут начало в озерах, расположенных в глубоких песчаных котловинах. Бернов определил в результате расспроса мест-

ных жителей, что песчаная полоса Гучин-Гурба простирается по меридиану от озера Далай-Нор до населенного пункта Далай-Нор, на протяжении 150–200 верст, а по параллели от истоков реки Шара-Мурэн верст на 150 к западу.

Второй участок пройденного пути, малоисследованный в орографическом отношении, пролегал по южной части Краевого хребта Большого Хингана, приблизительно до 44° северной широты. Бернов дал подробное описание этой местности: «Краевая цепь не представляет непрерывного хребта, а лишь отдельные, сравнительно невысокие горные массивы, составляющие как бы отроги главного хребта. Одни из этих гор тянутся с северо-востока на юго-запад, другие, образующие как бы цоколь монгольской возвышенности, с юго-востока на северо-запад. Склоны этих возвышенностей на западе пологие, на востоке же более крутые, местами даже обрывистые. Вся местность к востоку понижается уступами, террасами и сливается с маньчжурскими равнинами. Насколько восточные склоны покрыты богатой растительностью и местами даже лесами, настолько же западные бедны, что резко обрисовывает контраст двух природ: на западе — Монголия с ее голыми степями, на востоке — зеленеющие склоны и долины Маньчжурии, местами даже обработанные»²¹⁸.

Проведя гидрографические исследования, Бернов пришел к следующим выводам: гобийский участок очень бедно орошен. За исключением рек Толы и Керулена, в северо-восточной окраине плоскогорья проточной воды не встречается на протяжении 800 верст. Господствующий зимой северо-западный ветер приносит мало влаги, а летом, хотя юго-восточные муссоны и достигают Гоби, дождевые облака по большей части задерживаются горами, отделяющими Китай от плоскогорья. Летом в Гоби выпадают иногда сильные дожди, образующие в низменных и глинистых местах лужи и озера, но вода в них быстро испаряется, оставляя после себя только слой соленой пыли.

К югу от рек Тола и Керулен до южных окраин большого Хингана нет ни одной реки, текущей по постоянному руслу. Описывая приток Орхона реку Тола, принадлежащую к водной системе реки Селенги, и отмечая, что, как все горные реки, весной от таяния снегов в горах и от осенних дождей она сильно разливается, затопляя низменные места, Э.И. Бернов делает заключение: имеющиеся около Урги два моста и близко растущий лес вполне смогут обеспечить переправу через эту реку в любое время года²¹⁹. О реке Керулен он пишет, что она глубока, течет быстро в широкой долине, окаймленной с северо-запада скалистыми горами. Имеющиеся броды глубоки, и в большую воду переправа производится на пароме. Летом воды намного меньше, местами река даже мелеет. Из-за отсутствия мостов и леса по берегам устройство переправы может оказаться затруднительным, и поэтому необходим материал для ее строительства²²⁰. Несколько мелких речушек в полосе песков Гучин-Гурбу питают в основном небольшие соленые озера. Самая большая из этих речушек — Гун-Грюн-Гол, стекающая с юго-западных склонов Хингана, впадает в озеро Далай-Нор, но она настолько мелководна, что летом пересыхает. Бернов определил, что большая часть озер, встречающихся на плоскогорье Гоби, соленые и негодны даже для водопоя скота. В полосе песков Гучин-Гурбу находится довольно много озер, также в основном соленых. Самое большое из них — озеро Далай-Нор.

Внутренняя Монголия, расположенная к востоку от Хингана, находилась в гораздо более благоприятном отношении с точки зрения климата, чем плоскогорье Гоби. «Сухие северо-западные ветры, — отмечал Э.И. Бернов, — господствующие преимущественно в Гоби, оказывают значительно менее влияния на внутреннюю Монголию, укрытую от них краевым хребтом Хингана. Влага, наносимая юго-восточными океанскими ветрами, удерживается на утёсистых кряжах восточных склонов Хингана и его отрогах, где берут начало множество

ручейков, образующих в свою очередь, более значительные реки»²²¹.

Рассмотрев такие вопросы, как снабжение продовольствием, водой, топливом (подчеркнув, что вода и топливо будут иметь первостепенное значение), Э.И. Бернов делает вывод, что на операционной линии в Монголии могут находиться 2–3 батальона, одна сотня с 4 орудиями или шестисотенный казачий полк с 4 орудиями²²².

Экспедиция в Хинган полковника Генерального штаба Путяты (1891)

В мае 1891 г. в район Большого Хингана с рекогносцировочными целями была направлена научная экспедиция полковника Генерального штаба Путяты²²³. В её задачу входило исследование южных склонов Хингана. Путешествие продолжилось четыре с небольшим месяца — с 5 мая по 13 сентября. Началось оно из Тяньцзина — опорного пункта для астрономических наблюдений (там же оно и было закончено) — через Калган в северо-западном направлении. Маршрут, в общих чертах «предварительно намеченный и окончательно выяснившийся в пути уже одновременно с движением, был сообразован для исследования не отдельных направлений, но целых площадей, — условие существенной необходимости ввиду крайне запутанной местности»²²⁴. Порой экспедиция шла маршрутами, по которым до нее уже проходили другие путешественники. Необходимость повторного прохождения этого пути была вызвана тем, что нередко участникам приходилось перепроверять и уточнять координаты тех или иных географических объектов. В своем отчете Д.В. Путята отмечал и сравнивал имеющиеся данные со своими наблюдениями. «По показаниям китайских географов, в этом узле (место соприкосновения Большого Хингана с горной системой Иншаня. — *Е. Б.*) находится гора Печа, высота

которой, измеренная императором Канси и состоявшими при нем иезуитами астрономами, была определена в 15.000 ф. над уровнем моря. Такая цифра, казавшаяся крайне преувеличенной, в то же время сама по себе нисколько не приближала географов к разъяснению характера горных систем, их строения и взаимной связи — вопросов чрезвычайно важных в изучении орографии Азии»²²⁵. Порой в сведения даже квалифицированных военных географов, проводивших исследования до Д. В. Путята (по не зависевшим от них причинам объективного характера), могли вкрасться те или иные неточности, иногда собранные данные были недостаточны и сбивчивы (опять-таки из-за разведывательного характера экспедиций, который приходилось тщательно скрывать). Поэтому вопрос об использовании территории Монголии при «избрании путей для следования» потребовал перепроверки ранее собранных данных.

В состав экспедиции входил поручик 5-го Сибирского линейного батальона А. И. Бородовский, проводивший зоологические и ботанические исследования. По приказу командующего войсками Приамурского военного округа генерал-адъютанта барона Корфа в отряд был назначен переводчик при пограничном комиссарстве в Южно-Уссурийском крае Мосин, владевший монгольским, маньчжурским и китайским языками, а также прикомандированы два казака Забайкальского казачьего войска и два китайца — подрядчик и прислуга. Проследовав по Чжилийской равнине на север, в направлении, которое ранее не исследовали европейские путешественники, отряд дошел до гор в местности под Шимынем, перешел Великую Китайскую стену и повернул на запад, к г. Жэхэ. После 18 дней пути и нескольких дней стоянки в этом городе путешественники направились на север, в долины Восточной (Внутренней) Монголии.

Д. В. Путята провел астрономические исследования Хингана, дважды пересек его, осмотрел несколько перевалов.

«Постоянно сбиваемый неправильными показаниями местных монголов»²²⁶, Путята вышел долиной р. Цаган-Мурэн в урочище Бейча, населенное китайцами, исследовал гору Цюэйза-шань, вершина которой, по словам местных жителей, считалась одним из самых возвышенных пунктов в юго-восточной части Монголии. Затем экспедиция проследовала в сторону Долон-нора и, изучив его окрестности и истоки реки Шара-Мурэн, вернулась в Пекин. Путята и его спутники подробно обследовали водную систему района, Хинганский хребет и некоторые его отроги, измерили высоту перевалов через него, определили горные породы и растительность. Путята убедился в том, что выражение «Хинганский хребет» не совсем точно с географической точки зрения. Хинган — это сложная горная страна. Иншаньский и Хинганский хребты представляют собой продолжение монгольского плоскогорья.

Работы Д. В. Путаты на месте подтвердили выводы некоторых исследователей-теоретиков о том, что прежнее представление об этой горной стране, имеющей вечные снега и колоссальной высоты горы, сильно преувеличено. «Мы не видели тысячи пиков под нашими ногами, мы не рассмотрели на горизонте вечно покрытой снегом горы Печа, но только потому, что все эти признаки созданы воображением китайского летописца, которому условные понятия об изяществе языка и стиля, требующего декоративного изображения географических свойств местности, не позволили выразиться с простотою и ясностью»²²⁷.

Во время путешествия весьма скромными силами было обследовано монгольское плоскогорье в физико-географическом и топографическом отношении, составлена карта пути следования, произведены наблюдения широт и долгот 14 новых пунктов, сделано более 250 измерений высот, проведены метеорологические наблюдения, скомплектована геологическая коллекция. Кроме того, были проведены необхо-

димые наблюдения для выяснения оротектоники²²⁸ района, собраны достаточно полный гербарий и богатая орнитологическая коллекция и зоологические коллекции мелких зверей, пресмыкающихся, рыб и беспозвоночных (всего 300 экземпляров), энтомологическая коллекция. Что касается климата Хинганского района юго-восточной части Монголии, то Путята отметил характерную особенность, отличающую климатические условия этого района от других районов Монголии — это период дождей. «Дожди идут почти без перерыва в июле и августе месяцев, нередко перемежаясь с градом и сопровождаясь сильными грозовыми явлениями»²²⁹.

Были осуществлены также военно-топографические обследования района Хингана, прежде всего новые проходы через горы, изучены характерные свойства различных урочищ юго-восточной части этой территории. Очень важным было заключение экспедиции о возможности передвижения в районе Хингана больших отрядов в составе 5–8 тыс. человек на большие расстояния. Полученные топографические данные и изученные природные условия свидетельствовали о наличии пригодной для питья воды, подножного корма, топлива, продовольствия, позволяющих войскам двигаться в нужном направлении²³⁰.

*Путешествие по Монголии и Маньчжурии
подполковника Генерального штаба
Стрельбицкого (1894)*

Одну из самых длительных военных экспедиций по Монголии предпринял в марте — декабре 1894 г. подполковник Генерального штаба Стрельбицкий²³¹. По распоряжению командующего войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанта Духовского он возглавил экспедицию в Ургу для рекогносцировки путей в Маньчжурии и Северной Монголии. Это было путешествие по Халхе, Большому Хингану и Маньчжурии из Урги во Владивосток. Основное внимание

И.И. Стрельбицкий уделил Хайларскому округу и горной дороге через Хинган до Цицикара.

По маршруту следования было проведено детальное изучение территории и водных артерий. Особое внимание было обращено на переправы. «Описанный край, или лучше сказать, его равнинная часть, в главнейших своих физико-географических данных является прямым продолжением охватывающих его естественных районов — на западе волнистых степей Кырлуна (Керулена. — *Е. Б.*), а на юге — пустыни Гоби», — писал И.И. Стрельбицкий в своем отчете²³². Был определен профиль Хингана между Хайларом и Цицикаром с помощью анероида и определены высоты, составлена схематическая карта путей Большого Хингана между двумя указанными пунктами. «...Начиная от низовьев Кырлуна до первых ступеней Хингана почти без прерыва расстилается волнистая степь, некогда, подобно Гоби, бывшая, вероятно, под водой и составлявшая залив великого монгольского Средиземного моря, воспоминание о котором ныне сохранилось в виде быстро-усыхающего и мелеющего Далай-Нура (озеро Далайнор. — *Е. Б.*)»²³³. На отрезке пути от Аргуни на Хайлар, «несмотря на запрещение местной администрацией туземцам входить с нами в какие бы то ни было сношения»²³⁴, экспедиции удалось собрать расспросные данные о трактах и дорогах. Эти сведения позволяли определить нужные направления движения войск и скорректировать действия во время возможных военных операций.

2. ЭКСПЕДИЦИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА И ВОЕННЫХ ОКРУГОВ В МОНГОЛИЮ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Военные и гражданские исследователи, работавшие в Монголии во второй половине XIX века, накопили большой мате-

риал об этой стране. В первом десятилетии XX века задачи, ставившиеся перед военными экспедициями, заметно изменились. Рекогносцировки, конечно же, продолжались, хотя основные сведения о возможных маршрутах передвижения войск были собраны. Теперь требовалось проведение проверок и уточнений этих сведений, а, кроме того, в обязательном порядке нужны были сведения об административном устройстве Монголии и ее отношениях с Китаем.

Используя материалы предыдущих экспедиций, учитывая собственный опыт, военные востоковеды перешли к созданию комплексных, обобщающих, аналитических работ по Монголии, которые выходили за рамки донесений и сухих отчетов, сочетая географическую, этнографическую и историческую науки. В 1905 г. Разведывательное подразделение Штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) начало издавать в Харбине «Материалы по Маньчжурии и Монголии» под грифом «Не подлежит оглашению». В этом издании было опубликовано несколько работ, посвященных внутривосточному и экономическому положению Монголии, ее отношениям с соседними странами. Некоторые отчеты о путешествиях стали публиковаться в виде книг и брошюр, доступных уже не только узкому кругу специалистов, но и обычному читателю. Одна из причин этого заключалась в том, что отношение российских властей к Монголии стало меняться, и она уже рассматривалась не только как стратегически важная территория, но и как торговый партнер и возможный союзник. Нередко работы по Монголии издавались повторно, как, например, брошюра поручика Заамурского округа ОКПС Коншина, который неоднократно побывал в Монголии с разведкой во время Русско-японской войны²³⁵. В предисловии ко второму изданию полковник Володченко писал, что появление второго издания брошюры Коншина «свидетельствует, насколько здешнее общество нуждается в сведениях о Монголии»²³⁶.

Характерной чертой организации военных экспедиций в Монголию в начале XX века становится то, что все чаще их направляют в эту страну военные округа. Так, Штаб Заамурского округа ОКПС начал вести систематическое изучение, по выражению ротмистра Баранова, «таинственной страны», о которой «хотя и существовали уже труды русских исследователей, но знания эти общим достоянием для всех еще не были. Работа чинов Стражи в отношении Монголии началась с изучения края, его устройства и быта. Началась она случайно, не в силу каких-либо систематических указаний свыше, но прямо по житейскому любопытству: что за странный край, богдыхан ведет войну, спасается из Пекина в глубь страны при приближении союзных войск, а целый подвластный ему народ в то же время выражает самую искреннюю дружбу, оказывает радушно самое широкое гостеприимство каждому русскому, каждому разъезду; спокойно и уверенно приезжает во время только что начавшейся войны в места расположения русских воинских частей и не с раболепством, а смело, и даже требуя себе содействия в своих частных личных делах, как в стране дружественной»²³⁷.

Активизация исследовательской деятельности российских военных в Монголии происходила на фоне усиливавшегося интереса японских и китайских военных ведомств к этой стране. В начале XX века в Монголии все чаще стали появляться китайские и японские топографические отряды. Цель их в Монголии была той же, что и у русских военных экспедиций — рекогносцировка. Это была та же разведка, только во встречном направлении — не с севера на юг и юго-восток, а с юга — на север. Российское внешнеполитическое ведомство через свои консульства в Монголии внимательно следило за въезжавшими в эту страну японскими подданными еще с конца XIX века, опасаясь проникновения туда «третьей силы»²³⁸.

В связи с ухудшением отношений России с Японией и возможной войны с ней в Главном штабе российской армии

был разработан план действий, который сводился к наступлению вооруженных отрядов из Забайкалья, Амурской и Приморской областей к крупнейшим маньчжурским городам. Для успешной реализации этого плана требовались достоверные данные о районе возможных военных действий, качественные топографические карты²³⁹. Перед Русско-японской войной, в разгар ее и после нее число русских разведывательных поездок в Монголию увеличилось²⁴⁰.

В мае 1903 г. экспедиция под командованием капитана Генерального штаба **Попова**²⁴¹ отправилась из г. Канска Енисейской губернии по маршруту Урянхайский край — Северо-Западная Монголия (Улясутай — оз. Хубсугул — Тунка) — Иркутск. Она была организована Сибирским военным округом, при участии Русского географического общества и Академии наук России (Ботанический музей). Проект экспедиции был утвержден Николаем II. Инициатива её организации принадлежала В. Л. Попову. В отряд входили военный топограф штабс-капитан Топорков, натуралист Ю. Н. Воронов (от РГО), пять казаков: урядник Сибирского казачьего войска (владел киргизским языком), два казака Красноярской казачьей сотни, один из которых владел сойотским языком, а другой — татарским, и два казака Иркутской сотни, знавшие монгольский и бурятский языки. К экспедиции было разрешено присоединиться представителю торгового дома «Чевилев и сыновья» купцу Петру Чевилеву с его приказчиком и несколькими рабочими, которые составили торговый караван, взятый для того, чтобы отыскать удобный торговый путь в Монголию через Саяны.

Обязанности членов экспедиции были четко распределены: В. Л. Попов — разведка, географические, статистические и астрономические работы и гипсометрические измерения²⁴²; Н. А. Топорков — маршрутная съемка, фотографирование, метеорологические наблюдения; Ю. Н. Воронов — ботанические, геологические и энтомологические

исследования. П.К. Чевилев и его приказчик К.Е. Петухов отвечали за изучение вопросов, касавшихся торгово-экономических отношений с Монголией. Сроки поездки были короткие: с 9 августа 1903 г. она находилась в Урянхайском крае; с 7 сентября — в Монголии (в Улясутае — до 27 сентября); 14 октября она должна была отправиться с территории Монголии в Россию. Основная её задача состояла в изучении малоисследованных ранее районов Северо-Западной Монголии, граничивших с Сибирью, а также части Саянской пограничной полосы. На территории России экспедиция должна была обследовать наиболее труднопроходимые районы Саянской горной системы (северные и западные склоны), которые до того времени почти не были изучены в географическом отношении. От Улясутая до Хубсугула отряд прошел кратчайшим путем, по которому ранее не ходили европейские путешественники.

Для того чтобы понять, что представляла собой Северо-Западная Монголия, исследователям нужно было описать ее географическое положение, государственную границу, административное устройство, китайское управление, монгольское управление, экономическое положение монголов, русские торгово-экономические интересы и пути сообщения. В.Л. Попов сделал подробное географическое описание Урянхайского края (границы, поверхность, система рек, климат, растительность, фауна). Постоянно велась маршрутная съемка. Были изучены отроги хребта Танну-ола и несколько горячих минеральных источников на южных его отрогах, в которых монголы лечились от ревматизма и простудных заболеваний. Впервые Попов определил астрономически реку Тэс. На основе наблюдений был сделан вывод, что горы Урянхая не являются непроходимыми; в них имеется много долин с обширными степными районами, склоны покрыты густыми лесами. Был собран материал для, по выражению Попова, «нанесения подробностей» на уже имевши-

еся карты Северо-Западной Монголии, для уточнения орографии страны.

Что касалось климата, то данных для его правильного определения в то время было очень мало. Метеорологические наблюдения были случайными как в экспедиции самого Попова, так и у его предшественников. Поэтому он предложил организовать местные, постоянные метеорологические станции и пользоваться «любезным содействием русских купцов, разбросанных по Монголии, а при известных дружеских отношениях и монголами (в особенности ламайскими монастырями)»²⁴³. Правда, как это можно было организовать, он не пояснил. О том, как порой приходилось трудно участникам экспедиции, можно судить по тому, что пишет Попов о бытовых условиях в походе: «Нам пришлось прожить в палатке почти шесть месяцев, последних два месяца при 5–15 градусах мороза, часто приходилось спать на болотах, на снегу, во время непрерывных дождей и в снежные бураны и никто ни разу не жаловался на неудобство и не простудился»²⁴⁴.

Немалую проблему представлял сбор статистических данных. Попов писал следующее: «...если принять во внимание трудность добычи статистических материалов вообще, даже в культурных странах, то еще тяжелее получить их от монголов. Статистики они боятся больше всего. Требуется много времени и ловкости, чтобы добыть расспросом самые ничтожные материалы от монголов, но и на эти материалы трудно вполне положиться, так как простые монголы с ними мало знакомы, а монгольские правители считают их государственною тайною»²⁴⁵. В. Л. Попов, пожалуй, единственный исследователь, подробно написавший о сопроводительных документах, с которыми путешественники выехали в Монголию. Это были заграничный паспорт (без перевода на монгольский язык) и охранный китайский грамота (тоже без монгольского перевода). Участники экспедиции имели также визитные карточки на русском и монгольском языках.

Несмотря на краткосрочное пребывание в Монголии и Урянхайском крае, отряд Попова собрал обширный материал научного характера, касавшийся географии страны, провел астрономические, гипсометрические измерения, метеорологические наблюдения, собрал статистические сведения. Были обозначены основные пути сообщения между Россией и Северо-Западной Монголией (пять направлений). Экспедиция Попова сделала съемку маршрутов Улясутай — хребет Танну-ола — р. Енисей — селение Усинское — Минусинск и Улясутай — озеро Хубсугул — Тунка — Иркутск. В 1910 г. Попов вновь побывал в Монголии и опубликовал книгу об этой поездке²⁴⁶.

Ротмистр Заамурского округа ОКПС Баранов²⁴⁷ считался одним из ведущих специалистов по Монголии в русской армии, свободно владел монгольским языком. Служа в Монголии и имея возможность путешествовать по стране и собирать опросные данные, он написал о ней несколько работ. Ситуация на Дальнем Востоке в предвидении войны с Японией и возможного содействия ей со стороны Китая потребовала от России более внимательного и серьезного изучения Монголии. В связи с этим с 25 декабря 1903 г. по 1 октября 1906 г. Заамурский военный округ направил в Монголию семь экспедиций; четырем из них руководил А. М. Баранов. По его мнению, «скудность сведений в печати об этой стране и оценка того значения, которое имела для нас Монголия» во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., побудила Начальника Округа генерал-лейтенанта Чичагова командировать ряд экспедиций в эту страну²⁴⁸.

В 1905 г. А. М. Баранов опубликовал книгу «Барга и Халха», в которой дал довольно подробное описание Халхи — ее истории, административного устройства и местного управления, сословных отношений, деления тайджи (дворян) на классы, организации придворной службы, религии монголов, расположения монастырей в Халхе и Барге и пр. Если

какие-то сведения и были уже известны до Баранова, то все равно он многое уточнял, хотя можно определенно сказать, что большая часть сведений, добытых им во время поездок по Монголии, получена была впервые. Он сделал уточнения топографического характера, например отметил следующее: «Резиденция князя Урго расположена на р. Керулун на тракте, идущем в Долон-нор. Обозначенное на 40 верстной карте (изд. Гл. штаба) название этого местечка Кырылун монголами не употребляется и встречается только в переписках, возникающих между русскими и монгольскими властями»²⁴⁹. В этом местечке, на левом берегу реки, находился довольно большой монастырь, в котором проживали 1200 лам. В полутора верстах располагался дворец князя, *ямынь*²⁵⁰; на правом берегу находились фанзы китайских купцов. Торговля велась пекинскими и долоннорскими купцами. Китайцы чувствовали себя, по словам Баранова, полноправными хозяевами, особенно после случая ограбления их лавок во время событий 1900 г. местными монголами и забайкальцами. Допустивший беспорядки ямынь был наказан, и поэтому стал бояться даже контролировать приезжавших в город китайских купцов, и те стали искусственно завышать цены на товары.

А. М. Баранов довольно подробно описал гобийскую природную зону, отметив, что представление о Гоби как о пустыне не совсем верное: на самом деле северные ее районы — это громадное плоскогорье. Им было обследовано озеро Буир-Нур, которое по размерам в длину оказалось менее показанного на 40-верстной карте и точнее показано на 10-верстной карте Главного штаба. Глубину озера обследовать не удалось, так как Баранов не смог достать лодку, но «судя по уклону дна у берегов, глубина озера должна быть значительная»²⁵¹. В предгорьях Хингана имелось много целебных источников, которые были известны по всей Монголии и куда съезжались больные со всей страны. Однако разбойничьи набеги хунхузов²⁵² пугали монголов, и приезжавших на лечение из-за этого

стало меньше. Была уточнена южная граница Цецен-хановского аймака, которая ранее на 40-верстной карте издания Главного штаба была показана неправильно. Баранов заметил, что неверно была показана на этой карте восточная граница Халхи, вследствие чего Шилингольский сейм (Южная Монголия) и Чжоу-тенский сейм были перепутаны²⁵³.

Еще одна экспедиция в Монголию под командованием А.М. Баранова продолжалась с 28 сентября по 20 декабря 1905 г. В нее входили 30 человек нижних чинов. Переводчиками при экспедиции служили буряты Дорчжи Санчжиев, Шакдуров, Чжигжитов и вахмистр Оренбургского войска калмык Дмитрий Толхаев. Помощником Баранова, несшим на себе всю трудную работу по съемке местности, был поручик Д.В. Преображенский. А. Баранов писал, что «условия, при которых пришлось работать в период этой экспедиции, были особенно тяжелы. ... Маршрут экспедиции пролегал по преимуществу по местности еще совершенно не обследованной, которая на имевшейся в моем распоряжении 40-верстной карте представляла чистое белое пятно без намека на дорогу. ... Распоряжения по Монголии Китайского правительства, обеспокоенного движением наших разъездов по Монголии, и подталкиваемого победителями японцами, носили антирусский характер и влияли на степень официального содействия экспедиции со стороны монгольских властей, что отражалось на крайне неохотном назначении для экспедиции проводников. В большинстве приходилось двигаться к намеченному ночлегу без проводников и через то несколько раз пришлось ночевать на 20-градусном морозе прямо на открытой степи, на мерзлой земле»²⁵⁴.

Выступив со станции Маньчжурия, экспедиция почти весь свой путь находилась в неведении, заключен ли мир или военные действия между Россией и Японией возобновились. Сведения, которые сообщали членам экспедиции монголы и проезжавшие с юга китайцы-купцы, носили очень тре-

вожний характер: некоторые утверждали, что война возобновилась, другие же говорили, что русские потерпели новую неудачу. Находясь фактически в тылу японцев, экспедиция, естественно, должна была следовать с соблюдением всех мер военных предосторожностей. Напряженность увеличивалась из-за того, что недалеко промыслили шайки хунхузов. Первые точные сведения о мире отряд получил на обратном пути, придя в ставку Чжасаку-вана. «Самая задача экспедиции была не из легких, — писал Баранов. — Экспедиция следовала по хошунам, где русских еще не видывали, где нога европейца еще не ступала, и нужно было так повести разговоры, поставить себя в такое положение к монголам, чтобы заслужить их доверие и вызвать на откровенность, подчас весьма щекотливую по политическим соображениям»²⁵⁵.

Однако, несмотря на огромные сложности, — суровость зимы, неопределенность военного положения, съемки местности в 20-градусный мороз, обнаруженная неточность карты, взятой в экспедицию, — ее участникам удалось выполнить поставленные задачи и собрать обширные географические, этнографические и исторические материалы.

В 1905 г. три поездки в Монголию совершил полковник Генерального штаба **Новицкий**²⁵⁶. Все они носили военно-рекогносцировочный характер; работы проводились в Восточной Монголии, маршрут проходил по пограничной с Маньчжурией полосе. Поездки заняли в общей сложности 11 недель; участники экспедиций посетили земли четырех хошунов Восточной Монголии — Бован, Дархан, Тушету и Южный Горлос. По словам Новицкого, эта часть Монголии была мало исследована, и к тому времени ее редко посещали путешественники. Ранее там побывали только капитан Ресин²⁵⁷ (1887) и подполковник Бернов (1889), которые пересекли эту местность от Южной оконечности Большого Хингана до г. Бодунэ. В.Ф. Новицкий главным образом занимался сбором военно-статистических данных, но вел также и географические исследования.

В мае–декабре 1906 г. Новицкий был вновь командирован в Монголию для исследования малоизвестных территорий между Ургой и Хинганским хребтом. В помощь ему по распоряжению начальника Военно-топографического управления был назначен картограф, классный военный топограф, надворный советник М. Ф. Круковский. Участники экспедиции собрали ценный материал по орографии, гидрографии, этнографии и хозяйственной жизни нескольких аймаков Восточной Монголии. Они провели также маршрутную съемку пути, определили 21 астрономический пункт и 184 высоты. Были также собраны зоологические, ботанические, энтомологические коллекции, произведены метеорологические и орнитологические наблюдения²⁵⁸.

В июне 1911 г. в экспедицию в Монголию из Омска в Зайсан выехал подъесаул **Дорофеев**. В ее состав входили два казака 3-го Сибирского казачьего полка — Дмитрий Вершинин и Федор Круглыхин. Целью поездки было «ознакомление с достигнутыми китайским правительством результатами пятилетней деятельности в Монгольском Алтае и сбор, пополнение и освежение военно-географических и статистических материалов»²⁵⁹. Дорофеев должен был побывать в городах Шара-сумэ, Кобдо и Улясутай и «возвратиться в наши пределы» так называемым Торговым трактом из Улясутая в Кошагач Томской губернии.

12 июля И. В. Дорофеев «выступил экспедиционным порядком» из Зайсана в Шара-сумэ. На этом маршруте была проведена подробная глазомерная съемка, описаны горы, горные системы, кряжи, дороги, грунты, водные системы, растительный покров. Установлены названия отрогов, предгорий, долин, ущелий, кряжей, сопок, плато и уточнено их местоположение. Было также проверено название местности, где предгорья Кранского отрога переходят в обширное плато. «Вся эта местность, с кряжем, сопкой и плато, носит название “Тулта”, неправильно присвоенное на наших картах гор[оду] Шара-

сумэ, под каковым названием его на Алтае никто не знает»²⁶⁰. Он пишет в отчете, что «каких-либо препятствий для движения на пути не встречается», «движение возможно любым фронтом и для любых повозок и грузов», «места для биваков удобны», «благодаря обилию лесных материалов, затруднений при наводке мостов встретиться не должно».

Добравшись до Шара-сумэ и проведя там несколько дней, 23 июля И. В. Дорофеев отправился в Кобдо. Местный *амбань*²⁶¹ предоставил ему двух солдат-урянхайцев для сопровождения до Кобдо, «мотивируя, — писал Дорофеев, — назначение небезопасностью путешествия по стране и необходимостью, чтобы мне было оказываемо полное содействие при проезде по почтовым станциям. Опасаясь, что конвоиры будут мешать мне работать, я безуспешно попытался отклонить их назначение, но впоследствии убедился, что опасения были напрасны, а хорошо знающие дорогу и говорившие по-киргизски и по-монгольски солдаты оказались скромными, распорядительными и в высшей степени полезными для меня в пути, заменив переводчиков и проводников. Что они донесут на меня и обнаружат истинную цель поездки, — этого я не боялся, так как кочевники видят путешественников не в первый раз и привыкли к их расспросам и заметкам в записных книжках, власти же также знают, что каждый путешественник-европеец ведет эти расспросы и составляет записки»²⁶².

Таким образом, И. В. Дорофеев до некоторой степени ответил на вопрос, который мог возникнуть у читателя — «Как русским военным исследователям удавалось без видимых препятствий продвигаться по Монголии, выполняя разведку?». Монголы, особенно в тех районах, где бывали иностранцы, больше интересовались самим фактом приезда незнакомых людей, чем тем, чем они занимаются. Что же касается китайской администрации, то она довольно спокойно относилась к поездкам российских военных, тем более

что проездные документы у них были в порядке, и, кроме того, об этих поездках всегда предварительно договаривались с китайцами российские дипломаты в Монголии.

На пути до Кобдо Дорофеев определил высоты отдельных горных хребтов, кряжей, межгорных долин, гребней и описал растительный покров. По-прежнему для него было важно выяснить условия для прохождения войск. Отряд переходит через перевалы, спускается в ущелья рек, переправляется через них. «Лошади нащупывают каждый шаг и буквально цепляются за камни, чтобы удержаться и сохранить равновесие; неосторожное движение или оплошность может повлечь катастрофу», — писал Дорофеев. И здесь же: «Весь переход 26½ верст (т. е. 28 км за день. — *Е. Б.*). Вторая половина его очень тяжела и проходима с большими затруднениями. Караваны, кавалерия и горная артиллерия могут идти по тропе только ниткой»²⁶³.

Трудно было всем — и людям, и животным. «Переход тяжел, особенно от долины Уй-чилика: сырая почва и каменные болота и поля сильно затрудняют движение и утомляют лошадей. На Кульденене нам дали хороших лошадей, но под конец перехода они вымотались настолько, что еле дошли до станции. В одном месте лошадь под моим седлом свалилась в овраг и я чуть не сломал себе ногу, сильно ударившись бедром о камни»²⁶⁴. Члены экспедиции исследовали систему озер Толбо, расположенных в обширной впадине. Было выяснено, что это группа озер. Первое — не менее 11 верст в длину, второе — раза в 2 меньше первого, и лежащее от него верстах в полутора, и третье — небольшое. (На 40-верстной карте показано только одно.) Кроме трех главных, соединенных между собою протоками, было обнаружено несколько незначительных мелких озер. Берега главного озера голы; в северо-западном углу из него, как рассказали урянхайцы, вытекала река Тургун. Вода во всех озерах была пресная. В них водилась рыба крупных пород, а в камышах

было много уток, гусей и прочей дичи. Были также уточнены некоторые географические названия. И. В. Дорофеев отмечал, что М. В. Певцов «грешит», называя «Алтын-чечей» котловину²⁶⁵, а на самом деле монголы называют так снежную вершину, поднимающуюся над ней, благодаря сходству с опрокинутой чашей. «Под названием группы Гурбан-Цасаку в описании М. В. Певцова подразумевается, по-видимому, массив Хархын»²⁶⁶.

На пути из Кобдо в Улясутай было обследовано озеро Дурга-нор, или Дергун-нор, как, по словам И. В. Дорофеева, называли его монголы. На 40-верстной карте оно было изображено в виде сплошного водного пространства, растянутого с северо-северо-запада на юго-юго-восток. «В действительности на этом пространстве находятся два озера — северное, поменьше, Холбо-нор и южное, побольше, Дергун-нор, соединенные между собою, примерно на 48-й параллели, весьма глубоким проливом»²⁶⁷. Кроме глазомерной съемки и уточнений по всему маршруту Дорофеев сделал кроки (чертежи участков) городов Шара-сумэ (22 июля 1911 г.) — Кобдо (2 августа) — Улясутай (23 августа).

В сентябре–октябре 1912 г. очередную экспедицию в Северную Монголию возглавил капитан Генерального штаба **Тонких**²⁶⁸. Его отчет об этой поездке был опубликован в 1913 г. под грифом «Не подлежит оглашению»²⁶⁹. Целью поездки была рекогносцировка дорог от российской границы до Урги и обратно. И. В. Тонких должен был определить проходимость дорог, возможность переправы вброд через реки, встречающиеся на пути, необходимость строительства мостов, возможность организации ночлегов. В связи с тем, что в случае необходимости строить мосты, переправы и гати через реки понадобился бы строительный лес, Тонких подробно описал растительность, главным образом породы деревьев, встретившиеся на пути следования, показав, что в этом регионе растительность богата и довольно разнообразна (береза, листвен-

ница, сосна, тополь, яблони, черемуха). Экспедиция проследовала через золотые прииски Харганатуй, Иро и Яблык.

В результате рекогносцировки Тонких обозначил наиболее удобные пути от южной границы Забайкалья в Ургу. До него, по его словам, ни географическое положение Хэнтэя, ни высоты его перевалов и наиболее высоких вершин никем не определялись, и этот узел, интересный в географическом отношении, находящийся недалеко от российской границы, заслуживал детального исследования. Тонких обозначил наиболее трудные перевалы через отроги Хэнтэйских гор: Нариндаба, Цонголин-даба, Урд-даба, Харанхой. «Особенно дикий характер имеет Кумырский хребет — отрог водораздельный между Мензой и Ононом, называемый нашими казаками Яблоновым»²⁷⁰. Тонких уточнил местоположение Хэнтэйского хребта: «Горный узел Кентэй (который, кстати сказать, на 40 в[ерстной] карте показан сравнительно недалеко от нашей границы, на самом деле лежит гораздо ближе к Урге)»²⁷¹. «Кентэй с отрогами богат пушным зверем, охота на которого дает нашему пограничному населению хороший заработок. Особенно же богат он золотоносными россыпями, которые эксплуатируются обществом Монголов и в этом отношении Кентэй также является началом того золотоносного пояса, который длинной лентой под названием Яблонового и Станового хребтов (вдоль них везде обнаружено золото) тянется до Камчатки и оканчивается на Аляске»²⁷².

* * *

Напомним, что в последней четверти XIX века, несмотря на начавшуюся эпоху великих географических открытий в Азии, горные и водные системы Монголии, пустынные пространства Гоби, животный и растительный мир страны были изучены еще далеко не полностью. Особую ценность результатам географических исследований придавало то обстоятельство, что их проводили специалисты в этой области естествен-

нонаучных знаний, работавшие на высоком профессиональном уровне, хотя сделанные ими открытия порой требовали дополнительной проверки и уточнения. Эта необходимость не была связана с недостаточной квалификацией или слабой профессиональной подготовкой военных путешественников, скорее, необходимость перепроверки зависела от несовершенства геодезических и астрономических приборов того времени.

Именно военные начали в XIX веке системное физико-географическое изучение Монголии. Проведенные ими исследования позволили собрать важные данные для обобщения географии Монголии. Участники экспедиций определили многие горные хребты, нагорья, пустынные местности, реки и озера, охарактеризовали климат страны. Ими были описаны населенные пункты и пути сообщения между ними, отдельные географические районы Монголии. В маршрутах путешествий по Монголии почти у всех военных прослеживается определенная закономерность — они проходили главным образом по периметру страны, по ее северным, северо-восточным и северо-западным районам или же от различных пунктов на российской границе до Урги, в отличие от «академических экспедиций» РГО, нередко пересекавших Монголию в различных направлениях.

В некоторых случаях маршруты военных были очень близки к маршрутам экспедиций Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина и других известных российских исследователей. Делалось это не случайно, так как кроме сбора информации о Монголии была необходима тщательная проверка собранных ранее данных, особенно в тех случаях, когда велась глазомерная съемка местности или информация собиралась у местного населения, т.е. данные были опросными, и их нередко приходилось перепроверять. Поэтому экспедиции, командировавшиеся в Монголию военным ведомством, двигались иногда по маршрутам, ранее пройденным их предшественниками.

Глава III

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ В МОНГОЛИИ

Если бы российские войска оказались в Монголии во время ведения боевых действий, им необходимо было бы знать, какими дорогами или тропами идти, через какие перевалы переходить и через какие реки наводить переправы, где достать провиант, найти питьевую воду и фураж для животных. Однако не менее важно было бы учитывать следующее обстоятельство: даже при небольшой плотности населения в Монголии рядом с русскими войсками оказались бы местные жители. Поэтому военным необходимо было получить как можно более полную информацию о том, какие народности живут в разных регионах страны и кто ими управляет, иметь представление об их обычаях и традициях. Знание местных обычаев и традиций заметно улучшало отношение монголов к иностранцам, посещавшим их страну. Не менее важно было выяснить, как относятся в Монголии к русским и возможному присутствию здесь российской армии, а также к китайцам, японцам. Интересовали военных исследователей и перспективы российско-монгольских отношений в целом.

Таким образом, помимо рекогносцировочных задач перед ними ставилась еще одна задача — собрать исторические, демографические и этнографические сведения о Монголии. Чтобы получить общее представление о стране, нужно было выяснить численность ее населения, национальные особенности, условия быта, политические настроения и, кроме того, представлять характер той или иной монгольской народности, степень воин-

ственности, религиозную принадлежность и пр. Необходимо было также знать особенности внутренней и внешней политики, систему государственного устройства. Профессор Военной академии Д. А. Милютин отмечал, что особое внимание исследователи должны уделять тем стратегически важным районам страны, которые могут стать театром военных действий²⁷³.

В результате изучения Монголии было собрано большое количество материалов и сведений о ней этнографического и исторического характера. Источниками служили как русские, бывавшие или жившие здесь, так и сами монголы (распросные данные).

Участники военных экспедиций не ставили перед собой цель досконально изучить быт и обычаи народностей, проживавших в тех районах, которые они исследовали. Однако они хорошо представляли, что знание национальных особенностей населявших Монголию представителей разных национальных групп было нужно для создания как можно более полной картины этносоциальной ситуации в стране. В Монголии проживало большое число этносов, что создавало весьма специфичную этнографическую картину. В разных районах быт и традиции живших там людей сильно отличались. Поэтому каждая экспедиция, описывая быт и нравы населения тех местностей, которые она исследовала, вносила вклад в создание общей картины монгольского общества. Кроме того, исследователей интересовал вопрос о взаимоотношениях монгольских племен и влиянии этого фактора на политическую жизнь страны.

1. ОПИСАНИЕ МОНГОЛЬСКИХ НАРОДНОСТЕЙ, ИХ ОБЫЧАЕВ И ТРАДИЦИЙ

Русские путешественники, за очень редким исключением, относились к местному населению без высокомерия, с симпа-

тей, хотя далеко не всегда могли правильно понять особенности монгольского быта. Но они прекрасно знали, что, если бы отношения с монголами были испорчены, это повлияло бы на результаты экспедиции не самым лучшим образом и помешало бы выполнить поставленные перед ними задачи.

Экспедиция Ю. А. Сосновского²⁷⁴ стоит особняком в ряду военных экспедиций в Монголию. Она очень показательна и интересна, и поскольку не была секретной, все или почти все, что было связано с ее проведением, стало широко известно в России и за рубежом сразу по завершении. Сначала — несколько слов об истории ее подготовки и проведения. Инициатива организации экспедиции принадлежала Ю. А. Сосновскому, который составил соответствующую записку и подал ее военному губернатору Семипалатинской области полковнику Полторацкому, а тот представил ее директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел П. Н. Стремоухову, впоследствии ставшему товарищем министра иностранных дел. Командирование в 1874 г. специальной экспедиции объяснялось необходимостью изучения перспектив развития российско-китайской торговли в условиях обострения торгового соперничества с Англией в этом регионе²⁷⁵. В 1874 г. три российских министерства — иностранных дел, военное и финансов — достигли соглашения о снаряжении учено-торговой экспедиции для исследования кратчайшего торгового пути из Западной Сибири в Юго-Восточный Китай. Руководил экспедицией полковник Генерального штаба Ю. А. Сосновский; в ее состав входили П. Я. Пясецкий²⁷⁶, военный топограф З. Л. Матусовский²⁷⁷, фотограф А. Э. Боярский²⁷⁸, вольнонаемный переводчик, иркутский гражданин И. С. Андриевский, три урядника Сибирского казачьего войска — А. Павлов, И. Степанов и Н. Смокотнин, а также китаец Сюй, представитель чайной фирмы «Сю-ху-лунь».

Перед экспедицией стояли две важные задачи: исследовать в топографическом отношении маршрут от Зайсан-

ского поста в Семипалатинской области к юго-западным провинциям застенного Китая («диагональ, ведущая из долины Иртыша в Сычуань», как называл этот маршрут Ю. А. Сосновский) и выяснить на месте перспективы российской торговли в этом направлении²⁷⁹. Экспедиция изучила в военно-географическом, торговом и естественнонаучном отношении районы Восточного, Центрального Китая и Западной Монголии. Сразу скажем, что в итоге проведенных исследований был открыт новый путь в Китай, который был короче старого на 1600 верст.

Эта экспедиция, пробывшая в Монголии менее месяца, интересна и необычна по сравнению с другими подобными экспедициями тем, что практически каждый из ее участников (исключая вспомогательный состав — казаков, переводчика и китайского представителя) опубликовал не менее одной книги, содержащей как описание самого путешествия, так и его результаты и выводы. В основном эти публикации вышли без грифа «Секретно» или «Для служебного пользования». Естественно, что работы участников экспедиции были главным образом (или полностью) посвящены Китаю, так как именно он был основной целью их путешествия. Однако в большей или меньшей степени авторы (это уже зависело от того, какой интерес тот или иной из них проявил к Монголии) коснулись монгольских проблем, дали описание монгольских обычаев, увиденных ими сторон жизни монголов. Интересны материалы военного медика П. Я. Пясецкого, который выполнял в экспедиции обязанности врача, а также собирал коллекции (ботанические, геологические, зоологические, этнографические)²⁸⁰.

В 1880 г. было опубликовано двухтомное сочинение П. Я. Пясецкого, посвященное этой экспедиции²⁸¹. Книга получила широкий общественный резонанс; ее автор стал действительным членом Русского географического общества и других обществ, почетным членом («почетным воль-

ным общником»²⁸²) Академии художеств. Книга была удостоена Большой золотой медали отделений этнографии и статистики РГО²⁸³ и одобрена Ученым комитетом Министерства народного просвещения для фундаментальных библиотек всех учебных заведений и учительских семинарий. В 1882 г. книга была переиздана²⁸⁴. Она, безусловно, была намного интересней первой публикации Ю. Сосновского. Однако в своей работе П.Я. Пясецкий с заметным неуважением и неприязнью отзывался о руководителе экспедиции²⁸⁵. Более того, он прямо обвинял его в том, что экспедиция не была достаточно успешной и не выполнила всех поставленных перед ней исследовательских задач. Во втором издании своей книги П. Пясецкий привел отрицательные отзывы, опубликованные в английской прессе (журнал «The Academy», October 14, 1876), в которых результаты экспедиции были оценены очень низко. Смысл обвинений в адрес Ю. Сосновского сводился к тому, что он с целью личной наживы использовал учено-торговую экспедицию как ширму, прикрывавшую собой «несомненно, заранее обдуманную и подготовленную поставку хлеба для китайской армии»²⁸⁶. После опубликования первого издания этой книги произошел скандал, имевший самые разные по значению последствия. Так, сам П. Пясецкий был уволен с военной службы. Впоследствии, даже несмотря на покровительство одного из членов царской семьи, ему не удалось собрать необходимые средства для организации собственной экспедиции в Китай.

Между этими двумя участниками экспедиции разразилась дуэль на страницах печатных изданий. Ю. Сосновский, посчитав себя незаслуженно обиженным и желая, по его словам, «защитить доброе имя экспедиции», не стал молчать и написал новую книгу об экспедиции, которая стала, по сути дела, ответом на публикацию П. Пясецкого²⁸⁷. Сейчас трудно судить, кто был прав, а кто виноват — Сосновский или Пясецкий. Вклад последнего, по-своему очень яркой

и неординарной натуры, в проведение экспедиции вряд ли кто-то будет отрицать. Но и Ю. Сосновский был довольно известным российским исследователем Центральной Азии²⁸⁸. Говоря о сложных отношениях руководителя отряда и одного из его членов, надо обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, взаимоотношения руководителя и одного из его подчиненных, их взаимная неприязнь, безусловно наложившие негативный отпечаток на ход и результаты исследований, показывают, какое важное значение имел подбор членов экспедиции, совместимость их характеров. Правда, надо оговориться, что хотя П. Я. Пясецкий и служил в Военно-медицинском управлении, по натуре своей он был скорее штатским человеком, творческой натурой и с трудом подчинялся военной дисциплине. И еще одно замечание: его ссылка на отзыв по поводу экспедиции, опубликованный в английской прессе, свидетельствует, на наш взгляд, не столько о том, что экспедиция была неудачной, сколько о том, как внимательно на Западе в то время отслеживали действия России в Восточной Азии.

П. Я. Пясецкий, впервые попав в Монголию, многое воспринимал как европеец, столкнувшийся с незнакомой цивилизацией, непривычным бытом. Из-за незнания монгольской специфики, традиций и обычаев местного населения, совершенно иной культуры многое было ему непонятно, казалось диким и смешным. Поначалу присутствовала и некоторая предвзятость в восприятии окружавшей его действительности; прежде всего это относилось к монгольскому быту.

П. Пясецкий, охарактеризовал монголов конца XIX в. следующим образом: «От прежних воинственных и когда-то странных монголов не осталось ничего, кроме преданий; теперь они представляют совершенно мирный, добродушный и до известной степени забытый народ»²⁸⁹. По его мнению, это были бедные, неразвитые обитатели степей, ничего не знающие кроме своей степи²⁹⁰. Вот как он описал встречу с мест-

ными жителями на одной из почтовых станций: «Девушки ходят везде свободно и открыто, хотя и считают долгом казаться несколько застенчивыми, но дети дики, как волчата. Они в малейшем нашем движении самого невинного характера сейчас видят намерение преследовать их и спасаются от опасности бегством, — но, отбежав на некоторое расстояние, улыбаются, показывая два ряда прекрасных, блестящих зубов. Встречаются, впрочем, дети, вовсе не робкие»²⁹¹.

С юмором описывал П. Я. Пясецкий восприятие монголами многих европейских бытовых предметов, впервые ими увиденных. Например, большую трудность для фотографа экспедиции составило объяснить монголам, что во время фотографирования они должны стоять или сидеть на лошадях не двигаясь. По этому поводу было «много крику, но весьма мало толку: не имеющим понятия о фотографии монголам никак не могли втолковать, чего от них хотят. ... “Ну, сидите же смирно, смирно, не шевелясь,” — говорит переводчик. Сайн байна! (Ладно), кивают утвердительно головой, по-видимому, уразумевшие монголы. Сидят. Фотограф приготовил стекло, открыл камеру и считает момент действия света, вдруг кто-нибудь из позирующих встает и идет посмотреть в объектив, что там происходит...»²⁹². Возможно из-за недостатка времени, которое экспедиция провела в Монголии, Пясецкий довольно поверхностно воспринимал внешнюю сторону традиционной монгольской культуры. Он писал при посещении летнего дворца хутухты: «... Тут все покрыто завесой таинственности и никогда не узнать иностранцу-туристу, что совершается внутри этих стен»²⁹³.

В 1888 г. еще один член экспедиции — топограф З. Л. Матусовский, осуществивший подробную маршрутную съемку пути, пройденного экспедицией, и собравший большой объем географических сведений, опубликовал книгу «Географическое обозрение Китайской империи»²⁹⁴. В ней

был дан подробный географический очерк и обзор административного устройства и хозяйственной жизни Монголии. Особый интерес представляет изданная отдельно обновленная карта Китайской империи²⁹⁵. Что же касается впечатлений о монголах, З. Матусовский писал, что «в настоящее время ... монголы превратились в совершенно мирных кочевников. Жизнь их проходит теперь тихо, нравы у них мягкие, преступления редки, о зверском обращении сильных со слабыми почти не слышно, убийства случаются, как исключительное явление, — иностранец может спокойно путешествовать по стране и находить для себя более удобные стоянки в буддийских монастырях, являющихся главными культурными и оседлыми поселениями страны»²⁹⁶. Естественно, впечатления автора, прожившего в Монголии недолго, были несколько поверхностны, однако главное он успел заметить: дружелюбие монголов, их гостеприимство.

О монгольской культуре З. Матусовский писал следующее: «Впрочем, культура монголов весьма незначительна. По свидетельствам последних путешественников, современная монгольская интеллигенция занята исключительно религиозными вопросами; национальная литература народа значительно уступает переводной; библиотеки состоят главным образом из тибетских книг духовного содержания и даже тибетская грамотность развита в Монголии значительно обширнее, чем национальная. Охота изучать свою отечественную историю, свой народ и свою родину едва заметна и вся умственная энергия народа отдана на разъяснение общечеловеческих вопросов о нравственности и религии. Благодаря такому направлению духовной жизни, у монголов едва сохранились теперь слабые воспоминания о разделении их на поколения; современные монголы знают лишь свое административное деление. На вопрос “какой ты кости?” монгол ответит лишь общим именем “Халха, Хорчин, Кэшиктэн”, но более частные родовые деления забыты, имена предков и легенды о них тем более»²⁹⁷.

По нашему мнению З.Л. Матусовский дает по сути положительную оценку состоянию культуры кочевого общества: он свидетельствует, что в Монголии существует национальная интеллигенция, имеется не только монгольская, но и переводная литература, открыты библиотеки. Все это говорит о том, что духовная культура народа была высокой, «умственная энергия народа» была нацелена на восприятие «вопросов нравственности и религии». Говоря же о том, что монголы плохо знают свою национальную историю, автор упускает, что история эта передавалась из поколения в поколение в виде легенд и преданий, поэтому монгол, проживавший в *худоне*²⁹⁸, мог не суметь складно пересказать исторические факты, но, тем не менее, с малых лет слышал их в рассказах старших и неплохо представлял героическое прошлое своей страны. Как мы знаем теперь, монголы сумели сохранить в памяти и свою историю, и свои родословные. Рассуждения автора нельзя назвать поверхностными, однако, несомненно, они принадлежат европейцу, плохо знакомому с особенностями менталитета монголов.

В книге З.Л. Матусовского содержится подробный очерк монгольских родов, проживавших в различных *аймаках*²⁹⁹, говорится об их административном устройстве. Автор описывает состояние российской торговли в Монголии, военную организацию монголов. Приводятся интересные подробности сбыта русских товаров, который велся не столько в крупных городах, сколько в основном в *улусах*³⁰⁰, княжеских ставках и монастырях, где русские приказчики жили постоянно с весны до осени³⁰¹.

Об обычаях и традициях монголов того времени писал и штабс-капитан Орлов (1879)³⁰², входивший в состав Второй (Монголо-Тувинской) экспедиции Г.Н. Потанина и в ее рамках проводивший самостоятельные топографические, гидрографические исследования в Урянхайском крае. Отряд П.Д. Орлова встречал кочующих урянхайцев³⁰³, «гнездивших-

ся на откосах гор, забившись где-нибудь в ущелья; только раздававшийся лай собак, услышавших наше приближение, невольно открывал убежище этих кочевников»³⁰⁴. В своем отчете он описал впечатления о местном населении, встретившемся на его пути из Кош-агача в Улангом. Особенно поразила его, как и других участников экспедиции, бедность урянхайцев; эти люди жили в основном охотой на сурков, мясо которых употребляли в пищу, а шкурки продавали (от 5 до 15 коп. за штуку)³⁰⁵.

Дербеты, жившие по соседству с урянхайцами и относившиеся к ним недружелюбно, жаловались на то, что последние их часто грабят. В долине р. Мухор экспедиция встретила китайский караул, в задачу которого, помимо прочего, входила охрана дербетов от грабежей урянхайцев. В Улангоме у П. Д. Орлова и приехавшего туда мещанина Я. Е. Мокина украли семь лошадей, находившихся под присмотром нанятого ими дербета. Всю вину свалили на урянхайцев, которые промышляли воровством. Несмотря на все хлопоты Мокина, который торговал скотом с монголами и был знаком с местными порядками, лошадей найти и вернуть не удалось. Я. Е. Мокин пришел к заключению, что хотя торговля в этой местности может принести большую выгоду, все же она сильно осложняется воровством, от которого могут быть большие убытки³⁰⁶.

П. Д. Орлов отметил, что и для урянхайцев, и для дербетов было характерно недружелюбное, настороженное и подозрительное отношение к проезжавшим по их землям русским. Дербеты вели кочевой, пастушеский образ жизни, все их достояние заключалось в скоте; уход за скотом составлял единственное их занятие. Хлебопашеством они занимались очень мало и только в долинах, где можно было наладить искусственное орошение. Сеяли только просо и пшеницу. Ремесла были практически не развиты — Орлов ничего кроме принадлежностей для юрты у них не встречал. Все осталь-

ные предметы домашней обстановки и одежда приобретались у китайцев и немного — у русских торговцев. «Дербеты, по своему виду и привычкам, — писал П. Орлов, — имеют сходство с нашими киргизами: такие же неугомонные наездники, любопытные и живые в разговоре, только они всегда подозрительно относятся к русским. Сколько мне ни приводилось задавать вопросов, всегда следовал ответ: “А для чего тебе нужно это знать?”»³⁰⁷.

По словам П. Д. Орлова, у местного населения довольно трудно было получить ответы даже на простые вопросы, касавшиеся местных географических названий (гор, рек, урочищ). Члены экспедиции вынуждены были идти на хитрость: казак-переводчик, не останавливая проезжавшего мимо дербета, «мимоездом», как бы между прочим спрашивал название гор, речек и урочищ; у озадаченного таким неожиданным вопросом дербета «невольно срывался ответ, а затем уж являлось подозрение и обычный вопрос: “Для чего это нужно знать?”»³⁰⁸. Орлов побывал в храме урянхайцев, называвшемся Модо-обо, в местности Улуг-Хем вблизи хребта Танну-ола. Этот храм состоял из поставленных конусообразно жердей, покрытых сверху хворостом; «внутри его находилось несколько деревянных кумиров (фигур. — Е. Б.) самой грубой работы»³⁰⁹.

У урянхайцев, проживавших в этой местности, было довольно хорошо развито хлебопашество. «Вся площадь около Модо-обо, — писал Орлов, — покрыта обработанными полями, с которых хлеб был уже собран. Арыки бороздили эти поля по всем направлениям, осеняемые густым кустарником тала и облепихи... В некоторых местах виднелись юрты, из которых вскоре стали собираться к нам скуластые Урунхай. Казаки наши, служившие нам переводчиками монгольского языка, не могли с ними объясняться, так как они говорили на алтайском наречии, но несколько ознакомившись, нашлись между ними такие, которые говорили по-монгольски»³¹⁰.

По своему физическому типу и образу жизни, отмечал Орлов, урянхайцы походили на алтайских калмыков. В зимнее время они жили в юртах, а в летнее — в конусообразных шалашах, покрытых древесной корой. Жили еще беднее, чем российские алтайцы. Производством водки из молока в домашних условиях занимались почти все, имевшие скот.

П. Д. Орлов отмечал, что у весьма суеверных урянхайцев было развито колдовство, гадание и шаманство. Занимались этим и мужчины, и женщины; по его оценке, примерно 1/10 часть всего населения Урянхайского края были шаманами, потому что «из небольшого числа юрт, находившихся около нас, насчитывалось около десяти шаманов»³¹¹. Местность, заселенная урянхайцами, граничила на севере и западе с Россией по Сайлюгемскому и Саянскому хребтам, с юга территория была ограничена хребтом Танну-ола, с востока — приблизительно линией от верховьев реки Урей до ее впадения в озеро Дот-нор и далее на верховья речки Тольгир-Мурен и по верховьям левых притоков речки Тайрис до ее истоков. Таким образом, урянхайцы занимали почти весь бассейн реки Улу-кем³¹². Воинской повинности урянхайцы не отбывали, но за это платили подать соболями и другими шкурами ценных зверей, которые сдавали специально назначенному для этого чиновнику; он отправлял подать в Пекин. Этот же чиновник считался начальником аймака.

Что касается дербетов, то в административном отношении они делились на *хошуны*³¹³, которыми управляли наследственные князья, а проживавшие на севере Монголии дархаты были подчинены ургинскому *хутухте*³¹⁴ и составляли Шабинское ведомство³¹⁵. В административном отношении дархаты делились на три *отога*³¹⁶, управлявшиеся *зайсанами*³¹⁷ на правах наследования. «Имея частые сношения с Ургой, куда они ездят ежегодно для уплаты подати, состоящей из продуктов скотоводства и встречая часто русских торгующих, как в Урге, так и на пути, они к нам относились с полным доверием

и принимали наши кредитные бумажки, отказываясь от серебряных рублей»³¹⁸.

В мирное время хошуны обязаны были выделять ежегодно определенное число молодых людей для отбывания гарнизонной службы в крепостях в Улясутае, Кобдо и местных караулах. Назначение людей на службу зависело от князя; служить в основном направляли людей за разные проступки, а также бедняков. Богатые же всегда имели возможность откупиться от службы в армии. Военная повинность у дербетов длилась 6 лет, но могла быть продлена властями в зависимости от того, удалось ли хошунным властям призвать под ружье нужное число новобранцев. В военное время воинская повинность была обязательна для всех способных носить оружие мужчин в возрасте с 18 до 60 лет. По первому призыву люди были обязаны явиться на сборный пункт к обо, где, образовав эскадроны, направлялись к полковому обо. Из нескольких полков одного хошуна составлялось знамя³¹⁹.

Интересен рассказ П. Д. Орлова о встрече участников экспедиции с сарджальским нойоном как с точки зрения описания местных обычаев гостеприимства, так и с точки зрения отношения монголов к иностранцам. Стоянка его располагалась недалеко от урочища Саргалы. На следующий день после прибытия на место путешественники отправили к нойону двух казаков, хорошо владевших монгольским языком, с «приличными подарками», чтобы испросить личного свидания с ним. Нойон принял подарки с радостью, угостил казаков чаем и захотел лично пожаловать с визитом в лагерь к путешественникам. Началась подготовка к приему гостей: «все наличные чайники были поставлены и на всякий случай была приготовлена бутылка рому». Через некоторое время пожаловал нойон со свитой человек из десяти, среди которых находились три его сына. Одет он был в китайский костюм, на голове была шапка с павлиньим пером. «Лицо у него было строгое, но благообразное и во время нашего

свидания ни разу не выказалась на лице улыбка». Нойон приехал со своим приготовленным чаем и привез в подарок большой круг высушенных молочных пенек, снятых с кипяченого молока, полную деревянную чашку поджаренных кедровых орехов и небольшой *турсук* (кожаный мешок. — Е. Б.) с молочной водкой. Началось взаимное угощение. Нойон выпил только один стакан пунша, а русские путешественники только пригубили молочную водку, ради приличия, так как она им не очень понравилась³²⁰.

Полковник Генерального штаба Костенко³²¹ (1886) исследовал Джунгарию³²², и в том числе ее население. В Джунгарии проживали таранчи³²³ (около 40% населения), представители маньчжурских народностей — сибо и солоны (20 тыс. человек), кара-китай (3,5 тыс.), дунгане (5 тыс.). Около 40% местного населения составляли киргизы и калмыки³²⁴. На южном склоне Монгольского Алтая проживали, как назвал их Л. Ф. Костенко, «кочевники монгольского племени» урянхайцы, соседствовавшие с местными киргизами. В Тарбагатайском округе располагались другие монгольские кочевые народы — кара-калмыки, чахары, олыша-монголы, торгоуты — всего около 25 тыс.³²⁵ Во время дунганского восстания в 1860-е годы торгоуты переселились из Илийского края в северную Джунгарию, где заняли территории по южному склону Тарбагатая. Таким образом, во второй половине XIX века часть торгоутов (исконные обитатели страны, называвшиеся табын-сумын-торгоуты) проживала на южных склонах Монгольского Алтая, а другая (цохур-торгоуты) — на южном склоне Тарбагатая.

На востоке к кочевьям торгоутов примыкал хошун дзахчинов; жители хошуна сами называли себя олетами. Хошун был расположен как в северной, так и в южной части Монгольского Алтая, от перевала Улан-даба до перевала Борджон. Дзахчины занимались в основном хлебопашеством. За дзахчинами вдоль Алтая в пределах Джунгарии располагались три

халхаских хошуна, принадлежавшие к аймаку Дзасакту-хана. За ними восточнее, на северной и южной стороне хребта Монгольский Алтай, располагался хошун тачжин-урианхай. Л. Ф. Костенко, опираясь на собственные наблюдения, а также используя материалы своих предшественников, побывавших в этом районе, — Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина и других, — создал довольно полную картину размещения и кочевков монгольских племен, проживавших в регионе Монгольского Алтая. В отличие от ранее посетивших этот край путешественников, Костенко удалось собрать статистические данные относительно численности местного населения в целом, а также о количестве здесь монгольских племен. По его подсчетам, на южном склоне Монгольского Алтая проживало 50 тыс. кочевых монголов, что составляло примерно 11% населения Джунгарии (Илийский и Тарбагатайский округа).

Коротко остановившись на истории джунгар, или ойратов, в состав которых входило четыре рода: чоросы, торговцы, хошоты и дурбеты, Л. Ф. Костенко писал, что в 1757 г. джунгарская армия потерпела поражение от армии Китая и вся территория, прежде принадлежавшая Джунгарии, перешла под власть китайского богдыхана; те джунгары, которые не успели спастись бегством в Сибирь или в киргизскую степь и Западный Туркестан, были беспощадно перебиты. Всего погибло около миллиона человек — мужчин, женщин, детей. Костенко назвал это погромом нации. После занятия джунгарской территории китайцы разделили ее на семь округов: Или, Тарбагатай и Кур-кара-усу составили Илийское наместничество, Баркуль и Урумчи были присоединены к провинции Гань-су, а округа Кобдо и Улясутай получили отдельное управление. Китайцы организовали в стране военное поселение из монгольских племен сибо, солонов и дауров, пограничных с Маньчжурией, и переселили туда преступников и бедняков, не имевших собственной земли в Китае³²⁶.

Л. Ф. Костенко привел интересные сведения о помощи, которую российское правительство в 70-е годы XIX века оказывало Китаю в вопросе управления западными территориями, или, как он их называл, «внезапно возникшими государствами», пытавшимися отделиться от китайской империи. Помощь России выразилась, например, в посылке небольшого военного отряда в Ургу «с целью дать возможность китайцам опереться на наши силы и продвинуться дальше на запад», а также в доставке хлеба китайским войскам, «без каковой доставки последние не могли бы двигаться по пустыням, отделявшим отпавшие провинции от застенного Китая»³²⁷. Русские караваны, перевозившие китайцам хлеб, зачастую сопровождались военными отрядами. «Таким образом, только благодаря существенной помощи русского правительства, китайцам удалось пройти от Великой стены до Чжунгарии и Кашгарии и потушить пламя восстания»³²⁸. Илийская провинция была передана Россией Китаю добровольно во исполнение Петербургского трактата, подписанного с Китаем в 1881 г.³²⁹

Что руководило российскими властями, когда они оказывали помощь Китаю в таком деликатном вопросе, как отношения с национальными меньшинствами, населявшими пограничные районы Цинской империи? В первую очередь это было основным мотивом нередко возникавших конфликтных ситуаций в отношениях этих национальностей (таранчи и отчасти дунгане) с русской пограничной администрацией. Вторая причина — укрывательство в этой местности беглых российских граждан. России была нужна сильная власть Китая в этих районах, поэтому она шла на такие шаги.

Полковник Путята (1891) довольно близко с монгольским бытом познакомился в долине Цаган-Мурен, которая представляла «богатое приволье для кочевников. ... Роскошные луговые травы обеспечивают процветание скотоводства в самых широких размерах и местные монголы прово-

дят зиму и лето почти на одних и тех же местах, не встречая надобности в дальних перекочевках для поисков корма. Обеспеченность и богатство, вероятно, служат причинами многолюдства здешних лам, составляющих более половины мужского населения. В каждом небольшом урочище есть свой монастырь (дацан или сумэ)...»³³⁰. Находясь в Юго-Восточной Монголии, Д.В. Путята провел пять дней в ламаистском монастыре Энциген-сумэ в урочище Цаган-Субурга и имел возможность довольно подробно наблюдать монастырский быт. На богомолье и для поклонений святыням прихожане являлись не с пустыми руками: приношения делались деньгами, мясом, скотом, материей, нередко были «случаи временных ссуд своих жен и дочерей в пользование почетным ламам»³³¹. Последствием этого, писал он, становились заразные болезни, поражавшие население целых урочищ³³². Путята отмечал, и это совпадает с впечатлениями многих российских путешественников, побывавших в Монголии в конце XIX — начале XX века, что к нему неоднократно обращались местные жители с просьбами о лекарствах, так как их традиционная медицина во многих случаях была бессильна³³³.

Работе экспедиции Д.В. Путята мешала набожность и суеверие местного населения. Монголы относились к путешественникам крайне подозрительно и «никак не хотели дать веру истинному объяснению цели» приезда экспедиции³³⁴. Нередко ламы подсылали монголов к членам экспедиции, чтобы узнать, «зачем русские пришли?». Слухи возникали самые невероятные: «Одни говорили, что война будет, другие объясняли тем, что селиться здесь хотят, а от времени до времени обращались к моему казаку Жаркому с наивным вопросом: “как находите — земля у нас хорошая?”»³³⁵. С трудом удавалось вести геологические изыскания и собирать ботанические коллекции. Случаи скола образца породы, выкапывание с корнем растения возбуждали недоброжелательство и духовных, и светских лиц. Это был типичный

пример незнания членами экспедиции монгольских обычаев; в данном случае речь шла о том, что природу нельзя было трогать. «А однажды, — писал Д. В. Путята, — удачный выстрел по турпану не на шутку всполошил все окрестные аулы, ибо турпан, по понятиям местных монгол, священная птица, да и горка, где происходило действие, пользуется особенным почитанием»³³⁶. Нигде в других местностях Монголии, по словам Путяты, русскому путешественнику не приходилось встречать каких-либо затруднений³³⁷.

В 1894 г. подполковник Генерального штаба Стрельбицкий, направляясь из Урги во Владивосток, проехал по территории Халхи, Большого Хингана и Маньчжурии, где собрал материал об административном устройстве и военной организации народностей, населявших Восточную Монголию, — бурятов, солонов, чипчинов, олётов, ороченов. Буряты составляли восемь хошунов, солоны и чипчины — по четыре, ойлюты — всего один. Орочены не несли никаких государственных повинностей. Каждый хошун обязан выставить три «стрелы», по 50 всадников каждая; таким образом, Хулумбуир (Хейлунцзянская провинция Внутренней Монголии) давал всего 51 стрелу от 17 хошунов. В дальнейшей организации хошуны сводились в четыре полка по четыре сотни воинов. Древняя военная организация являлась основой административного деления на крылья, центры, хошуны, сомоны³³⁸. Рассказывая о монголах, проживавших в округе Хулумбуир, Стрельбицкий писал, что они очень хорошие стрелки из лука, в чем вероятно опередили халхасцев. «Каждый хулумбурец (так в тексте. — Е. Б.), не снимая носит на большом пальце левой руки каменное или роговое кольцо, по которому должна скользить стрела при спуске ее с тетивы»³³⁹. Быт населения Хулумбуира, по его словам, был чисто монгольским, обычаи и строй жизни тоже.

Полковник Генерального штаба Баторский после своей поездки в Монголию в 1888 г. опубликовал книгу «Монго-

лия. Опыт военно-статистического очерка» в 2-х томах³⁴⁰, где собрал все имевшиеся к тому времени сведения о ней этнографического характера — о народностях, проживавших там, о распределении границ их кочевков и т. д. В этом труде автор обобщил собственный опыт исследования Монголии, а также материалы М. В. Певцова, Г. Н. Потанина, Я. П. Шишмарева и других исследователей. Как отметил сам А. А. Баторский, это была первая попытка создать этнографическую картину Монголии, и «как первый опыт, не может претендовать на точность»³⁴¹. И все же, несмотря на эту деликатную оговорку, книга его на долгие годы стала настольной для многих путешественников, военных и штатских.

А. А. Баторский выделил четыре группы населения — монгольскую, тюркскую, китайскую, тунгусскую — и описал племена, населявшие страну. Монголы составляли приблизительно 8/10 населения страны. Автор дал описание народов, населявших Халху, а также южных монголов (жителей Внутренней Монголии, Ордоса и Алашаня) — хорчинов, чжалаитов, дурбетов, хорлос, туметов, аохан, найманов, баринов, чжарутов, ару-хорчинов, онютов, кэшиктэнов, чахаров, торгоутов и др. Южные монголы отличались от северных языком, нравами, обычаями и частично образом жизни. Менее всего сохранили свой монгольский тип чахары и туметы — вследствие иноземного влияния, сильнее всего проявившегося на юго-восточной окраине. Было также дано описание жителей западных и восточных районов страны — дурбетов, урянхайцев, байтов, олётов, мингытов, тарачинов, дзахчинов и обозначены места их обитания.

Китайцы жили оседло в городах и урочищах, определенных богдоханом для распашки. Наибольшее число их встречалось в административных центрах: в Урге, Кобдо, Улясутае, а также в больших монгольских монастырях; оседлые поселения собственно земледельцев находились в основном в юго-восточных районах Монголии, к северо-западу от хребта Иншаня и Большого Хингана.

«Определив с возможной точностью границы кочевков всех перечисленных народностей, нельзя не прийти к заключению, — писал А. А. Баторский, — что площадь Монголии распределена между племенами ее населяющими крайне неравномерно. Действительно, — монголы Халхи занимают 0,5 всей территории, а вместе с обитателями Внутренней Монголии, заселяющими 0,3 ея, всего 0,8 поверхности. Следовательно, на долю племен тюркского происхождения и остальных монгольских ветвей, кочующих в с.-з. части страны, приходится едва 0,2 всей площади. При чем пространство ея, занятое кочевьями той или другой народности, далеко не соответствует количеству его населения и, приведенный выше средний вывод о распределении обитателей по территории Монголии, в 50 приблизительно человек на кв. г. м., представляется чисто математическим и весьма условным. Таким образом, помимо приведенного, замечается еще неравномерность и в распределении самого населения по поверхности страны»³⁴².

А. А. Баторский попытался рассчитать численность населения Монголии в конце XIX века. По определению Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа), население страны составляло до 3 млн человек³⁴³, «хотя цифра эта весьма гадательная, так как она получена через умножение всего числа военнослужащих на 10»³⁴⁴. Е. Ф. Тимковский³⁴⁵, по словам Баторского, считал, что численность населения Монголии составляла 2 млн, «полагая все народонаселение Монголии состоящим не более как из 500 т. юрт или кибиток, а эту последнюю из четырех душ в каждой»³⁴⁶. «Трудно определить, конечно, которая из двух приведенных цифр ближе к истине, потому что и та и другая основана на данных весьма мало достоверных. Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов и З. Л. Матусовский приняли цифру Иакинфа, в своих исследованиях, заслуживающего большого доверия, тем более, что исключительно данными его и пользовался Е. Тимковский. Принимая, ввиду полной невозможности определить ее точнее, среднюю цифру населения опи-

сываемой страны из 2-х приведенных в 2 ½ м., разбросанных на пространстве 50.234 кв. г.м., получим, что средним числом приходится на кв. г.м. около 50 чел.»³⁴⁷. По подсчетам Баторского, халхаских монголов насчитывалось 500 тыс., а с шабинарами хутухты — 570 372. «Все же население страны, по трем округам, достигает 1 752 372 или maximum 1 852 372 душ коренного монгольского племени и монголоподобных ветвей»³⁴⁸. Если же прибавить к этой цифре около 200 тыс. китайцев, маньчжуров и солонов, проживавших в Монголии, считая в том числе и городское население трех главных центров — Урги, Уласутая и Кобдо, — то только тогда численность всего населения страны достигала 2 млн, т. е. получалось на полмиллиона меньше цифры, названной выше, как средней из двух, — о. Иакинфа и Е. Тимковского. Правда, писал А. А. Баторский, на приведенных данных было весьма трудно основываться, так как, по признанию российского консула в Урге Я. Шишмарева, «ни на какие сведения, доставленные монголами положиться нельзя», тем более что хошунные цзасаки умышленно скрывали число своих данников³⁴⁹. Таким образом, Баторский определил численность населения Монголии в 2,5 млн человек; из них оседлого населения — от 200 до 250 тыс., а от 2,3 до 2,25 млн — кочевники. Соотношение оседлого населения к кочевникам, по его расчетам, получалось как 1:12 или 1:12,5³⁵⁰. «...Гуще других, отмечал Баторский, заселена южная, или Внутренняя Монголия; затем, по плотности населения следует Кобдоский округ, вмещающий на своей площади одиннадцать народностей и, наконец, Халха. В первом, — на кв. г.м. пространства приходится около 60 человек, во втором — maximum до 30 и в третьем не более 20»³⁵¹. Из четырех аймаков Северной Монголии самым населенным считался Тушету-хановский. Аймаки Дзасакту-хана и Сайн-нойона были заселены меньше, но по количеству обитателей не дают с первым значительной разницы. Самый малолюдный Цэцэн-хановский аймак.

Капитан Попов (1903) дал подробную характеристику населения Северо-Западной Монголии — его образа жизни, жилища, пищи, бюджета семьи, а также языка, некоторых традиций и обычаев, религии. Кроме того, описание этого района Монголии включало, помимо географических сведений, также данные о государственной границе, административном устройстве, китайском и монгольском управлении, экономическом положении монголов, о путях сообщения в крае и некоторые другие. Собираясь в экспедицию, В. Л. Попов тщательно готовился к контактам с местным населением, и в первую очередь с представителями местной администрации, полагая, что сумеет получить от них информацию по вопросам, находившимся в их компетенции, таких как взимание подати, граница и др. «Для состава экспедиции и угощения монголов, — писал он, — было взято ведро спирта в металлической фляге, ... и несколько бутылок коньяку. Спирт и коньяк оказались действительно необходимыми, как во время пути, так особенно при приеме монгольских гостей»³⁵². А вот какие подарки вез Попов: «Наиболее целесообразными оказались серебряные под золотом перстни с крупными стеклами в виде брильянтов. Для китайских властей золотые перстни и серьги с уральскими камнями (аметистом и хризолитом), для монгольских властей часы с электрическими лампочками, стереоскопы, компасы, барометры-анероиды и дешевые фотографические аппараты. Холодное оружие дарить не принято, а ружья — неудобны для перевозки и стоят дорого. Опыт указал нам, что лучшее средство завязать хорошие отношения с монгольскими властями это фотографирование при их домашней обстановке и немедленный подарок им этих фотографий и наконец, собственная хорошая фотографическая карточка»³⁵³.

Большое внимание, как и в исследованиях его предшественников, было обращено В. Л. Поповым на урянхайцев (сойотов), которые представляли собой большое разнообра-

зие этнографических типов, от чисто монгольского до тюркского и почти славянского; встречались типы, похожие на тунгусов и якутов³⁵⁴. По рассказам урянхайских старожилов, писал Попов, кража лошадей была обычным делом для урянхов. Чем смелее и крупнее была кража лошадей, тем большим вниманием соседей пользовался укравший их человек. Еще недалеко было то время, когда девушка отдавала предпочтение тому жениху, который был более известен как конокрад. Однако под давлением русских кражи лошадей стали строго преследоваться. За это преступление судил сомонный, а иногда и хошунный суд. За первую кражу полагался штраф в двойном размере стоимости украденного, и кроме того, наказывали палками. За повторную кражу полагались тяжелые физические наказания. Однако, несмотря на эти наказания, кражи лошадей продолжались. «Чтобы избежать потери лошади, — писал Попов, — путешественнику приходится сдавать лошадей на ночь пасти урянху же, тогда можно спать спокойно. Самим же лошадей не уберечь»³⁵⁵. Убийства случались очень редко, в основном случайно. За убийство полагалась смертная казнь.

Особое внимание В.Л. Попов обратил на отношения между урянхами и монголами: они были, по его словам, не очень дружественными. Урянхайская земля находилась за пределами монгольских караулов, и потому до 1903 г. существовал строгий закон, по которому урянхайцам запрещалось свободно въезжать в Монголию, а монголам и китайцам — в Урянхайскую землю. В случае если в этом была особая необходимость, урянхайцы для проезда по Монголии получали особые заграничные документы, которые визировались на пограничных караулах, а китайцам и монголам документы выдавало улясутайское правительство, и их нужно было обязательно предъявлять урянхайскому *амбань-нойону*³⁵⁶. В 1903 г. приказом улясутайского цзянь-цзюня было разрешено пропускать всех китайцев в Урянхай без каких-либо документов;

урянки, в свою очередь, получили право свободного въезда в Монголию.

В своей небольшой по объему работе «Барга и Халха» ротмистр Баранов на основе расспросных данных и собственных наблюдений довольно подробно описал народности, составлявшие население Барги, местности на юге Монголии. Барга подчинялась Китаю, вследствие чего мужское население этой области было обязано проходить военную службу под китайскими знаменами. Он описал чахаров, а также солонов, чипчинов, олётов, бурят. «Солоны, — писал А. Баранов, — воинственны и в 1900 г. участвовали во всех боях с русскими до Хингана включительно; склонны к воровству и грабежу. Нередко организуют партии, которые с целью угона скота проникают и в Чжеримский сейм и в Халху. По религии солоны шаманствующие»³⁵⁷.

А. Баранов выяснил, что чипчинов по переписи 1883 г. насчитывалось 870 юрт, в которых проживало мужчин 2600, а женщин 2634³⁵⁸. Об отношении чипчинов к религии Баранов писал следующее: «Чипчины небольшое племя; они официально считаются ламаитами, но на самом деле шаманствующие. Шаманы у чипчин были весьма влиятельны». Баранов довольно подробно описал древний обычай, по которому хоронят чипчинских шаманов. На похороны собираются не ламы, а шаманы. Покойного помещают в сидячем положении в крытую арбу, которую увозят в лес или на гору. На третий день к этому месту собираются монголы, чтобы посмотреть на тело покойного, и верят, что истинный, сильный шаман к этому времени, оставаясь в прежней, обычной монгольской сидячей позе, меняет ноги, т.е. если левая нога при совершении обряда была перекинута через правую, то за три дня покойный шаман должен был перекинуть правую ногу через левую. Сами монголы говорили А. Баранову, что в последнее время сильные шаманы стали появляться редко. Не только шаманисты, но и ламаисты и даже сами

ламы верят, писал Баранов, что мертвые ламы могут отправлять службу, т. е. камлать³⁵⁹.

Принадлежность же чипчинов к ламаистской вере выражалась лишь в том, что они приглашали к себе лам в случае болезни, чтобы получить от них совет относительно того, как проводить лечение, а также для совершения обрядов на похоронах. Все остальное время ламы, из боязни быть избитыми, опасались даже ездить к чипчинам. «Своих детей чипчины в ламы не отдают и считают даже вредным для народного хозяйства пополнять таким образом ряды духовенства своими детьми»³⁶⁰. Однако настоятель монастыря Ламгурсуме хамбо-лама-шаброн Лоде все же пытался распространить среди чипчинов ламаизм. Для этого он собрал несколько молодых людей, которых поселил подальше, за рекой Хайлар, опасаясь отрицательного отношения к этому других чипчинов. Там он обучал их основам ламаизма и готовил из них будущих лам.

По своему характеру чипчины были более мирными, чем солоны, в разбоях не участвовали, но от легкой наживы не отказывались. По словам А. Баранова, они занимались хищнической разработкой соли из озера Добсан-нор, принадлежавшего монгольским бурятам (баргутам), выпасали свой скот на их землях и даже захватили под пастбища большие участки земли, принадлежавшей им. Чипчины участвовали в войне 1900 г. (Ихэтуаньское восстание в Северном Китае. — Е. Б.), но после первого же боя у станции Онгунь бросили оружие и вернулись в свои кочевья. Этот пример, кстати, говорил о том, что от чипчинов вряд ли можно было ожидать агрессивного отношения к русским.

Олёты — племя весьма малочисленное. А. Баранов назвал их «отрывком» от одноименного племени, жившего в Западной Монголии. Исповедовали олёты ламаизм. Буряты — племя, как выразился Баранов, «весьма миролюбивое», ламаисты. Участия в войне 1900 г. не принимали.

Присоединение олётов, солонов и чипчинов к Китаю произошло в 1732 г.; жители 8 из 13 монголо-бурятских сомонов стали подданными Китая в 1735 г. Барга после этого стала делиться на старую, к которой относились солоны, олёты и чипчины, и новую, в которую входили монголо-буряты. Все баргуты составили военное сословие («вроде наших казаков», как писал А. Баранов) и должны были служить правительству «на коне», получая от властей только оружие. Барга получила самоуправление, и все должностные лица были *баргутами*³⁶¹, за исключением одного амбана, высшего баргинского начальника, назначавшегося постоянно или из китайцев, или из даур.

Собранные А. Барановым сведения позволили ему исправить на российских картах границы Барги и Халхи. С большей точностью он определил территорию, которую занимали ороконы, «племя бродячее», численностью, по официальным данным, около 120 человек, которое в 1894 г. было зарегистрировано китайским правительством. Из них было сформировано два сомона, составивших один хошун, называвшийся Кувот-хуху. Этот хошун не вошел в состав Барги, а относился к ведению Цицикарского цзянь-цзюня. Ороконы занимали довольно большую территорию, и, как считал Баранов, далеко не все были учтены китайскими административными органами, так что работа по выяснению численности ороконов продолжалась.

Совершая рекогносцировки в Восточной Монголии весной-летом 1905 г., полковник Новицкий заметил, что распространённое мнение о богатстве Монголии лошадьми преувеличено. В тех районах, которые посетила экспедиция, табуны встречались нечасто. Если все количество лошадей «разложить на число жителей, то едва ли получится соотношение, подтверждающее вышеупомянутое мнение»³⁶². Этим, по всей вероятности, объясняется наблюдение Новицкого, что «кумыс монголам этих местностей

неизвестен и ни разу во время своих поездок мне не пришлось встречать его»³⁶³.

Интересны наблюдения В. Ф. Новицкого за жизнью жителей Восточной Монголии, бытом буддийских монастырей и религиозностью монголов. «...При весьма значительном в стране количестве монастырей, монголы, вообще говоря, мало религиозны — чтобы не сказать, что совершенно равнодушны к религии. Семья, отдавши 8–10-летнего ребенка в монастырь, ... считает себя как бы откупившейся, освободившей себя от обязанности соблюдать все обряды и молитвы, установленные религией»³⁶⁴. Прав ли был Новицкий? Нельзя согласиться с тем, что монголы были равнодушны к религии. Вероятно, Новицкий принял их обычную сдержанность за равнодушие. Большое впечатление произвел на него монастырь Мурен в хошуне князя Дархана. Храм имел внутренний алтарь, изолированный стеной от прочего помещения, стены храма снаружи и внутри были расписаны сценами из буддийской мифологии.

Штабс-капитан Кушелев³⁶⁵ (1911) отмечал, что монголы народ добрый, живущий патриархально и нравственно, «что неоспоримо доказывается возможностью совершенно безопасно, без всякой охраны, одному европейцу, при 3–4 случайных спутниках, прорезать всю страну на протяжении тысячи верст»³⁶⁶. А вот с его оценкой культурного уровня монголов согласиться трудно. Он считал, что монгольский народ «не поддается в данное время культуре и не скоро еще поддается»³⁶⁷. Такое суждение — типичный пример даже не высокомерия, а полного непонимания цивилизационных особенностей другого народа и сведение оценок относительно его культурного уровня только к уровню бытовой культуры, и то лишь в сравнении с бытовой культурой европейцев.

Спустя 33 года после экспедиции штабс-капитана Орлова подьесаул Дорофеев в поездке по Северо-Западной Монголии (1912) интересовался урянхайцами, которые занимали земли по северо-восточному склону Алтая, от вер-

ховьев рек Кобдо и среднего (в среднем течении. — *Е. Б.*) Суока до верховьев р. Булугун. На севере с ними граничили дербеты, на востоке — мингаты и олёты, а на западе — киргизы. В административном отношении жители края делились на семь хошунов и сомонов, во главе которых стояли их родовые правители. В трех из этих сомонов население говорило по-монгольски, а в четырех — по-урянской³⁶⁸.

В состав Кобдоского округа входили кочевья дербетов, хойтов и баитов, дзахчинов, мингатов и олётов. В ведении Кобдоского амбана состояли казенно-пахотные земли и казенные пастбища около города Кобдо и на перешейке между озерами Хара-усу и Дергун-нор. «Дурбеты, хойты и баиты населяют земли северо-восточной части округа, в районе бассейнов озер Убса, Урю-нора и Ачит-нора. Восточная граница кочевий их проходит приблизительно по меридиану восточного берега озера Киргиз-нора, а южная — по средней Кобдо и Суоку. На севере они распространяются не выше южной подошвы Танну-ольского хребта. Наружной разницы между дурбетскими и баитскими в настоящее время не существует. Такое деление соответствовало, быть может, родовому началу, ныне позабытому даже самими кочевниками. Говорят они на олётском наречии, несколько разнящемся по произношению от халхаского, на котором однако совершенно свободно изъясняются с халхасцами; исповедуют ламаитское вероучение. ... В административном отношении дурбеты и баиты составляют два сейма под председательством Далай-хана дурбетского Гельчиннамчила и Цин-вана Содномчамчуя и делятся на 16 хошунов: 6 дурбетских и 10 баитских. Из них все баитские (10) и 2 дурбетских хошуна подведомственны Далай-хану, а 4 дурбетских хошуна и хойты — Цин-вану; родовой хошун цин-вана и ставка его находится среди кочевий баитов. Хошуны делятся на сумуны»³⁶⁹.

И. В. Дорофеев подробно описал условия жизни местного населения: «Дурбеты, баиты и хойты считаются, по сравне-

нию с халхасцами, зажиточными, так как не несут трудных и разорительных повинностей, вроде почтовой; они платят лишь определенные подати в казну хана и вана и выставляют небольшие караулы по нашей границе. Дурбет средней зажиточности имеет до 50 верблюдов, до 50 голов крупного рогатого скота, и до 1000 — мелкого рогатого скота. Богачи имеют по 5–10 тыс. голов мелкого рогатого скота, тысяч до 2-х верблюдов и 100–200 голов крупного рогатого скота. По впадине озера Убса около монастыря Уланкома, по реке Харкир и южным склонам Танну-ола, на землях, которые можно орошать, дурбеты занимаются хлебопашеством, засевая поля ячменем и пшеницей»³⁷⁰. «По натуре, — продолжает Дорофеев, — дурбеты и байты хитры, но и сами легко поддаются обману; неприветливы...; с незнакомыми очень сдержанны: ничего незнакомому не дадут, даже за плату. Гостеприимство у них не в обычае. Среди них сильно развита взаимная поддержка...»³⁷¹

К западу и северо-западу от Кобдо находились кочевья олётов; на востоке они граничили с казенными землями, на юго-востоке — с дзахчинами, на юге, западе и северо-западе с алтайскими урянхайцами и на севере — с дербетами и мингатами. Олёты составляли один хошун с шестью сомонами, численностью около 1000 аилов. Проживая довольно близко к городу, они были очень бедными, так как обязаны были доставлять в казенные квартиры кустарник для отопления, снаряжать ямщиков для Кобдоской почтовой станции и по требованию властей выделять людей для работ в городской крепости. К северу от озера Хара-усу кочевали мингаты; западную и юго-западную границы кочевий составляли р. Кобдо, южную — озеро Хара-усу, р. Чон-Харяхыр, восточную — отроги гор Хара-аргаланту; на севере они граничили с дербетами. Всего мингаты составляли один хошун в 2 сомона численностью до 200 аилов. Говорили мингаты на наречии, близком к халхаскому. «По натуре мингаты опе-

режают своих соседей: развитее их, энергичнее, настойчивее и предприимчивее. Почти у единственных из всех кочевников округа у мингатов есть наклонности к торговле, к кооперации. Взаимная поддержка среди них развита»³⁷².

Кочевья дзахчинов (у И. Дорофеева — цзахачинов. — Е. Б.) занимали оба склона Алтайского хребта. На востоке они граничили с халхасцами, на западе с урянхайцами, торгоутами и хошотами. К югу земли цзахчинов тянулись до Гоби. Дзахчины составляли два хошуна: один в 1 сомон численностью до 300 аилов, и другой в 4 сомона численностью до 1000 киби-ток. «Округ цзахачинов, — писал Дорофеев, — образовался в давно прошедшие времена из ссыльных различных монгольских народностей Халхи и Северо-Западной Монголии; на это указывает самое название “цзахачин”, что значит — заграничный или высланный за границу своего района»³⁷³.

По опросным данным (статистических данных по учету населения не велось) капитана Тонких, в 1912 г. численность населения приблизительно («весьма гадательно») в районе, по которому прошла экспедиция (Северная Монголия, от российской границы до Урги), была следующей: до 40 тыс. монголов, до 20 тыс. китайцев и русских, постоянно живущих, в районе 500–600 человек. В Урге и Ургинском *маймачене*³⁷⁴ и ближайших их окрестностях было всего приблизительно до 30 тыс. жителей, из них 5–6 тыс. китайцев, 300–350 русских, не считая русского казачьего отряда и чинов консульства. Остальные — монголы³⁷⁵. Здесь интересны не абсолютные цифры, так как, естественно, они не могли быть точными, а, скорее, соотношение монголов, китайцев и русских, показывавшее, как быстро китайцы продвигались на север Монголии из пограничных районов Китая, и как медленно увеличивалось число россиян даже в тех районах, которые были расположены гораздо ближе к России.

Летом 1914 г. секретную поездку по Северо-Восточной Монголии совершил капитан Генерального штаба Харламов³⁷⁶.

Целью поездки был сбор географических и военно-статистических сведений, описание маршрутов от российской границы вглубь Монголии и в Маньчжурию. Результатом этой поездки стала книга, в которой он обобщил обширные сведения, накопленные военной разведкой о Монголии с середины XIX века³⁷⁷. Представление о том, какая колоссальная работа была проделана С.Д. Харламовым, дает содержание книги. Она состоит из четырех частей: обзор всей Монголии, обзор Восточного района, обзор Халхаского района, обзор Кобдоского района. В каждой части автор рассмотрел тот или иной район с точки зрения его территории, административного и военного устройства, экономического положения, населения, дорог и возможных путей продвижения войск, главных операционных направлений, общего заключения о районе (удобство действий войск в районе, удобство движения их в районе, а также удобство их размещения).

Как и А.А. Баторский в 1891 г., спустя 23 года С.Д. Харламов пытается уточнить численность населения Монголии. Он отмечает, что подсчеты Баторского, касающиеся населения Халхи (500 тыс., а с шабинарами хутухты — 570 тыс.), неточны, так как «эту цифру он берет, как математическую, путем умножения числа юрт (вычисленных также математически) на цифру 5. Подобное вычисление, конечно, ... не точное»³⁷⁸. По информации, полученной от Тушету-хана, численность населения его аймака равна 300 тыс. человек. Если эту цифру принять за основную, то на долю Сайн-нойон-хановского и Дзасакту-хановского аймаков может прийти еще по 200 тыс. человек, а на долю Цэцэн-хановского — 100 тыс. Тогда общая цифра населения выразится приблизительно в 800 тыс. «Наконец, в самой Урге при различного рода подсчетах фигурирует цифра 700–750 тыс. человек. Пожалуй, что эту цифру из всех приблизительных можно принять за наиболее вероятную, но опять-таки далекую от истины. Эти данные относятся ко всей Халхе; так

как описываемый район охватывает не всю Халху, ... а только большую часть ее и, кроме того, захватывает часть Шиллингольского сейма Внутренней Монголии, то численность населения района должна быть иная»³⁷⁹. Харламов «взял» наибольшую из упомянутых цифр — 800 тыс. Что касается Кобдоского района, то назвать даже примерную численность его жителей Харламов затруднялся. Как он отмечал, «единственный источник, где можно почерпнуть сведения о численности Кобдоского округа — это сочинение Баторского, но оно было издано в 1891 г.»³⁸⁰. Для «приблизительного ориентирования» Харламов приводит следующие расчеты: если исходить из цифры Баторского примерно в 235 000 человек — киргизы (60 тыс.), урянхайцы алтайские (20 тыс.), дархаты (7 тыс.), цзахчины, мингаты, олёты, тарачины, торгоуты, баиты и дурбеты (всего 150 тыс.). Учитывая однопроцентный прирост населения, к 1914 г. это население могло составить 287 тыс. человек³⁸¹.

О характере монголов С.Д. Харламов написал следующее: «По своим нравственным качествам монголы добродушны, приветливы, гостеприимны и честны. По характеру своему вспыльчивы, но злопамятность и месть незнакомы их прямодушной натуре. Вместе с тем, монголы упрямые, хотя легко поддаются обаянию лести. ... Наряду со сказанным, самую видную черту характера их составляет лень и беспечность, поддерживаемые в них условиями их пастушеского быта. Правда, праздности монголы предаются только во время досуга, которого у них очень много; в рабочее же время, т. е. в период караванного движения, монголы способны трудиться неустанно в течение долгого времени»³⁸².

Труд С.Д. Харламова был глубоким и всесторонним исследованием Монголии не только с точки зрения военной географии и военной статистики, но истории и этнографии; он в каком-то смысле подвел итог военных исследований этой страны во второй половине XIX — начале XX века.

2. РУССКИЕ В МОНГОЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Отношение монголов к России и русским

Особое место в исследованиях военных экспедиций занимали вопросы, касавшиеся политических и экономических связей между Россией и Монголией и положения русских в этой стране.

В первую очередь исследователей интересовало отношение монголов к русским. Почти у всех русских путешественников, побывавших в Монголии во второй половине XIX — начале XX века, сложилось устойчивое мнение, что монголы относятся к ним с симпатией и уважением, хотя бывали и исключения.

Поручик Евтюгин (1882), касаясь вопроса обеспечения русской армии провиантом во время возможного ведения военных действий на территории Монголии, подметил такую подробность: «Хотя стада у монголов большие, но покупать скот, разумеется, можно будет только в том случае, если они не уйдут (с пути следования войск. — Е. Б.), что вероятнее всего, несмотря на их сочувствие к нам, так как Европейского образа ведения войны они не понимают»³⁸³. В данном случае важнее было именно это «сочувствие», т.е. симпатия к русским; если она существовала, то с местным населением можно было бы договориться и о покупке мяса, и о многом другом.

Проводя исследования в Восточной Монголии, экспедиция Д.В. Путяты, по его словам, нередко ощущала напряженное, подозрительное, а иногда открыто недружелюбное отношение со стороны местного населения. Он писал: «Ни угрозы, ни обещания богатой награды, ничто не помогло. Цзангин, ламы и местные жители на все обращения давали один ответ: “Не смеем провести незнакомых людей в соседний хошун”. Пришлось идти на удачу, руковод-

ствуясь показаниями магнитной стрелки и не имея подъемных средств»³⁸⁴.

На территории Внутренней Монголии в то время действовала бельгийская христианская миссия, которой руководил отец де Бёль (de Beulle). «Обыкновенно бельгийских миссионеров, — писал Д. В. Путята, — принято считать проповедниками христианского учения среди монгол, но в действительности они давно уже отказались от всяких попыток к обращению кочевников, упорных ламаистов, и сосредоточили свою пастырскую деятельность исключительно на эмигрантах китайцах, выселившихся за Великую Стену»³⁸⁵. Эти китайцы охотно переходили в христианство, причем наиболее ревностными прозелитками были женщины, «которым христианское учение дает обеспеченное положение в семье и обществе»³⁸⁶. Кроме «полезных советов в жизни», христианские пасторы, пользовавшиеся большим уважением у прихожан, оказывали медицинскую помощь, занимались благотворительностью в пользу пострадавших от неурожая, делясь «избытками церкви, в которую поступают доходы в счастливые времена».

Настороженное отношение к русским было характерно главным образом для юго-востока и востока Монголии. В других районах, особенно на севере страны, оно было очень доброжелательным. В. Л. Попов отмечал, что сопровождавшие экспедицию монголы постоянно расспрашивали путешественников о России и русских. Во всех кочевьях на пути следования экспедиции путешественников встречали радушно, окружали особым вниманием и почтением. «Можно допустить, что русское имя в этой части Монголии пользуется хорошей репутацией», — заключил Попов³⁸⁷. Есаул Дорофеев писал, что «в Кобдоском округе русское имя среди кочевников стояло очень высоко. Наши торговцы пользуются у них большим влиянием и уважением». В Улясутайском округе кочевники относились к русским с нескрыва-

емой симпатией и всеми способами старались выразить ее. «Кабальная зависимость от китайцев волновала их; по всей линии шла тайная работа к выступлению против китайцев»³⁸⁸. Интересно, что, по словам И. В. Дорофеева, «отношения китайцев к русским до начала августа (1911 г. — Е. Б.) были нормальными. Наблюдалось постоянное общение китайских и русских купцов, интересы которых переплелись к общей выгоде. Такими же были отношения к нашим купцам и китайских властей, вероятно получивших соответственные указания выполнять, скрепя сердце, трактаты и обязательства»³⁸⁹. И в то же время, писал Дорофеев, «... везде, где сталкиваются интересы китайцев и русских, главными виновниками недоразумений являются прежде всего местные китайские чиновники, придирающиеся ко всякому поводу, чтобы теснить русских»³⁹⁰. По его мнению, это происходило под влиянием китайских купцов, считавших русских купцов своими конкурентами.

В 1914 г., как бы обобщая собранную его предшественниками и им самим информацию об отношении монголов к русским, капитан Харламов писал: «Не видя ничего хорошего со стороны своих правителей-китайцев, монголы, естественно, ищут спасения от них, и все взоры их обращаются в сторону России. ... Все симпатии населения на нашей стороне, и престиж наш в стране велик. Наиболее привержены к нам княжества Джалайт, Чжасакту-ван, Тушету-ван и Дархан. Не надежны, как уже сильно окитаившиеся, княжества: Бинту-ван, Южный Горлос, Северный Горлос и Дурбет. Монголы, живущие по р. Шара-мурени, русских и вообще иностранцев совершенно почти не знают, поэтому об их отношениях к России говорить нельзя»³⁹¹.

Но иногда военные авторы впадали в крайность, явно пытаясь поторопить события. А. А. Баторский отмечал, что, так как монголы относились к русским с симпатией и уважением, с водворением в Монголии русской власти, «по убеж-

дениям кочевников, должно наступить для них лучшее время и обеспеченная жизнь»³⁹². Баторский считал, что по аналогии со Средней Азией Монголия потянется к России, и это будет еще усилено еле сдерживаемым недовольством монголов китайским владычеством, и для уничтожения «искусственно уравновешенного порядка вещей» достаточно сравнительно незначительного толчка. «Конечно, — писал он, — дабы вывести кочевое население из его настоящего положения, почти полной апатии, должна быть предварительно подготовлена почва и даны обеспечения, что восставшие против своих угнетателей народности не будут впоследствии брошены на произвол судьбы. А тогда возбуждение народных масс не должно представить каких-либо особых затруднений»³⁹³. Заметим, это говорилось в 1891 году! А. А. Баторский, ссылаясь на мнение Н. М. Пржевальского о том, что влияние Далай-ламы и хутухт на монголов безгранично³⁹⁴, высказывал предположение, что в качестве сторонника России можно было бы подкупить тибетского Далай-ламу, хотя это представлялось «делом трудным и едва ли исполнимым, по причине невозможности проникновения в Л[х]ассу главным образом. Да это вряд ли и явится необходимым, на первых порах тем более. Достаточно будет ограничиться духовенством Монголии и ее святителями для подъема кочевых народностей описываемой страны. По достижении же этой цели, в будущем, в особенности при благоприятном ходе и обороте дел, создание из него сторонника русского имени и русской власти, явится делом не трудным»³⁹⁵.

Однако А. А. Баторский оговаривается, что не все народности, населяющие Монголию, одинаково положительно относятся к возможному присоединению к России. «Так, настроение северных монголов, т. е. халхасцев, в пользу нашу и таким образом мы можем вполне рассчитывать на расположение населения большей половины страны. То же, пожалуй, можно сказать и относительно народностей, обитающих в с.-з. Мон-

голии. Что же касается до населения южной части страны, то оно, пожалуй, отнесется в первое время безразлично, а затем примкнет к той стороне, которая возьмет перевес»³⁹⁶. Эти размышления А. А. Баторского были типичным образцом имперского мышления. Так ли нужна была Монголия России именно в те годы? Вряд ли, потому что присоединение Монголии к России даже в качестве союзника стало бы причиной крайнего обострения отношений с Китаем для обеих стран. А рассуждения А. А. Баторского по этому вопросу касались главным образом возможности получить в лице Монголии союзника против Китая и были по своей сути мыслями по поводу Большой игры. Но, при всей сомнительности идеи о возможном присоединении Монголии к России, нельзя не согласиться с Баторским, что в случае если бы это произошло, бросать Монголию на произвол судьбы Россия не должна. То есть чувство ответственности за эту страну у России должно было быть.

Гораздо дальше в этом вопросе пошел поручик Кушелев. В 1911 г. в Монголию была направлена «с военно-научной целью» экспедиция, находившаяся там с 15 мая по 31 октября (за исключением 2 недель, проведенных в Пекине и Тяньцзине). Возглавлял её Ю. Кушелев. Его задача заключалась в сборе сведений и военно-стратегического материала по пути следования экспедиции. Маршрут проходил с севера на юг Монголии, а затем с юго-востока на северо-запад — через города Керулен, Долон-нор и Калган, ставку Цэцэн-хана, Ургу, ставку Хана-Дайчин-вана, Улясутай, Кобдо. В состав экспедиции входили три казака 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска. Один из них — бурят — знал монгольский язык. По заданию Генерального штаба Кушелев должен был выяснить следующее: возможно ли в Монголии ведение военных действий; как монголы относятся к Китаю и китайцам, т. е., как писал Кушелев, способны ли монголы оказать сопротивление Китаю, или же они нуждаются в под-

держке России; как монголы относятся к русским. Результатом пребывания Ю. Кушелева в стране стала книга «Монголия и монгольский вопрос», изданная при содействии Общества ревнителей военных знаний. Она представляет собой обстоятельный очерк современного по тому времени положения Монголии, внутривосточной ситуации в стране, отношений с соседями — Россией и Китаем³⁹⁷.

Экспедиция имела разведывательные цели, связанные с тем, что в начале XX века заметно активизировалось национальное, а в особенности военное возрождение Китая, с чем, по мнению Ю. Кушелева, России скоро придется считаться³⁹⁸. «Исходя из двух основных фактов: пробуждения Китая, как нации, и уже начавшегося создания его военной организации, соответственно принципам военного искусства, нельзя не прийти к заключению, что если не в ближайшие дни, то, во всяком случае, в недалеком будущем именно России придется считаться, как с национальными вождями Китая, так и с его вооруженною силою; борьба становится неизбежно уже только потому, что Россия соприкасается с Китаем на протяжении с лишком 6 тысяч верст...»³⁹⁹ Серьезные опасения России вызывала усиливавшаяся колонизация Монголии Китаем. В своей книге Кушелев привел следующие данные: по частично обнародованным результатам 2-й всенародной переписи населения Китайской империи, проведенной в 1911 г., китайцев в Монголии проживало — в Улясуте — 67 225, в Тарбагатае — 19 435, в Кобдо — 85 540, в Синь-нине (уездный город в Китае. — *Е. Б.*) — 10 160, в Урге 200 525, а всего — 382 885 чел.⁴⁰⁰

По мнению Ю. Кушелева, «одержанные японцами над нами (Россией. — *Е. Б.*) успехи зародили некоторую надежду среди китайцев пойти по стопам народа из страны Восходящего Солнца. Во всяком случае престиж России значительно упал, и Китай осмелился вступить с нами в политическую борьбу тотчас же, как был заключен Портсмутский мир,

а в минувшем году нам пришлось уже объявить ему ультиматум. Кому теперь не ясно, что в последнее время Китай сознательно и энергично готовился к борьбе с Россией и при том не только в Маньчжурии, но и в Монголии»⁴⁰¹.

Ко времени экспедиции Ю. Кушелева в Монголию ситуация на Дальнем Востоке обострилась до такой степени, что вопрос о том, с кем будет Монголия, стал более чем актуальным для России. Поражение в войне с Японией, Китай, наращивавший свои вооруженные силы, — все это не просто беспокоило Россию, а заставляло серьезно задуматься о своей политике в этом регионе. Тем не менее, она не хотела вмешиваться в осложнившиеся монголо-китайские отношения и не была заинтересована в полном отделении Внешней Монголии от Китая и тем более присоединении ее к своим владениям⁴⁰².

Но в другой роли Монголия выступить могла. Ю. Кушелев, который о своей экспедиции сказал: «...Я решился во что бы то ни стало сделать следующее: пройти всю Монголию вдоль и поперек, т. е. с севера на юг и затем по самому ее длинному протяжению — с юго-востока — на северо-запад; сделав это, я все-таки надеялся получить достаточно яркое впечатление о стране...»⁴⁰³, считал, что «Монголия, как по своим географическим, топографическим и климатическим свойствам, как и по своей величине и по природе своего населения, могла и может считаться тем надежным буфером, который обеспечивал нас от спавшего столько столетий Китая, и будет и должна обеспечивать от Китая проснувшегося и вооружающегося. ... искони веков Монголия являлась первым препятствием для направления Китаем своей энергии и своей предприимчивости к нашим пределам, как страна, заселенная народом, враждебным китайскому»⁴⁰⁴.

Взросший интерес к Монголии, несомненно, объяснялся тем, что она, по мнению политиков и военных, озвученному Ю. Кушелевым, рассматривалась как возможный буфер, кото-

рый мог бы оградить Россию от Китая⁴⁰⁵. Главной целью поездки Кушелева в Монголию в 1911 г. было «наблюдение и, насколько то допускала кратковременность моего пребывания в стране, выяснение отношения монгольского народа к нам — русским. Я могу смело сказать, что общее и самое сильное впечатление, оставшееся у меня от поездки, состоит в том, что вся Монголия, по крайней мере в лице настоящих коренных монголов, глубоко сознает свою беспомощность в смысле сопротивления китайскому игу и видит единственное для себя спасение в покровительстве и защите со стороны России»⁴⁰⁶.

Однако, по нашему мнению, было бы упрощением считать, что отношение монголов к русским основывалось только на неприятии китайцев, то есть сводить все к тому, что монголы относились к русским с симпатией, потому что китайцы им не нравились, а другого выбора не было. Причина была не только в беспомощности монголов перед китайцами. Да, монголы хотели опереться на Россию, о чем свидетельствует дипломатическая история российско-монгольских отношений периода монгольской автономии. Но надежды свои они возлагали на Россию не только потому, что та могла поддерживать их своими вооруженными силами или финансами, но и потому, что вся предыдущая история российско-монгольских отношений доказывала, что Россия, не имея никаких территориальных притязаний к Монголии, может стать для нее действительно надежной опорой. Четыре причины, почему монгольский народ «вполне сознательно, доверчиво и открыто стремится броситься в объятия России», называл Ю. Кушелев: вековые добрососедские отношения, вековое общение на громадном протяжении границы, полное бескорыстие России, особенно по сравнению с китайцами, благоденствие в русском подданстве единоверных и родственных монголам племен в составе России⁴⁰⁷. И хотя со всеми причинами, которые приводит Кушелев, нельзя не согласиться,

все же в его рассуждениях имеется некоторое преувеличение. Например, он говорит о том, что «весь монгольский народ поголовно, начиная от высшего духовенства и родовых князей и кончая последними кочевниками», готов броситься в объятья России. Это, конечно же, не совсем соответствовало реальному положению дел, так как известно, что в восточных районах страны многие князья симпатизировали китайцам, поддерживая с ними давние и довольно прочные связи.

Здесь уместно привести слова капитана Харламова, который считал, что, трезво оценивая отношение различных групп населения Северо-Восточной Монголии к России, «следует сказать, что большая часть населения — простой народ — настолько еще невежествен и политически необразован, что надо думать, что вопрос о взаимоотношениях к иностранной державе, хотя бы и помогающей монголам выбраться на путь самостоятельности, мало волнует умы простых монголов. Скорее здесь следует считаться не с племенными и религиозными группами, а с социальными. Со стороны князей и вообще властей предрежащих отношения, надо думать, будут радушные, во всяком случае на внешние знаки внимания рассчитывать можно»⁴⁰⁸.

Можно согласиться с мнением Ю. Кушелева, который считал, что, если Россия не примет верных решений достаточно быстро, «японцы воспользуются нашей медлительностью и нерешительностью и вступятся за монголов перед китайцами»⁴⁰⁹. В своей книге Ю. Кушелев приводит слова известного публициста и общественного деятеля М. О. Меньшикова, цитируя его заметку в газете «Новое время» от 9 февраля 1912 г.: «Мне пишут, что японский генеральный штаб, еще в прошлом году до китайской революции и как бы намекая ее, прошел всю северную Монголию и Илийский край. Очень естественно, что, объявив себя независимой, Монголия будет искать себе опоры, и если не встретит этой опоры

со стороны России, то будет искать ее у Японии. Легко представить, какое сложится положение, если до самого Алтая протянется вассальное, в отношении Японии, монгольское царство!.. Добровольно Монголия уже не вернется Китаю. ... Полное окитаение Монголии есть смерть монгольской расы. Кому-нибудь отдаться под защиту — Монголии необходимо, и если она не найдет защиты у России, то найдет ее у Японии, и тогда возникнет вопрос о сохранении уже не Восточной Сибири, а Центральной и Западной»⁴¹⁰.

Ориентированный на выполнение приказа, не являясь профессиональным монголоведом, Ю. Кушелев далеко не все понимал в Монголии, куда он попал впервые, иногда давал не совсем верные оценки, например относительно климатических условий страны. Так, он считал, что климат Монголии подходит для ведения российской армией военных действий на ее территории или что российские войска смогут избежать там эпидемий во время войны. Много в Монголии Кушелев оценивал только с точки зрения возможности пребывания там российских войск. Вот его впечатление от одного монастыря, который он посетил: «В монастыре постоянно производится торжественная служба; помещения его, все отапливаемые, выстроенные из битой глины, настолько обширны, что в них можно разместить квартирно целую дивизию»⁴¹¹.

Несомненно, оптимистические выводы о возможности длительного пребывания российских войск в Монголии были связаны с общей политической линией России, которая рассматривала этот фактор как преграду заселению монгольских земель «культурным оседлым народом», то есть «могучей волне» китайцев, «переливавшейся» туда.

Довольно специфическими были отношения монгольского духовенства с китайскими властями. По наблюдениям Ю. Кушелева, во главе антикитайского движения стояли не столько ханы, сколько духовенство, которое хорошо понимало, что по мере внедрения китайцев в Монголию автори-

тет его неминуемо упадет. Последствием этого явится утрата духовенством своих материальных привилегий. «Столь многочисленные монастыри, в которых благоденствуют тысячи лам, ныне процветающие и представляющие из себя собственно монгольские города, конечно, не будут в состоянии существовать рядом с растущими, как грибы, китайскими городами и поселками»⁴¹².

*Военные исследователи
о российско-монгольской торговле*

Русской торговле в Монголии уделил внимание подполковник Генерального штаба Стрельбицкий. В отчете о своем путешествии по стране в 1894 г. он описал так называемую Ганжурскую ярмарку (по названию небольшого городка Ганжур, расположенного на равнине между озерами Далай-Нур и Буир-Нур, к востоку от р. Оршун-Гол). Это, по местным меркам, был крупный центр торговли, в который ежегодно в августе-сентябре на 10 дней съезжались монголы, китайцы и русские. Однако участие русских купцов в ярмарке было довольно скромным; русские не выдерживали конкуренции с китайскими купцами, которые вкладывали в дело « всю свою национальную предприимчивость, изворотливость и энергию »⁴¹³. Значение этой ярмарки как « узла торговых сношений всех сопредельных стран » для России, по мнению И. И. Стрельбицкого, было довольно велико, и он ратовал за более активное участие в ней русских купцов, даже за « овладение » этой ярмаркой, в результате чего Россия могла бы « получить полное господство над громадным районом окружающих стран »⁴¹⁴.

Экспедицию под руководством В. Л. Попова также интересовало состояние российско-монгольской торговли, положение русских в Монголии и Урянхайском крае. С этой точки зрения для Попова представлял интерес город Улясутай как китайский административный, военный и торговый центр

на территории Халхи. Он считал, что Улясутай не только может, но и должен стать одним из центров русской торговли в Монголии. Пока же русские купцы, несмотря на благоприятные условия, имели в этом городе весьма слабые позиции по сравнению с китайскими купцами в основном потому, что русские товары не могли конкурировать с китайскими. «...Китайцы, — отмечал Попов, — через Гоби за 2000 с лишним верст, на верблюдах, ведут с Монголией крупную торговлю, цифры которой далеко превосходят нашу торговлю и, по самым приблизительным вычислениям, превышают десяток миллионов рублей, а мы находимся рядом с Монголией и не разделены пустынями и следовательно в более выгодных условиях»⁴¹⁵.

Как писал В. Л. Попов, «предварительно собранные материалы о Северо-Западной Монголии указывали на быстро возрастающие там торговые сношения наших фирм и, вместе с тем, на некоторые факты, свидетельствующие о трудности и ненормальности этих сношений. Командирование экспедиции являлось удобным случаем, попутно, обратить внимание на столь важный для России вопрос»⁴¹⁶. Речь шла о том, что отношения между местным населением и русскими торговцами не всегда складывались ровно, так как последние иногда вели себя так же, как китайские купцы. Попов считал, что русские интересы в Урянхае «нужно признать более чем серьезными», прежде всего с точки зрения необходимости увеличения торгового оборота, а также возможности разработки месторождений золота. Однако в связи с тем, что изучением этого вопроса занимался Г. Е. Грум-Гржимайло, В. Л. Попов не стал касаться этой темы подробно⁴¹⁷.

По мнению Попова, несмотря на то, что торговля России с Монголией официально велась с 1862 г., состояние ее было явно неудовлетворительным. Автор дал краткий обзор состояния российско-монгольских отношений в этой сфере, включая статистические данные, назвав основные, по его мне-

нию, причины, по которым российская торговля развивалась медленно и не могла успешно конкурировать с китайской. Одну из причин этого он видел в том, что «русские люди, ведущие свои дела в Монголии, не больше знают о Монголии, чем монголы о России. Они не только не знакомы с географией страны, но до сих пор (за 40 лет) не могут разобратся даже в каком направлении им выгодно вести торговые сношения»⁴¹⁸.

Замечание о наличии проблем, возникших в российско-монгольских торгово-экономических отношениях, и их обозначение было весьма своевременным, так как к началу XX века они стали достаточно стабильными, российские купцы начали конкурировать с китайскими, и потому в интересах России было как можно скорее решить эти проблемы. Попов затронул вопрос, касавшийся русских интересов в Урянхайском крае, в первую очередь с точки зрения перспектив торговых связей. Особое внимание Попова привлекло положение русских в Урянхайском крае, осложнявшееся отсутствием там русского представителя (пограничного комиссара). Обеспеченность Попова состоянием и перспективами российско-монгольской торговли свидетельствовала о том, что он крайне внимательно относился к контактам России с Монголией в целом.

3. ОТНОШЕНИЕ МОНГОЛОВ К КИТАЮ И КИТАЙЦАМ

Обострение ситуации на Дальнем Востоке после Русско-японской войны потребовало от России особого внимания к районам, граничившим с Монголией. Среди них одним из наиболее опасных в военном отношении была Маньчжурия. Изменившееся положение в регионе повлияло и на характер военных экспедиций: их участников уже больше интересовало внутривосточное положение в том

или ином районе Монголии и на прилегающих к ней территориях. В начале XX века особая роль в изучении Монголии стала принадлежать офицерам Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, созданного в 1901 г. Штабом округа была составлена «Инструкция для производства разведок и сбора статистических сведений о Маньчжурии», на основании которой в течение нескольких лет производилась разведка и сбор данных на территориях трех застенных провинций Китая, а также сопредельных с ними Монголии и Кореи. В случае возникновения на территории Маньчжурии военных операций против Японии или Китая прилегающая Монголия могла стать «участницей в театре войны, откуда возможно угрожать главной базе нашего сообщения и связи с отечественной сибирской границей»⁴¹⁹.

В начале XX века политика Китая в Монголии обозначилась достаточно четко: она должна была стать китайской провинцией, где ни местные правители, ни народ не пользовались бы никакими привилегиями. Одновременно Китай стремился к тому, чтобы лишить Россию того положения, которое она имела в Монголии согласно международным договорам, а также в силу ряда объективных причин, прежде всего географической близости, и исторически сложившихся дружественных отношений между русскими и монголами⁴²⁰. В ноябре 1912 г. Генеральный консул России в Шанхае В. Ф. Гроссе сообщал российскому посланнику в Пекине В. Н. Крупенскому, что в Шанхае в ноябре 1912 г. создано добровольное общество, цель которого — уничтожение независимости внешней Монголии и изгнание из страны русских. Эта организация имела временный характер — «по мере окончания своей задачи» она распускалась. Первый шаг общества — получение от правительства формального обещания, что в Монголию будет послана экспедиция для усмирения непокорного населения, после чего эта экспедиция должна будет обратиться против русских. Кроме того, одной

из целей экспедиции должно было стать исследование природных богатств Монголии и определение будущей границы с Россией⁴²¹.

По опросным данным И. А. Евтюгина, по отношению к китайскому правительству монголов можно было разделить на две категории: «на обязанных в мирное время военной службою и на не обязанных. Первые государственных податей не платят, а напротив сами еще получают жалованье; вторые же отягчены громадными податями и потому относятся к китайскому правительству с ненавистью»⁴²². Следует заметить, что у российских военных исследователей, независимо от времени посещения ими Монголии, создалось совершенно четкое впечатление: что монголы относятся к китайцам крайне отрицательно.

Полковник Бернов, маршрут экспедиции которого в 1889 г. пролегал по Юго-Восточной Монголии, особое внимание обратил на проблему, касавшуюся влияния китайцев на монголов. При этом он отмечал, что следует принимать во внимание и то влияние, которое оказывают на монголов ламы, особенно высшее духовенство. «При расположении вообще к нам монгол и преимущественно пограничных (халхаских) казалось бы возможным воспользоваться этим авторитетом духовенства для противодействия китайскому влиянию и тем самым обеспечить себе дружественный нейтралитет монгол в случае разрыва с Китаем»⁴²³.

По мнению Э. И. Бернова, монголы в Юго-Восточной Монголии, вследствие непосредственного соприкосновения с китайцами, утратили отчасти свою самобытность⁴²⁴. Его наблюдения были весьма интересны с точки зрения исследования социальных отношений между монголами и китайцами. Известно, что в основном китайцы женились на монголках, а браки между китайками и монголами были довольно редки⁴²⁵. Бернов подходил к вопросу, касавшемуся влияния Китая на Монголию, главным образом с точки зрения инте-

ресов России и перспектив отношения простых монголов к российской армии в случае возможного конфликта и ведения военных действий между Россией и Китаем на монгольской территории. «Перенимая от своих соседей лишь дурные черты характера, они сохраняют вместе с тем таковые же, присущие и их расе. Мало по малу, вырождаясь вследствие частых браков с китайками, они (монголы. — *Е. Б.*) по наружности даже стали походить более на китайцев»⁴²⁶. Э. И. Бернов заметил, что в приграничных с Маньчжурией районах монголы (чахары⁴²⁷) живут уже не в юртах, а в глиняных фанзах, носят китайскую одежду. Бернов считал, что на сочувствие этих постоянно окитаивающихся монголов Россия рассчитывать не может⁴²⁸.

Особое внимание Д. В. Путята (1891) уделил проблеме переселения, или, как он писал, «мирного наступления» китайцев в Монголию. Великая Китайская стена служила удержанию монголов на их территории, но «не составляла никакой преграды для колонизаторского поступательного движения китайцев, постепенно поглощающих территории своих соседей и подчиняющих их себе нравственно и материально»⁴²⁹. Китайские купцы, с выгодой для себя торговавшие с монголами, вновь и вновь возвращались в Монголию, пока наконец не оседали там, заводили семьи, арендовали землю и начинали вести хозяйство. «Мало по малу пространства, созданные природой для скотоводства, покрываются цветущими поселками, а номады перекочевывают далее в пески. Современная граница сплошной китайской культуры приблизилась уже к Долон-нору и далее тянется по течению р. Шара-Мурен. В разных местах этой границы воздвигнуты опорные пункты, обеспечивающие дальнейшее мирное наступление китайцев; такими опорными пунктами являются не крепости, вооруженные пушками, но винокуренные заводы и торжки. Внутри монгольской страны отдельные пионеры приобрели себе прочную оседлость; каждое лето новые партизаны,

нагруженные бусами и корольками⁴³⁰, совершают свои рейды далеко в глубь страны. Несклонный ни к какой другой деятельности кроме скотоводства и охоты, монгол встречает постоянную нужду в этих пионерах. Любопытен тот факт, что при постройке нового монастыря в Дын-сумэ местные жители должны были для обжигания извести выписать китайских рабочих из Калгана»⁴³¹. Приведенная цитата показывает, насколько актуальными эти наблюдения и выводы остаются и в настоящее время. По словам Д. В. Путяты, Монгольский приказ в Пекине Ли-фань-юань неоднократно обращал внимание правительства на мирные захваты китайцами плодородных монгольских территорий, но правительство не имело средств, чтобы остановить этот процесс, и «если оценить успехи, достигнутые эмиграцией за последние сто лет, то можно сказать с уверенностью, что через два, три века от восточной Монголии сохранится лишь имя и что китайские выходцы проберутся до русской границы»⁴³². Прав ли был Путята? Скорее да, чем нет, а насколько, покажет время.

Описывая свое пребывание в районах, граничивших с Китаем, В. Ф. Новицкий (1905), как и другие исследователи, отмечал заметное влияние, которое оказывали на монголов китайцы. Это влияние проявлялось в различных областях жизни местного населения, и в первую очередь в материальной культуре. Довольно подробно он описал монгольское жилище в Восточной Монголии, которое, по его словам, испытывало на себе все особенности китайской культуры. В местностях, которые он посетил, люди жили в китайских фанзах. Такая фанза, подобно маньчжурской, разделена была на две половины, между ними находились сени, в которых были расположены очаги с вмазанными в них котлами для варки пищи. Мебели не было никакой, только низкие китайские столики для еды, которые ставились на каны (лежанки). Каны служили и для сидения, и для лежания. Как видим, монголы были весьма восприимчивы к влиянию извне, исходившему

даже от ненавистных им китайцев, если это влияние было целесообразным и облегчало их быт.

Как отмечал ротмистр Баранов, боевые столкновения России с Китаем и Маньчжурией не повлияли на ее отношения с Монголией, которая сохраняла нейтралитет и оказывала нам «полное содействие». «При этом расположение к России и русским не носило характера личного какого-либо сочувствия, личной симпатии со стороны отдельных лиц или общин, но напротив, подобное отношение к России выразилось в организованном стройном образе действий всей Монголии, как страны с определенным политическим строем, с установившимся взглядом на международные отношения. Указы богдыхана о враждебных действиях против России летали по Монголии, но монголы остались при своем взгляде на дело и не только не приняли участия в войне, но даже в отдельных случаях проявили и враждебность к другим подданным своего сюзерена»⁴³³.

Побывавший в Урге в 1912 г. капитан Тонких писал, что на обычной уличной жизни Урги изгнание китайского правительства нисколько не отразилось; китайцев на улице и на рынке встречалось не меньше прежнего; не видно было только китайских солдат, которых заменили монгольские цирики, одетые в грязные рваные шубы и разъезжавшие с берданками за плечами с примкнутым штыком и иногда без затвора, так как часто теряли его. Нередко встречались выходцы из Восточной Монголии, известные под названием «тохтоховцы»⁴³⁴, одетые в шелк и свободно гарцевавшие с 10-зарядными пистолетами Маузера. Под угрозой грабежа они часто заставляли хозяина той или иной китайской лавки откупаться деньгами, и, казалось, Ургинское правительство на них взирает не без страха⁴³⁵. Что же касалось торговых отношений России с Китаем, Тонких отметил следующее: «На результатах русской торговли в благоприятную сторону переворот (антиманьчжурское восстание и провозглашение

автономии Монголии. — Е. Б.) в Урге особенно не отразился, беднота же скоро его почувствовала, так как китайцы вследствие сокращения провоза из Китая, ... значительно подняли цены на *далимбу*⁴³⁶ и кирпичный чай, — предмет первой необходимости монгола. Сами князья также скоро стали испытывать и некоторые неудобства, связанные с переворотом; ранее они в любой китайской лавке могли забирать товары на значительную сумму или брать деньги в долг, — теперь кредит для них в большинстве случаев или совсем закрыт или значительно ограничен. Вообще же переворот в Урге лег своей тяжестью главным образом на бедноту, так как возникшие при новой государственной жизни новые расходы вызвали увеличение разного рода налогов и обложений; кроме того увеличились натуральные повинности и частью создались новые, как, например поставка солдат. Последние поставляются исключительно бедняками, так как богатые откупаются от солдатчины... В будущем, вероятно, в силу необходимости России придется придти на помощь Ургинскому правительству своими советами по упорядочению налогов и натуральных повинностей и вообще всей финансовой системы, иначе симпатии населения Халхи скоро повернутся на сторону прежних своих поработителей-китайцев»⁴³⁷.

4. Присутствие японцев в Монголии (начало XX века)

После поражения в Русско-японской войне российские власти стали особенно чутко реагировать на пребывание и деятельность японцев в Монголии, на их контакты с местными жителями. Япония начала активно проникать в Монголию после 1905 г., чему способствовала политика китайских властей, фактически одобрявших действия там японского правительства. Поскольку Китай не мог только собственными

силами подавить в монголах стремление к независимости, японцы предложили Пекину свое содействие в этом вопросе, так как считали, что у монголов растет тяготение к России и этому надо противодействовать⁴³⁸. Стремление Японии усилить свои позиции в Монголии и практические действия японцев там не могли не беспокоить российское правительство. Опасность для России представлял не только курс Японии на завоевание монгольского рынка, но и планы по ослаблению политических позиций и ограничению российского влияния в Монголии⁴³⁹. По сообщениям наших дипломатов, деятельность японцев в Монголии начинала терять «случайный характер, вызываемый потребностями боевой обстановки и нуждами японских армий, переходя к правильной организации необходимых мер для приобретения политического и экономического господства в стране»⁴⁴⁰.

Во время Русско-японской войны и особенно после ее окончания рекогносцировки российских военных исследователей в Монголии стали более частыми. Как отмечал ротмистр Баранов, Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи одобрил его идею отправки в Монголию не обычных разъездов, а экспедиций, имевших систематический характер, организованных более строго, прежде всего что касалось отбора их участников, в задачу которых входило детальное обследование страны. Такие экспедиции приобрели систематический и программный характер. В ноябре 1904 г. в Монголию был направлен отряд под начальством подполковника Хитрово, а в 1905 г. самому Баранову были поручены две экспедиции: одна в апреле в Халху и другая в сентябре вдоль Хингана по обоим его склонам. «Система экспедиций, — писал он, — оказалась очень удачной, так как дала возможность стать лицом к лицу с местною монгольской жизнью, ознакомилась и с их бытом и с вопросами их политической жизни, в том виде, как она развивается на самом деле, а не в дипломатической окраске китайских и наших чиновников»⁴⁴¹.

Особое внимание ротмистр Баранов обращал на деятельность японцев в пределах Халхи. Он отмечал, что японцы выбирали различные формы проникновения в Монголию. Периодически они появлялись в Халхе под видом нищих и лам, закупщиков скота, торговцев и пр. Иногда переодетые японцы попадали в Баргу под видом китайских рабочих (с привязанными косами), а затем пробирались в Халху.

В донесении российскому посланнику в Пекине Д. Д. Покотилону⁴⁴² от 7 августа 1907 г. военный агент в Монголии А. Д. Хитрово писал: «Японцы под видом продавцов медикаментов продолжают одиночками посещать хошуны. Маленькие партии бродят и в хошунах по западным склонам Хингана, собирая сведения о численности населения, скота, промыслах и проч.»⁴⁴³. В донесении от 16 ноября 1907 г. А. Д. Хитрово сообщает, что «в Ургу прибыли чиновники-японцы, которые жили в монастыре, перезнакомились с советниками Богдо-Гегена, многих склонили к тесной дружбе и искали через них тесного сближения с князьями Халхи, намереваясь весной посетить хошуны. По слухам, домогательства японцев имели успех. Все это происходило осенью прошлого года и почва готовилась для посещения Халхи весной текущего года»⁴⁴⁴. 4 декабря 1907 г. А. Д. Хитрово сообщает Д. Д. Покотилону, что в хошуне Харцин-вана находятся два японца для изучения монгольского языка. Кроме того, при ставке князя «проживает одна японка в роли учительницы женской школы»⁴⁴⁵.

Как правило, все японцы вели съемку территорий, собирали данные о местных жителях; некоторые разведчики портили железнодорожные пути. Нередко монголы задерживали таких японцев и отправляли их в Ургу для разбирательства. «Мною сообщено было князьям распоряжение о выдаче денежной награды за поимку японцев и, на просьбу мною направлять задержанных японцев в распоряжение чинов Пограничной Стражи, они отвечали согласием и обещали

оповестить о том своих подданных»⁴⁴⁶. Японцам довольно легко было собирать разведанные в Монголии и оставаться не узванными (особенно если они могли говорить по-монгольски), о чем свидетельствует следующее замечание Баранова: «Дай-чин-гун и многие советники князей японцев никогда не видели и спрашивали, не имеется ли у меня фотографических карточек с изображением японцев, чтобы они могли судить по ним о их внешнем виде»⁴⁴⁷.

В Халхе японцы старались привлечь на свою сторону цзянь-цзюня Цэцэнхановского аймака, с которым у них сложились уже достаточно дружественные отношения и в ставке которого, по данным А. Баранова, «находили себе приют японские шпионы во время войны»⁴⁴⁸. Влияние Японии в Восточной Монголии, особенно в хошуне Харачин-вана, который Баранов назвал их главным центром, усиливалось. Японцы там, — писал А. Баранов, — «устроились прочно и основательно»⁴⁴⁹. Хошун этот был расположен довольно далеко от Халхи, на востоке Восточной Монголии, но никто не сомневался, что японцы не остановятся и будут распространять свое влияние дальше, в Халхе. «Сила влияния японцев объясняется их помощью князю и советами в деле предпринятых Харачин-ваном реформ по переустройству хошунных порядков, по обучению войск и по устройству школ»⁴⁵⁰. Князь взялся за реформу народного образования весьма энергично; в хошуне была открыта японская школа. Отпуская в Японию прежнюю учительницу, которая проработала в хошуне несколько лет и которую заменила новая, князь вместе с ней отправил туда нескольких мальчиков, ее прежних учеников, для продолжения курса их образования⁴⁵¹. Причем, посылая мальчиков в Японию, князь даже не спросил на это согласия их родителей, «чем еще более возбудил против себя монгол, недовольных его японофильским образом действий. Прочие князья сейма ... будто бы и не сочувствуют в душе политике князя, но не имея со стороны русских поддержки, невольно

делаются сторонниками партии Харачин-вана, сближаясь с ним ввиду общности монгольских интересов, заставляющих князей держаться вместе против притязаний Китая»⁴⁵².

В 1906 г. проникновение японцев в Монголию стало еще активнее, что вызывало более серьезные опасения со стороны России. «Опасения эти были не без оснований: при самом же начале истекшей войны, в районе Фуляэрди была обнаружена партия японцев, проникшая через неизвестную нам Монголию с явным намерением разрушения железной дороги в самом чувствительном ее месте, — мост на р. Нонни, а может быть и туннель». Покушение было предотвращено, японцы схвачены⁴⁵³. В связи с таким положением главнокомандующий Заамурским округом Отдельного корпуса пограничной стражи в 1904 г. направил экспедицию для военной разведки в приграничных к театру военных действий районах Восточной Монголии.

По результатам этой поездки был подготовлен секретный отчет, подписанный руководителем агентуры⁴⁵⁴ в Монголии полковником Хитрово⁴⁵⁵. Этот документ представляется столь интересным, что мы хотели бы остановиться на нем подробнее. Заметим, что в нем, помимо проблемы, касающейся пребывания японцев в Монголии, затронуты вопросы, относящиеся к внешним связям и внутреннему положению этой страны.

Непосредственным районом пребывания военных были хошуну Чжэримского сейма, разведка велась на юг до Великой Китайской стены и Пекина и на запад до Урги. Экспедиция преследовала «исключительно цели широкой военной разведки» и представляла собой «ничтожнейший по силе отряд в 20 человек, вооруженных различной системы ружьями»⁴⁵⁶. Её задачи были сформулированы следующим образом: в первую очередь надлежало выяснить «современное состояние Монголии как военной силы», а также настроение монголов в связи с текущими политическими событиями

(война с Японией и английская экспедиция в Тибет); степень расположения или враждебности монголов различных хошунов по отношению к русским, японцам, китайцам, англичанам и другим народам, деятельность японцев в Монголии (в каких местах и в чем она проявляется), как относятся к ним князья, духовенство и народ; деятельность китайцев в Монголии и отношение к ним монголов; какие китайские власти находятся в Монголии, пункты, где расположены китайские чиновники; деятельность китайцев по заселению Монголии; какие районы уже заселены ими; численность их, давность поселения китайцев, род занятий и взаимоотношения монголов и китайцев; меры, принимаемые китайцами для административного подчинения монголов; отношение народа к китайской и монгольской администрации⁴⁵⁷.

Как видим, ответы надо было найти на множество вопросов, а времени на это было дано не так много — экспедиция была рассчитана на 2–2,5 месяца по маршруту Цицикар — Долон-Нор и от последнего к какому-либо пункту южной ветки железной дороги, с правом, в зависимости от обстоятельств и обстановки, изменить маршрут⁴⁵⁸. При такой программе деятельность военных разведчиков должна была свестись к «быстрому пробегу» по огромному району, около 2 тыс. верст. Предполагалось, что они не будут иметь возможности сноситься с армейским командованием, поэтому сведения должны были быть добыты в самый короткий срок. Время для разведки было выбрано самое тяжелое — зима, для того чтобы выяснить возможность ведения в Монголии военных операций в самое неблагоприятное время года⁴⁵⁹. В состав (в документе он назван минимальным) конной экспедиции входили три офицера — начальник, подполковник Хитрово, поручик Полторацкий, заведовавший личным составом, поручик Соболев (для съемки маршрута) и 12 нижних чинов, из них один кузнец, один ветеринарный фельдшер. Все офицерские чины периодически собирались

вместе в штабе ставки, однако в основном все время находились в отдельных друг от друга разъездах и командировках на дальние расстояния. Кроме того, к экспедиции были прикомандированы коллежский регистратор Кострицкий (фотограф, медик, съемщик маршрутов и переводчик китайского языка), служивший на КВЖД драгоман китайского языка Цыдыпов (для заведования нанятыми монголами-разведчиками); переводчик-китаец, четыре казака — буряты 2-го Верхнеудинского полка и 2 монгола, данные в распоряжение А. Д. Хитрово по личному знакомству, из княжества Северного Горлоса, «как отчаянной смелости и храбрости монгольские солдаты и полезнейшие для каких угодно дальних опасных поездок и посылок»⁴⁶⁰.

Отряд вез с собой подарки монголам — товары русского производства: ружья, револьверы, патроны к ним, часы, мыло, нитки, иголки, фонари, ножи, очки и пр. Юридическое право на его пребывание в Монголии было обусловлено наименованием: «коммерческо-географическая экспедиция в Восточную Монголию»; для узаконения этого статуса через российского дипломатического чиновника в Цицикаре Н. Поппе были получены китайские пограничные паспорта. Все члены отряда были одеты в штатскую зимнюю одежду, «на качество и покрой которой, ввиду предстоявшей сильной стужи, было обращено особое внимание».

В своей деятельности в Монголии экспедиция должна была руководствоваться следующими установками:

- 1) приобрести доверие и расположение к русским, и в частности к себе, монголов;
- 2) быть безукоризненно честными в слове и деле, гуманными и справедливыми;
- 3) соблюдать твердость слова, своих требований, неуклонность в исполнении принятых решений;
- 4) уважительно относиться к религии, обычаям, собственности, «помогая чем можно под рукой»;

5) придерживаться правила «всюду прибывать почетными гостями, оставляя по себе память как о желанных друзьях»⁴⁶¹.

«В конечных же целях на этой именно почве личных дружественных знакомств построить широкую военную разведку»⁴⁶².

Какие же ответы были получены на поставленные перед экспедицией задачи? А.Д. Хитрово дает подробный отчет об их выполнении.

Отношение монголов к русским. По словам Хитрово, «за время истекшей войны общее настроение Монголии складывалось в пользу русских, так как монголы слепо были убеждены, что китайцы на стороне японцев, а этого было вполне достаточно для их искренних пожеланий успеха русским. Монголы глубоко верили, что полная победа останется за русскими»⁴⁶³. Монголы считали также, что «Россия неиссякаема ни денежными средствами, ни солдатами, число которых увеличивалось с каждым днем»⁴⁶⁴. Такое настроение было особенно заметно в Чжэримском, Дзасактуском и Джоудаском сеймах. Более того, А.Д. Хитрово отметил, что Чжэримский сейм — сфера влияния русских. «С достаточной вероятностью можно заключить, что японцы не сумели привлечь к себе монголов, хотя попытки к тому были еще до войны»⁴⁶⁵. И в то же время он делает очень важный вывод: «Подтверждая симпатии и тяготение монголов к русским, будет большим оптимизмом и ошибкою заключить, что прибыв в их страну, русские всегда найдут там радушный прием, внимательность, услужливость и прочее, что осязательно реально может свидетельствовать о их расположении к русским. Наоборот, повсюду, особливо где русских видят впервые, монголы стараются выпроводить непрошенных гостей поскорее, отказывая им в ночлеге и вообще, уступая предъявленным им требованиям с явной неохотой. Объясняется это тем, что мон-

голы вообще издревле привыкли жить изолированно не только от китайцев, но и от монголов соседних хошунов»⁴⁶⁶. И в то же время при экспедиции постоянно служило 50–70 монголов; часть из них обслуживала летучую почту; часть — охранительные заставы по Шара-Мурэну.

«Будучи прост по натуре, не перебарывая привычного высокомерия и презрения к нему китайца, монгол быстро делается откровенным и болтливым, заметив в русском простоту обращения и признание в нем человека. Надо заметить, что местные монголы совершенно не знают русских. Все циркулирующие у них об нас слухи сводятся к тому, что русские очень жестокий, грубый и опасный народ. Мнения эти навязываются им китайцами и отчасти подтверждаются самими русскими, нередко проникавшими в Монголию с карательными экспедициями»⁴⁶⁷.

На основе собственных наблюдений и общения с местным населением Хитрово делает вывод: общее настроение монголов в хошунах, прилегающих к Маньчжурии, было на стороне русских; к английскому вмешательству в тибетские дела монголы относились скорее равнодушно, чем особенно возмущенно, ибо не знали подробно ни обстоятельств, ни обстановки, ни самих англичан; к китайцам, как всегда, относились с ненавистью; «стали замечаться влияния в пользу отделения вместе с Тибетом под покровительством России в самостоятельное государство. С окончанием войны это волнение отчасти улеглось, но идея не умерла»⁴⁶⁸.

Деятельность японцев в Монголии. Еще до войны японцы посылали своих корреспондентов в Монголию для изучения страны. В 1902 г. японцы провели разведку под видом научной партии по маршруту от Пекина до Хайлара. Там они были задержаны как подозрительные и переданы в распоряжение прокуратуры, отправившей их как ученых, задержанных по недоразумению, во Владивосток. Особенно-стью деятельности японцев в Монголии было привлечение

к себе на службу шаек хунхузов, которые часто использовались как прикрытие от русских разведок⁴⁶⁹.

Участники экспедиции несколько раз попадали в довольно сложные ситуации, сталкиваясь с хунхузами, но были далеки от мысли, что эти шайки, «недостатка в которых не было», можно попытаться уничтожить, объединившись для этой цели с охотниками-харачинами, проживавшими в Южной Монголии. Харачины могли собрать более сотни человек в помощь, но это вряд ли помогло бы, так как хунхузов обычно было в несколько раз больше, чем членов экспедиции. Военные распускали слухи среди местных жителей, зная, что они наверняка дойдут и до хунхузов: отряд находится в стране с мирными целями. При этом члены экспедиции давали понять, что всякое поползновение на российских подданных повлечет за собою прибытие «значительной силы военных отрядов». На пути следования к Мукдену несколько раз возникала опасность нападения китайских шаек. «Но благодаря монгольским разведчикам, а равно предновогоднему времени, когда все население готовится к торжеству встречи этого величайшего для них праздника и прекращает обычные занятия и хунхузы стихают, экспедиция надеялась форсированно пройти, пользуясь этим временем, около 500 верст, отделявших ее от Мукдена». Однако совершенно неожиданно с 16 на 17 января около 200 верст на запад от станции Сипингай военные наткнулись на 60 японцев, пришедших с запада, из Монголии. Было решено провести разведку и либо нанести превентивный удар, напав на японцев ночью, или же обойти их и двигаться дальше. Посланы были разведчики-монголы и буряты — члены экспедиции; они сообщили, что подошло еще 100 японцев и еще — хунхузы: всего собралось 200 японцев и до 700 монголов-хунхузов из Цурука, ожидающих еще 150 человек и намеревающихся в дальнейшем следовать на железную дорогу для ее разрушения в районе Гунжулин, Куанчендзы и на север, предполагая там соединиться

с 400 хунхузами местности Халбасана и еще какой-то группой в 200 человек.

Одновременно японская разведка обнаружила отряд А.Д. Хитрово. Положение становилось критическим. Сначала решено было отсидеться в небольшой крепости, но с другой стороны, во что бы то ни стало необходимо было отправить донесение о хунхузах. В конце концов отряд решил отступить. Монгол-хозяин посоветовал уходить боковой дорогой, которую пришедшие хунхузы, незнакомые с теми местами, не знали. В половине второго ночи в 26-градусный мороз военные отправились в путь; через 20 минут, как оказалось впоследствии, в то место, откуда они только что ушли, прибыли 150 хунхузов, пытали хозяина до рассвета. Из-за усталости лошадей отряд не мог уйти далеко; через 2–3 часа после того, как люди уезжали с очередной стоянки, туда прибывало 100–150 хунхузов. Преследование продолжалось около 100 верст, после чего, свернув с дороги в степь, экспедиция прибыла в Новый Город⁴⁷⁰. Шли непрерывно день и ночь, делая остановки не более чем на 2 часа для корма лошадей и отдыха и сна половины отряда, в то время как вторая половина бодрствовала.

Эта история стала быстро известна окрестным монголам. На обратном пути из Цулунгера, куда бы экспедиция ни прибывала, она всюду встречала радушный прием; «а в Новом Городе явился начальник монгольской харацинской милиции, уже знавший о встрече экспедиции с шайкой, и предлагал вместе с нами следовать куда угодно, имея под ружьем около 100 чел.; но этот поход в нашу программу не входил»⁴⁷¹.

«Монголы-хунхузы, — писал А.Д. Хитрово, — самые солиднейшие, тяготились своей службою японцам и не раз входили в сношения с экспедицией о принятии их на русскую службу...»⁴⁷² Во время отклонения в сторону от основного маршрута члены экспедиции нередко встречали японцев-разведчиков. Например, три казака-бурята из состава экспедиции как-то раз ездили с местным ламой верхом на верблюдах

до Долон-нора и, возвращаясь через Узумчин, встретились с японцами, которые закупали скот, выдавая себя за русских бурят.

Деятельность китайцев в Монголии и отношение к ним монголов. По словам Хитрово, «вся деятельность китайцев в Монголии сводится к ее колонизации с учреждением на месте китайской администрации и следовательно изъятием заселенных таким путем мест из управления монголов»⁴⁷³. Маньчжуры не разрешали самовольного заселения Восточной Монголии китайцами; маньчжурский дом установил смешанные браки только между маньчжурами и монголами, запретив таковые с китайцами.

Военные силы Восточной Монголии. Маньчжурские правители, стоявшие у власти в Китае, создали из монголов грозную военную силу, организовав ее на тех же началах, что и у себя. «По этой организации вся Монголия должна выставить до 220 тыс. конных воинов. Оружие — лук, стрелы выдавались маньчжурами. Ежегодно производились в начале весны и осени учебные военные сборы; организовывались грандиозные охоты, в которых Богдыхан участвовал вместе с огромной свитой и монгольскими князьями, приезжая к ним в хошуны»⁴⁷⁴. С ослаблением позиций маньчжуров в Монголии слабее становилась и монгольская армия как организованное войско утратившая всякое значение. «Уже более 50 лет как маньчжурское правительство перестало выдавать им луки и стрелы; никто не следит ни за какими сборами, да и собирать почти некого. Основной военной единицей установлена часть в 150 всадников, называемая “сомо” — или “сомун”. Ныне в этих сомо едва найдется 25–30 годных по возрасту и силам для военных целей. В действительности же сомо числится на бумаге, и то как административная, скорее гражданская единица»⁴⁷⁵.

Монгольские народности и отношения между ними. При сборе данных о монгольских народностях экспедиции

пришлось столкнуться с некоторыми трудностями. Сказывалось отсутствие в научной литературе сведений о тогдашнем быте народа, а это было важно для проводившегося исследования, «чтобы подойти удачно к определению настроения населения и чтобы разрядить откровенность монгола и зарядить его для использования в целях нашей разведки»⁴⁷⁶.

Приведем пространную цитату из отчета А.Д. Хитрово, которая представляется нам принципиально важной: «Знаменитейший путешественник Пржевальский рекомендует исследователям, как пособие для успеха путешествия, нагайку. Капитан Ресин жаловался на чрезмерную жадность и хищничество монголов: в том же направлении и полковник Гарнак. Приняв во внимание задачи названных исследований, заключающиеся [в том, чтобы], пройти в кратчайший срок огромные пространства и составить географическое или другое специальное описание пройденных пространств, обратив главное научное внимание на возможные подробности, изучение природы, астрологические и другие наблюдения на каждую былинку и букашку, естественно на долю монгола аборигена уделялось внимания для ознакомления с ними очень мало. Входить в психику аборигена, в его злободневную жизнь не преследовалось программой ученых исследований; он наблюдался только вскользь и поэтому представлялся грубым, грязным, несимпатичным и не заслуживающим никакого внимания как соучастник и активный деятель в общей мировой жизни народов.

Признавая за монголами на общем основании право человечества и как собственника-хозяина своих владений, экспедиции в полном составе всех чинов, при гуманном обращении, счастливо удалось попасть в тон жизни монголов и чувствовать себя, несмотря на все невзгоды, по лишению самым насущным — (хлеба, заменявшегося лепешками, сахару, табаку, сносных помещений и т. п.) очень хорошо и покойно. Физические лишения переживаются и забываются тотчас же

с их прекращением легко и быстро, оставляя по себе приятный отслюек гордых воспоминаний, как в победителях тяжелых препятствий»⁴⁷⁷. Мысль Хитрово проста, но выполнение ее сложно — для того, чтобы понять монголов правильно, нужно было время и, добавим, чувство симпатии, а не превосходства, иначе же они могли показаться недалекими и примитивными, каковыми на самом деле не являются.

Экспедиции пришлось общаться с представителями многих монгольских народностей — халхасцами, баргинцами, чахарами, дурбетами, джалаитами, тумэтами, хórчинами, а также представителями маньчжурских племен — даурами, солонами. А.Д. Хитрово и его спутников интересовали взаимоотношения между представителями различных монгольских племен в первую очередь с точки зрения возможности их объединения в борьбе против китайцев. «Более объединенными и единокровными в племени, — писал Хитрово, — следует считать халхинских монголов, как прямых потомков Чингис-хана», тогда как знаменные монголы, т.е. монголы, населявшие Восточную Монголию, совершенно утратили свои родовые права и управляются маньчжурами. Южные монголы только в нескольких племенах имели отношение к кровной связи с Чингис-ханом — в Хорчинском аймаке, в Ару-Хорчене, в некоторых хошунах Серингальского сейма. Пограничные с Маньчжурией монгольские сеймы были разноплеменными. Хитрово сделал вывод, что «твердой общей спайки между всеми монголами, солидарности, потребности взаимности, общительности между собою хошунов на почве общих национальных интересов почти не существует. Каждый хошун в отдельности хвалит сам себя».

Очень интересны впечатления А.Д. Хитрово об отношениях некоторых монгольских племен друг к другу. Например, хórчины «к Горлосам относятся как к продавщикам китайцам. ... Халху уважают за то, что там нет китайцев, но считают их необразованными, дикими и мало полезными

для дела автономии Монголии. Южные монголы, в свою очередь, усвоив китайскую культуру и образование, расплодившись, негодуют даже на хórчинов, указывая на их невежество, дикость и сожалея о них совершенно так же, как те сожалеют о дикости Халхи; приблизительно и Горлосы так же относятся к хórчинам. Кобдосцы (два сейма) так те халхасцами считаются прямо за русских монголов. Но несмотря на такую разрозненность их мнений во взаимосуждениях, всюду видно, что каждый гордится, что он именно монгол, какого бы хошуна и племени он ни был; и если по его мнению, монголы все были таковы, то Монголия давно бы делала то, что хотела»⁴⁷⁸.

Условия при прохождении русских войск по территории Монголии. Особое внимание А. Д. Хитрово уделил возможности проведения российской армией военных операций в Монголии. Районы, заселенные китайскими колонистами, где еще не была введена китайская администрация, представляли бы в этом случае немалые трудности для передвижений войсковых частей численностью более трех сотен. В районах же неколонизованных, особенно в степной Монголии, для отрядов численностью более 20–30 человек найти населенный пункт для более или менее продолжительного расквартирования было бы затруднительно (в основном трудности возникали при добывании фуража и топлива). «Небольшие воинские части, которым приходится проходить через степную Монголию, оподобляются саранче, где прошел, там все выел»⁴⁷⁹.

Пути сообщения в районе отрогов Хингана, по словам А. Д. Хитрово, были прекрасные; особенно удобными он считал пути в узких долинах рек, окаймленных горами. В то же время переправы через реки, спуски дорог к рекам, подъемы в горных местах и спуски с гор всюду были совершенно не пригодны для продвижения войск. Через некоторые реки имелись броды. «В период дождей, когда вода под-

нимается на сажень и больше, лошади, скот перегоняется вплавь, груз на маленьких лодочках-челноках; причем колесные экипажи ставятся одной стороной колес на один челнок, другой на соседний; челноки не связываются, а удерживаются в парности трением самих колес, баграми и руками возчиков, направляющих эту переправную снасть с грузом на другую сторону с помощью багров, а главное на авось, пользуясь быстротою течения воды и сравнительной узкостью реки»⁴⁸⁰.

А.Д. Хитрово пришел к заключению, что Чжеримский сейм и прилегающая к нему часть Внутренней Монголии, при владении русскими КВЖД, имеют для России огромное, решающее значение «как военно-стратегическое, так политическое и коммерческо-экономическое»⁴⁸¹.

Итак, выводы по результатам экспедиции были сделаны следующие:

- политическое настроение монголов всегда может быть в пользу русских;
- при современном их состоянии, как организованная военная сила, они равняются нулю; как сырой материал следует их считать прекрасным для образования отличной конницы;
- монгол способен вполне усваивать западную культуру, без увлечений, а постепенно, естественно, настолько, сколько ему нужно;
- к китайцам монголы всегда испытывали ненависть, неизбежно будучи верны Маньчжурскому дому;
- монголы в массе богаты и могут представить выгодный для русских потребительный рынок⁴⁸².

* * *

Основные результаты исследований многочисленных военных экспедиций второй половины XIX — начала XX века, изучивших этнографические особенности Монголии, ее современное по тому времени положение, отношение мон-

голов к русским, китайцам, деятельность японцев в стране и другие вопросы можно обобщить следующим образом:

1. Расположение монголов к русским на протяжении нескольких последних десятилетий оставалось величиной постоянной. Монголы, особенно халхасцы, будут на стороне России в случае военных действий на монгольской территории. Представители даже тех народностей, которые были не очень дружелюбно настроены по отношению к русским (в основном это относилось к народностям, населявшим восточные и юго-восточные районы страны), не испытывали к ним враждебных чувств. В целом картина складывалась довольно благоприятная.
2. России следует постоянно работать над дальнейшим развитием российско-монгольских отношений, повышением их уровня.
3. Религия оказывала огромное влияние на монголов, авторитет духовенства был велик. Его можно было использовать для противодействия китайскому влиянию в Монголии.
4. После принятия колониационного проекта в Китае в 1912 г. китайцы продвигались все дальше вглубь Монголии, и это обстоятельство могло самым пагубным образом сказаться на интересах России в этой стране.
5. Политика Японии в Монголии становилась все более опасной для России, и ей следовало принимать серьезные меры, чтобы попытаться уменьшить японское влияние.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стремление России укрепить свое влияние на Востоке в конце XIX — начале XX века и ее действия в этом направлении привели к дальнейшему развитию отечественного востоковедения, в том числе монголоведения.

Российским военным исследователям принадлежит важная роль в изучении Монголии в период, ставший важным этапом в развитии отечественного монголоведения. Военные внесли заметный вклад в разностороннее изучение этой страны, в том числе ее истории, этнографии, географии, языка. Они собрали большой фактический материал, который имел не только самостоятельное значение для военного ведомства России, но и послужил источниковедческой базой для изучающих Монголию специалистов. Офицеров отличало своеобразное видение этой страны, они занимались решением практических задач, и то, что они сумели выйти за узкие рамки исполнения военных приказов, явилось их несомненной заслугой перед российской наукой.

Нельзя не согласиться с М. К. Басхановым, который считает, что русское военное востоковедение уникально по своей сути и по тому месту, которое оно занимает в русской армии⁴⁸³. Монгольское направление было одним из основных в комплексе исследований, проводившихся российскими военными в сопредельных с Россией странах. Особенность этой работы заключалась в том, что, наряду с выполнением конкретных рекогносцировочных задач, военным удалось собрать обширные данные для создания целостной картины Монголии.

У военных исследователей не было и не могло быть далеко идущих научных планов. Главной их задачей была все же рекогносцировка. Однако было бы неверно смотреть на них

только как на военных топографов. Их заслуга заключалась в том, что, выполняя достаточно специфические задачи, они стремились к всестороннему исследованию Монголии — изучали ее историю, условия жизни и быта, материальную и духовную культуру. Наряду с тем, что деятельность военных экспедиций носила разведывательный характер, в силу того, что участники их были высокопрофессиональными специалистами — географами, топографами, естествоиспытателями, они подходили к изучению страны комплексно, дополняя уже имевшиеся знания о Монголии новыми материалами, и тем самым вносили свой, пусть порой и незаметный на первый взгляд, вклад в расширение и углубление знаний о Монголии, в развитие монголоведения в России.

Полученные в ходе проведения этих экспедиций результаты стали достоверными источниками для изучения многих ранее малоизвестных отдаленных районов Монголии. Сведения географического характера о стране, собранные российскими военными, представляют большую ценность для науки. К середине XIX века ее огромная территория была все еще мало исследована (за исключением караванных путей), и поэтому данные, полученные каждой военной разведкой, становились вкладом в развитие географической науки о Монголии, а также картографии Центральной Азии.

Конечно, вклад военных в изучение Монголии не был равнозначным. Некоторые офицеры в большей степени сосредотачивались на рекогносцировочных наблюдениях (т.е. вели «разведку противника и местности в районе предстоящих боевых действий лично командиром и офицерами штабов для получения данных и принятия решения»), но многие военные все же вышли за эти узкие рамки. Собранные вместе данные географов и топографов показали, что Монголия — это огромное пространство, включающее в себя области, различающиеся по природе, климату, населению, естественным ресурсам.

В деятельности исследователей тесно сочетались политика и наука, главным образом географическая. Военное монголоведение было по форме своей практически, прикладным, страна изучалась «в полевых условиях», не в кабинетах, а непосредственно на месте. Отличие военных специалистов от представителей классического монголоведения заключалось в том, что они не имели специального страноведческого образования, и в то же время сходство с монголоведами академической школы проявлялось в том, что они изучали страну в основном комплексно.

Практический способ изучения страны имел особую ценность: военные имели возможность наблюдать каждодневную жизнь местного населения, ориентироваться в порой непростых обстоятельствах, принимать решения на месте. Конечно же, у практического метода были свои недостатки: он мог «увлечь в область слишком неинтересных и случайных частных, уклонить в сферу пустых и нетипичных побасенок и курьезов и т.д.»⁴⁸⁴. И все же результаты исследований российских военных в Монголии во второй половине XIX — начале XX века свидетельствуют о том, что собранные и обработанные ими материалы стали весомым вкладом в отечественное монголоведение.

На первый взгляд, сделанное военными для развития монголоведения гораздо скромнее в научном плане, чем вклад исследователей Центральной Азии с мировым именем. Но можно утверждать, что участники военных экспедиций в Монголию создали, по сути, такую отрасль науки, как прикладное монголоведение, соединили его с академическим монголоведением, тем самым обогатив науку об этой стране.

В отличие от более продолжительных научных поездок, например Н.М. Пржевальского, военные экспедиции проводились в гораздо более сжатые сроки — от нескольких недель до нескольких месяцев. Конечно, и маршруты были короче, чем у известных путешественников. Военным приходилось

двигаться довольно быстро и в то же время успевать провести глазомерную съемку, собрать расспросные сведения и данные о маршруте. И они добросовестно делали это порой в экстремальных условиях.

Благодаря исследованиям, проведенным в Центральной Азии российскими географами, в том числе военными, географическая наука получила в XIX веке дальнейшее развитие во всем мире. Отечественные ученые в рассматриваемый нами период фактически ликвидировали белые пятна на карте Монголии. Ими были собраны обширные материалы по физической географии отдельных регионов страны, дана оценка изученных территорий, включая залежи полезных ископаемых, определены географические координаты многих пунктов. Находясь в узких границах заданных условий изучения Монголии, военные специалисты вышли далеко за рамки только военной рекогносцировки, смогли собрать материал, который и до настоящего времени представляет большой интерес для востоковедов.

Читая довольно сухие отчеты об экспедициях, понимая, что в них нет ничего случайного; малейшая деталь, будь то направление течения даже самой маленькой речки или растительность в том или ином районе (или же отсутствие таковой), служит созданию наиболее полной картины географических зон Монголии. Вряд ли военные думали о том, что их имена останутся в истории российского монголоведения. Они честно, как положено офицерам, выполняли свой долг перед Родиной. Стране нужны были сведения для повышения ее обороноспособности и укрепления безопасности, и они их добывали. Но получилось так, что они, вольно или невольно, добавили новые краски в общую картину Монголии, в описание ее народа, традиций, нравов.

Военные выполнили свою основную задачу — определили возможные пути следования в направлении Китая и выяснили, что территория Монголии проходима для российских

войск и при каких условиях это возможно. В то же время они собрали уникальные научные материалы по истории, этнографии, географии Монголии, провели геодезические, топографические и иные съемки на местности, обобщили ценнейшие сведения о внутривластной и экономической жизни Монголии. Большое значение имели данные по выявлению этнографических процессов, происходивших в этой стране.

За руководство экспедициями, работу в их составе и достигнутые результаты многие военные исследователи Монголии были награждены правительственными наградами царской России. Огромный объем достоверной научной информации, добытой российскими путешественниками, в том числе военными, справедливо поставил отечественные исследования на ведущее место в мире. Можно без особого преувеличения сказать, что военные, изучавшие Монголию, кроме вклада в формирование научного монголоведения в России в виде военно-географических и этнографических описаний отдельных районов, в немалой степени способствовали развитию торгово-экономических, политических, дипломатических и культурных связей двух соседних стран.

Военные экспедиции по-своему способствовали улучшению российско-монгольских отношений, поскольку вселяли в монголов уверенность в том, что Россия сможет стать для Монголии гарантом безопасности и защиты от Китая. Результаты экспедиций имели важное значение при выработке стратегической линии и определения тактики России в Монголии. Кроме того, контакты, хотя порой и весьма краткосрочные, с местным населением расширяли знания русских о монголах и Монголии; в то же время в результате общения с российскими путешественниками у монголов формировалось весьма доброжелательное отношение к России и русским. В доступной для монголов форме российские военные исследователи пропагандировали результаты науч-

ных наблюдений, проведенных в стране. Ими было издано в открытой печати несколько книг и брошюр о Монголии. Труды военных об этой стране в дореволюционный период, наряду с их вкладом в географическую науку, представляют собой ценные источники по истории и этнографии Монголии. Многие из этих работ актуальны и в настоящее время.

Опыт военного монголоведения в дореволюционной России совершенно уникален, так как ни одна другая страна не вела подобных исследований в Монголии. Результаты научной деятельности военных позволяют с полным на то основанием говорить о том, что они внесли серьезный вклад в развитие отечественного монголоведения в дореволюционный период, создав самостоятельное направление в этой отрасли знаний — военное монголоведение.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX — начало XX в.). Миссии. Экспедиции. Путешествия. Бишкек, 2006. С. 34.

² См.: Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М., 1967. С. 531–549.

³ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XIX в. — 1917 г.). СПб., 1994. С. 25, 332–333.

⁴ Мурзаев Э.М. Географические исследования Монгольской Народной Республики. М. ; Л., 1948; Он же. Рассказы об ученых и путешественниках. М., 1979.

⁵ См.: Мурзаев Э.М. Географические исследования Монгольской Народной Республики. С. 50–119.

⁶ Этим политика России в северо-восточном направлении заметно отличалась от ее политики в отношении земель на юге Азии, где Россия расширяла свои владения вследствие принятия Большой и Малой Ордой русского подданства. См.: Колесников А.А. Русские в Кашгарии (вторая половина XIX — начало XX в.). Миссии. Экспедиции. Путешествия. С. 34–36.

⁷ См.: Пржевальский Н.М. Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет на верховья Жёлтой реки. СПб., 1883.

⁸ Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М., 2005.

⁹ Кузьмин Ю.В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.). Иркутск, 1997; Он же. Монголия и Китай начала XX века в оценках российских военных исследователей. Иркутск, 2007 и др.

¹⁰ См. § 2 главы 2 работы Кузьмина Ю.В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.).

¹¹ Роборовский Всеволод Иванович (1856–1910), полковник. Участник экспедиций Н.М. Пржевальского (1879–1880) и М.В. Певцова (1889–1890) в Центральную Азию.

¹² См.: *Шукина Н. М.* Как создавалась карта Центральной Азии. Работы русских исследователей XIX и начала XX в. М., 1955.

¹³ В редких случаях в отчетах одного и того же военного исследователя имеются разночтения в географических названиях. В этом случае мы выбирали вариант, который он чаще использовал.

Глава I

¹⁴ *Головачев П.* Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904. С. 37.

¹⁵ Термин «Большая игра» (англ. *The Great Game*) используется для обозначения геополитического соперничества между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии (1813–1907). Авторство этого термина приписывают офицеру британской секретной службы Артуру Конноли. В широкий оборот он был введен писателем Редьярдом Кипплингом в романе «Ким» (См.: *Киплинг Р.* Ким. М., 1990). См. также: *Hopkirk Peter.* The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. New York ; Tokyo ; London 1994; *Mayer Karl Ernst and Shareen Blair Brysac.* Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. London 2001; См.: *Andreev A.* Soviet Russia and Tibet. The Debacle of Secret Diplomacy, 1918–1930s. Leiden ; Boston 2003. P. 13–20.

¹⁶ «Военно-ученый комитет состоит при главном штабе для направления ученой деятельности генерального штаба и корпуса топографов по всем отраслям, им порученным, а также для содействия развитию военного образования в армии. Председателем его считается начальник главного штаба, членами — его помощники, начальники военно-топографического отдела и николаевской академии генерального штаба, управляющий делами В.-ученого комитета и особо назначаемые генералы и штаб-офицеры генерального штаба и корпуса топографов» (Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. VI^a. СПб., 1892. С. 857).

В 1865 г. во время очередной реорганизации Военного министерства 3-е (военно-ученое) отделение Главного управления Генерального штаба было переименовано в 7-е военно-ученое отделение Главного штаба. В январе 1867 г. 7-е отделение перешло в состав Совещательного комитета, который был образован для руководства «ученой» и топографической деятельностью. В марте 1867 г. Совещательный комитет был преобразован в Военно-ученый комитет Главного штаба (подробнее см.: *Кудрявцев Н. А.* Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. М., 2002. С. 490–491).

¹⁷ Военно-ученый комитет был упразднен в 1903 г. в связи с реорганизацией Главного штаба.

¹⁸ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 1. СПб., 1883.

¹⁹ Азиатская часть (в 1863–1865 гг. — 2-е (азиатское) отделение Главного управления Генерального штаба) — самостоятельное подразделение Главного штаба; входила в систему военной разведки и занималась сбором военно-статистических сведений о пограничных с Россией азиатских областях. Азиатская часть вела аналитическую обработку материалов по странам региона, осуществляла взаимодействие с Министерством иностранных дел и другими ведомствами России по соответствующим вопросам. В 1869 г. Азиатская часть была переименована в Азиатское делопроизводство. В 1890 г. Азиатское делопроизводство было разделено на три делопроизводства. Первые два отвечали за работу азиатских военных округов, а третье занималось непосредственно разведкой за рубежом (см.: *Кудрявцев Н.А.* Указ. соч. С. 491).

²⁰ *Боголепов М.И. и Соболев М.Н.* Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция в Монголию 1910 года. Томск, 1911. С. 477.

²¹ Подробнее см.: *Агеева Е.А.* «В авангарде всегда шел купец»: торговая экспедиция московских купцов-старообрядцев в Монголию 1910 года // <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/87-1-0-286>; <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/87-1-0-287>

²² *Агеева Е.А.* Из истории взаимоотношений предпринимателей и исследователей, или экспедиция в Монголию 1910–11 годов // Прохоровские чтения. Материалы научно-практической конференции. М., 1999. С. 18.

²³ *Боголепов М.И. и Соболев М.Н.* Указ. соч. С. 479–480.

²⁴ Там же. С. 479.

²⁵ Там же. С. 481.

²⁶ *Колесников А.А.* Русские военные исследователи Азии. С. 16; *Он же.* Русские в Кашгарии (вторая половина XIX — начало XX в.). С. 38 и др.

²⁷ Заметим, что такую политику в отношении Монголии Россия продолжала проводить и после революции 1921 г.

²⁸ См.: *Мурзаев Э.М.* Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. М., 1948 (то же — изд. 2-е, дополн. М., 1952); *Слесарчук Г.И.* Физико-географический обзор // Монгольская Народная Республика. Справочник. М., 1986. С. 6–21.

²⁹ Военно-топографическое депо было образовано в январе 1812 г. при военном министре из Собственного е.и.в. депо карт и Топографической службы Свиты е.и.в. по квартирмейстерской части. Ведало организацией, производством и научно-методическим обеспечением всех астрономических, геодезических и картографических работ, выполняемых военным ведомством на территории Российской империи (за исключением Кавказа), сбором, хранением и изданием картографических, военно-топографических и военно-исторических документов. Военно-топографическое депо упразднено в октябре 1863 г. Его функции переданы Военно-топографической части Главного управления Генерального штаба (см.: Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 40. Опись 1. Ед. хр. 2043 (1822–1863)).

³⁰ Атлас всех пяти частей света. Сочинен офицерами и гравирован кантонистами Военно-топографического депо. СПб., 1827.

³¹ В XVII–XVIII вв. Урга (монг. *Өргөө* — «Дворец», «Ставка») — кочующая резиденция монгольских Богдо-гэгэнов. В 1778 г. Урга окончательно осела в долине реки Тола в месте ее слияния с рекой Сэлбэ, к северу от горы Богд-Хан-Уул, на караванном пути из Пекина и Калгана в Хяту, и стала стационарным поселением, крупнейшим городом цинской Внешней Монголии. В 1911 г. Урга получила статус столицы Монголии и стала называться *Нийслэл хүрээ* («Столичный монастырь»). Название Урга не было официальным и использовалось в основном иностранцами. В 1924 г. была переименована в Улан-Батор (монг. *Улаанбаатар*).

³² Например, неправильно была показана река Тэс, впадающая в озеро Убсу-нур с запада, а не с востока, озеро Хубсугул было показано маленьким и неправильно ориентированным. Об этих и других неточностях см.: *Шукина Н. М.* Как создавалась карта Центральной Азии. Работы русских исследователей XIX и начала XX в. М., 1955. С. 44–45.

³³ См.: *Шукина Н. М.* Указ. соч. С. 30–31.

³⁴ *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. М., 1950. С. 326.

³⁵ Певцов Михаил Васильевич (1843–1902) — выдающийся востоковед, географ; генерал-майор Генерального штаба. В 1878–1879 гг. при поддержке РГО совершил экспедицию в Западную Монголию и северные провинции Китая, сопровождая с ученой целью торговый караван.

³⁶ Певцов М. В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. Омск, 1883. С. 351.

³⁷ См.: Ковалевский Е. Путешествие в Пекин. СПб., 1853.

³⁸ Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 1–3. СПб., 1824. Книга была переведена на иностранные языки: английский (*Timkowski G. Travels of the Russian Mission through Mongolia to China, and residence in Peking in years 1820–21. With corrections and notes by Klaproth. 2 vols. London 1827*), французский (*Timkovski, G. Voyage à Péking, à travers la Mongolie, en 1820 et 1821. 2 vols. Paris 1827*), голландский (*Timkowski, G. Reis naar China, door Mongolië, gedurende de jaren 1820 en 1821. 3 vol. Haarlem 1826*) и немецкий (*Timkowski G. Reise nach China durch die Mongoley in den Jahren 1820 und 1821. 3 Bd. Leipzig 1825*) языки. Впоследствии книга была неоднократно переиздана в Германии, Франции, Индии, Австрии и других странах.

³⁹ Бичурин Н. Я. Записки о Монголии. Т. 1–2. СПб., 1828.

⁴⁰ Фусс Георг-Альберт (1806–1854) — российский астроном, швейцарец по происхождению; с 1824 г. воспитанник Санкт-Петербургской Академии наук. В 1830 г. был прикомандирован к отправленной в Пекин духовной миссии для астрономических, геодезических и геофизических исследований в Сибири и Китае.

⁴¹ Бунге Александр Андреевич (1803–1890) — российский и немецкий ботаник, действительный член Санкт-Петербургской Академии наук, профессор Дерптского университета. В 1829 г. по рекомендации А. Гумбольдта был прикомандирован Академией наук к Российской духовной миссии, в 1830 г. отправившейся в Пекин.

⁴² Архимандрит Палладий Кафаров (в миру Петр Иванович Кафаров) (1817–1878) — священнослужитель, выдающийся российский синолог. Начальник 13-й Российской духовной миссии в Пекине. Изучал китайский язык и литературу; обнаружил и сделал перевод на русский язык «Старинного китайского сказания о Чингис-хане», известного как «Сокровенное сказание монголов».

⁴³ Палладий [Кафаров П. И.]. Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. СПб., 1892 (Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. XXII. № 1. Отд. отт.).

⁴⁴ Ковалевский Егор Петрович (1809 (1811?) — 1868) — российский путешественник, писатель, дипломат, востоковед, почетный член Петербургской Академии наук.

⁴⁵ Палладий. Указ. соч. С. 113.

⁴⁶ Шукина Н. М. Указ. соч. С. 38.

⁴⁷ <http://lavrovit.narod.ru/persona/permikin.htm>

⁴⁸ См.: *Сельский И.* Озеро Косогол и его нагорная долина, по сведениям, собранным членом-сотрудником Императорского Русского географического общества Пермикиным // Вестник Имп. РГО (далее — ИРГО). Ч. 24. Вып. 2. СПб., 1858. С. 41–76.

⁴⁹ Межевой комитет был учрежден в Санкт-Петербурге в 1836 г. «для совокупного рассмотрения предположений губернских комитетов», касавшихся «сведений о землях общего и чересполосного владения выработки правил об их размежевании» (см.: *Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XVIII^a*. СПб., 1896. С. 931).

⁵⁰ Сибирская экспедиция (1855–1858) — комплексная экспедиция по изучению Восточной Сибири, Забайкалья, Приамурья. Подробнее о ней см.: www.irkipedia.ru/content/sibirskaya_ekspediciya_1855_1858_gg; *Базылева Е. А.* Фрагменты истории освоения Сибири на страницах изданий Императорского Русского географического общества // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра». Мат-лы регион. науч. конф. (21 декабря 2008 г., Новосибирск). Новосибирск, 2009. С. 291–297.

⁵¹ Гельмерсен Петр Александрович (1838–1877) — полковник Генерального штаба при штабе сухопутных и морских сил Восточной Сибири, действительный член Совета РГО.

⁵² www.hasanskiy-dv.ru

⁵³ Шишмарёв Яков Парфеньевич (1833–1915) — российский дипломат, переводчик. Окончил Троицкосавскую войсковую русско-монгольскую школу (1849). С 1855 г. служил у губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского, принимал участие в Амурских экспедициях, в переговорах при заключении Айгунского договора. Участвовал в заключении Пекинского договора (1860). В 1861 г. — секретарь и переводчик консула К. Н. Боборыкина в Урге, позже управляющий консульством, и.о. консула, консул, генеральный консул России в Монголии. По поручению Сибирского отдела РГО (СО РГО) участвовал в составлении одной из первых карт Восточной Монголии, занимался историей, переводами книг, сбором этнографических коллекций, публикацией научных статей и отчетов в изданиях СО РГО (см.: *Единархова Н. Е.* Яков Парфеньевич Шишмарев — русский консул в Монголии // Сибирский архив. Вып. 2. Иркутск, 2000. С. 11–32;

Шишмарев А. Российский консул Шишмарев, жизнь и происхождение // <http://www.proza.ru/2012/03/05/995>).

⁵⁴ Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 1967. С. 492–509.

⁵⁵ В тексте работы встречаются упоминания двух военных организаций России — Генерального штаба и Главного штаба. Коротко поясним разницу между ними. Проводившиеся в XVIII — начале XX века реформы российского военного ведомства отразили попытки как централизации, так и разграничения функций и полномочий органов высшего военного управления. Попытаемся пояснить различия в деятельности двух упомянутых организаций.

Генеральный штаб (ГШ) русской армии как постоянно действующий центральный орган военного управления вооруженными силами России был создан в 1763 г. В ноябре 1796 г. ГШ был упразднен, но вскоре восстановлен под названием «Свита его императорского величества (Е.И.В.) по квартирмейстерской части». Свита Е.И. В. продолжила свою деятельность в качестве самостоятельного органа.

В 1815 г. наряду с Военным министерством был учрежден Главный штаб Е.И.В., к которому перешло управление всем военным ведомством. Параллельно продолжала функционировать Свита Е.И.В., которой в 1827 г. было возвращено старое название — Генеральный штаб. В 1832 г. ГШ как самостоятельный орган управления был упразднен, и все военное управление перешло к Военному министерству. ГШ был переименован в Департамент Генерального штаба и наряду с другими департаментами вошел в состав Военного министерства.

В 1863 г. в ходе проведения военных реформ Департамент ГШ был преобразован в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ); в 1865 г. оно было объединено с Инспекторским департаментом, в результате чего был образован Главный штаб. Согласно Положению о Военном министерстве (1869) на ГШ возлагались вопросы, связанные с управлением сухопутными войсками. Итоги Русско-японской войны 1904–1905 гг. показали, что Генеральный штаб (как важная часть Главного штаба), ответственный за решение оперативно-стратегических вопросов, недостаточно эффективно справляется со своими обязанностями.

С началом Первой мировой войны в России была образована Ставка Верховного главнокомандующего, при котором был создан штаб. ГУГШ осталось в составе Военного министерства и больше не осуществляло стратегическое планирование и руководство военными действиями. Важнейшей функцией ГУГШ в военное время

стало руководство армейской разведкой и контрразведкой, содействие штабам фронтов и армий в создании разведорганов за границей. Главное управление Генерального штаба было ликвидировано в 1918 г.

Таким образом, в дореволюционной России Главный штаб являлся одним из высших органов военного управления в России в 1815–1917 гг. Генеральный штаб представлял собой вспомогательный орган высшего военного управления (Военной коллегии, Военного министерства, Главного штаба и др.) и командования, включавший в себя как центральный управленческий аппарат, так и войсковые структуры. По линии ГШ проводились экспедиции российских военных исследователей в сопредельные страны.

⁵⁶ Обручев В. В., Фрадкин Н. Г. По внутренней Азии. М. В. Певцов, В. А. Обручев. М., 1947. С. 8.

⁵⁷ Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. СПб., 1890. С. 478.

⁵⁸ Энгельгардт М. А. Н. Пржевальский. Его жизнь и путешествия. СПб., 1891. С. 63–64.

⁵⁹ Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. СПб., 1890; Лялина М. А. Путешествия Н. М. Пржевальского в Восточной и Центральной Азии/Обработаны по подлинным его сочинениям М. А. Лялиной. СПб., 1898; Зеленин А. В. Путешествия Н. М. Пржевальского. Составил по подлинным сочинениям А. В. Зеленин. Т. 1–2. СПб., 1899–1990; Козлов П. К. Великий русский путешественник Н. М. Пржевальский. Л., 1929; Он же. В азиатских просторах. Книга о жизни и путешествиях Н. М. Пржевальского. Хабаровск, 1971; Каратаев Н. М. Николай Михайлович Пржевальский — первый исследователь природы Центральной Азии. М. — Л., 1948; Хмельницкий С. И. Николай Михайлович Пржевальский. 1839–1888. Л., 1950; Мурзаев Э. М. Н. М. Пржевальский. М., 1953; Битюков Г. С. Великий путешественник и географ Н. М. Пржевальский. Фрунзе, 1962; Он же. Жизнь и путешествия Н. М. Пржевальского. Фрунзе, 1963; Гавриленков В. М. Русский путешественник Н. М. Пржевальский. М., 1974 и др.

Труды Н. М. Пржевальского переведены на многие европейские языки: *Prejevalsky N. M. Mongolia. The Tangut Country and the Solitudes of Northern Tibet. Narrative of Three Years' Travel in Eastern High Asia.* 2 Vol. London 1876; *Prejevalsky N. From Kulja across the Tian Shan to Lob-Nor.* London 1879; *Prjévalsky N. Mongolie et pays des Tangoutes.* Paris 1880; *Prschewalski N. Reisen in der Mongolei, im*

Gebiet der Tanguten und den Wüsten Nordtibets in den Jahren 1870 bis 1873. Jena 1881 и др.

⁶⁰ *Пржевальский Н. М.* Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. Т. 1–2. СПб., 1875–1876.

⁶¹ *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Неизвестный Пржевальский // Ариаварта. СПб., 1997. №1. С. 213.

⁶² *Пржевальский Н. М.* От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор в 1876 и 1877 гг. // Известия ИРГО. Т. XIII (5). 1878. С. 195–329.

⁶³ *Пржевальский Н. М.* Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки. СПб., 1883.

⁶⁴ *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Жёлтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888.

⁶⁵ *Пржевальский Н. М.* Отчет П. С. Ванновскому 10 марта 1888 г. // Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 401, оп. 4/928, д. 40, л. 4.

⁶⁶ Орография — описание различных элементов рельефа (хребтов, возвышенностей, котловин и т. п.) и их классификация по внешним признакам вне зависимости от происхождения.

⁶⁷ См.: *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Указ соч. С. 207–208.

⁶⁸ *Мурзаев Э. М.* Великий русский географ и путешественник Н. М. Пржевальский. М., 1950. С. 27.

⁶⁹ Там же. С. 4.

⁷⁰ *Петровский Н. Ф.* Письмо Н. М. Пржевальскому. 15 февраля 1888 г. // Архив РГО. Ф. 13, оп. 2, д. 185, л. 6.

⁷¹ *Обручев В. В., Фрадкин Н. Г.* Указ. соч. С. 6–7.

⁷² *Певцов М. В.* Путевые очерки Чжунгарии // Записки Западно-Сибирского Отдела ИРГО. Кн. 1. Омск, 1879. С. 1–62.

⁷³ *Певцов М. В.* Краткий очерк путешествия по Монголии и внутреннему Китаю в 1878 и 1879 гг. // Известия ИРГО. Т. XVI. Вып. 5. Отд. 2. СПб., 1880. С. 435–457.

⁷⁴ За научные результаты, прежде всего в области географической науки, достигнутые экспедицией, Совет РГО вручил М. В. Певцову высшую награду общества — Большую Золотую медаль им. Ф. П. Литке (адмирала, известного российского мореплавателя и географа, президента Академии наук в 1864–1882 гг.).

⁷⁵ *Обручев В. В., Фрадкин Н. Г.* Указ. соч. С. 17–18.

⁷⁶ В 1883 г. была издана карта Монголии, при составлении которой были использованы маршрутные съемки Г.Н. Потанина, Н.М. Пржевальского и других путешественников. По данным, собранным Певцовым во время своей экспедиции, совершенно по-новому была представлена орография всей Монголии, и в том числе Хангайского хребта, Алтая и Хэнтэя.

⁷⁷ Роборовский Всеволод Иванович (1856–1910), полковник. Выдающийся путешественник, исследователь Центральной Азии. Ученик и сподвижник Пржевальского, участник его третьего и четвертого путешествий по Центральной Азии. Принимал участие в Тибетской экспедиции М.В. Певцова.

⁷⁸ См.: Юсов Б.В. В.И. Роборовский. М., 1952.

⁷⁹ Попов Виктор Лукич (1864 — после 1935), генерал-майор Генерального штаба. Окончил Иркутское пехотное юнкерское училище, Николаевскую академию Генерального штаба (1900).

⁸⁰ Попов В.Л. Через Саяны и Монголию. Ч. 1. Очерк путешествия. Омск, 1905.

⁸¹ Попов В.Л. Очерк Московской торговой экспедиции в Монголию // Московская торговая экспедиция в Монголию. М., 1912. С. 25–77.

⁸² Попов В.Л. Второе путешествие в Монголию в 1910 году. Иркутск, 1910.

⁸³ О П.К. Козлове см.: Житомирский С.В. Исследователь Монголии и Тибета П.К. Козлов. М., 1989; Овчинникова Т.Н. П.К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М., 1964; Андреев А.И., Юсупова Т.И. П.К. Козлов и его Монголо-Тибетская экспедиция 1923–1926 гг. // Петр Кузьмич Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926. СПб., 2003. С. 9–19.

⁸⁴ Баян О.А. Первые исследователи Центральной Азии. М., 1946. С. 72.

⁸⁵ Путята Д.В. Предварительный отчет об экспедиции в Хинган в 1891 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии (далее — Сборник материалов по Азии). Вып. 50. СПб., 1892. С. 149–150.

⁸⁶ Отдельный корпус пограничной стражи — воинское формирование специального назначения в Вооруженных силах Российской империи, предназначенное для охраны границ государства; находился в ведении Министерства финансов, но в военное время мог поступить в распоряжение Военного министра.

⁸⁷ Баранов Алексей Михайлович (1865–1927), полковник. Получил военное образование. В русской армии считался одним из ведущих специалистов-монголоведов, свободно владел монгольским языком.

⁸⁸ См.: Баранов А. Монголия. Барга и Халха. Харбин, 1905. С. I (*Материалы по Маньчжурии и Монголии*. Вып. 2).

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XIX в. — 1917 г.). СПб., 1994. С. 25, 331–333.

⁹² Чимитдоржиев Ш. Б. Бурят-монголы: история и современность (очерки). Раздумья монголоведа. Улан-Удэ, 2000. С. 109.

⁹³ Рябчиков А. М. А. Е. Снесарев как географ // Андрей Евгеньевич Снесарев (Жизнь и научная деятельность). М., 1973. С. 77.

⁹⁴ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912) — российский военный и государственный деятель (1859), генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал (1898). В 1845 г. был назначен профессором Императорской Военной академии по кафедре военной географии. Ему принадлежит заслуга введения в академический курс дисциплины «Военная статистика». Автор трудов по военной географии и военной статистике. Занимал пост военного министра Российской империи (1861–1881). Почетный президент Академии Генерального штаба и Военно-юридической академии, почетный член Академии наук и академий артиллерийской, инженерной и медико-хирургической, Московского и Харьковского университетов, Русского географического общества. В 1866 г. Петербургский университет присвоил ему ученое звание доктора русской истории.

⁹⁵ См.: Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики. Кн. 1. СПб., 1847. С. 52, 54.

⁹⁶ Милютин Д. А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. СПб., 1846. С. 43.

⁹⁷ Там же. С. 44.

⁹⁸ Там же. С. 55.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 2.

¹⁰¹ Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937) — русский и советский военачальник, военный теоретик, педагог, военный географ и востоковед, действительный член Русского географического общества.

¹⁰² Снесарев А. Е. Введение в военную географию. М., 1924. С. 1–2.

¹⁰³ См.: *Снесарева Е. А.* Андрей Евгеньевич Снесарев // Народы Азии и Африки. М., 1986. № 4. С. 121.

¹⁰⁴ *Снесарев А. Е.* Введение в военную географию. С. 329.

¹⁰⁵ *Снесарев А. Е.* Практическое изучение Востока // Народы Азии и Африки. М., 1986. № 4. С. 123.

¹⁰⁶ Подготовка востоковедов-исследователей велась также на учебном отделении восточных языков при Азиатском Департаменте Министерства иностранных дел России, однако монгольский язык и соответственно страноведение там не преподавались.

¹⁰⁷ Императорская военная академия была создана в 1832 г. С 1855 г. носила название Николаевская академия Генерального штаба (в память императора Николая I). С 1909 г. — Императорская Николаевская военная академия.

¹⁰⁸ Квантунская область — арендованная Россией у Китая на 25 лет территория на южной оконечности Ляодунского полуострова, включая военно-морской порт Порт-Артур (Люйшунь) и торговый порт Дальний (Далянь), была образована в 1899 г. согласно Русско-китайской конвенции (1898). Конвенция разрешила прокладку к этим портам железной дороги (Южно-Маньчжурская железная дорога) от одного из пунктов Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Действие конвенции было прекращено в связи с подписанием Портсмутского мирного договора между Российской империей и Японией (1905), завершившего Русско-японскую войну 1904–1905 гг. Согласно этому договору аренда Квантунской области отошла к Японии вместе с построенной Россией частью Южно-Маньчжурской железной дороги от Куаньчэнцзы до Порт-Артура и Дальнего со всеми сооружениями, военными верфями, арсеналами и укреплениями.

¹⁰⁹ См.: *Серов В. М.* Становление Восточного института // Известия Восточного института Дальневосточного Государственного университета. Владивосток, 1994. № 1. С. 20, 21, 34.

¹¹⁰ Урянхайский край — историческое название в XIX — начале XX века территории современной Тувы. До 1912 г. находился под властью Цинской династии; с 1914 г. до 1921 г. — под протекторатом России. В 1921 г. была провозглашена Народная Республика Танну-Тува, с 1926 г. — Тувинская Народная Республика. В 1944 г. была включена в РСФСР как Тувинская автономная область; в 1961 г. преобразована в Тувинскую АССР, с 1991 г. — Республика Тува, с 1993 г. — Республика Тыва в составе Российской Федерации.

¹¹¹ В настоящее время является частью территории Китайской Народной Республики.

¹¹² Эти заметки были опубликованы (Глава I) в книге Н.М. Пржевальского «От Кяхты на истоки Жёлтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима» (СПб., 1888). Как отмечал сам автор, «эта глава может служить детальным пополнением к описанию всех моих путешествий по Центральной Азии» (Указ. соч. С. 1).

¹¹³ *Пржевальский Н.М.* От Кяхты на истоки Жёлтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. С. 1.

¹¹⁴ Там же. С. 2.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же. С. 41, 2.

¹¹⁷ Там же. С. 3.

¹¹⁸ Там же. С. 5.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же. С. 6.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же. С. 7.

¹²³ Там же. С. 23.

¹²⁴ Там же. С. 56.

¹²⁵ Там же. С. 11.

¹²⁶ Там же. С. 17.

¹²⁷ Там же. С. 22.

¹²⁸ Там же. С. 42.

¹²⁹ При снаряжении четвертого (2-го Тибетского) путешествия Н.М. Пржевальский приобрел в Урге в ноябре 1883 г. 56 отличных, по его словам, верблюдов. См. также: *Гнатюк Т.Ю.* Экспедиционный транспорт русских путешественников по Центральной Азии в XIX — начале XX в. // *Altaica XIII*. М., 2008. С. 45–56.

¹³⁰ По опыту своих путешествий по Центральной Азии Н.М. Пржевальский считал, что лучшие проводники — монголы.

¹³¹ *Пржевальский Н.М.* От Кяхты на истоки Жёлтой реки. С. 50.

¹³² Там же. С. 52.

¹³³ Там же. С. 51.

- ¹³⁴ *Дубровин Н. Ф.* Николай Михайлович Пржевальский. Биографический очерк. С. 120, 143, 160–161.
- ¹³⁵ *Пржевальский Н. М.* Современное положение Центральной Азии. М., 1887. С. 10.
- ¹³⁶ Там же.
- ¹³⁷ Там же. С. 7.
- ¹³⁸ Там же. С. 8.
- ¹³⁹ Там же. С. 9.
- ¹⁴⁰ *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. С. 333.
- ¹⁴¹ Заметим, что непонимание специфики монгольского быта было весьма характерно для русских в XX веке, в советский период. На наш взгляд, причиной этого было прежде всего проецирование цивилизационных особенностей России на Монголию, представление о том, что европейская цивилизация всегда и обязательно должна быть выше азиатской цивилизации.
- ¹⁴² *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Жёлтой реки. С. 53.
- ¹⁴³ Там же. С. 54.
- ¹⁴⁴ См.: прим. 60, 62, 63, 64.
- ¹⁴⁵ *Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1–2. СПб., 1896–1898; *Он же.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887; *Он же.* Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1880 и др.
- ¹⁴⁶ *Потанин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению ИРГО членом-сотрудником онаго Г. Н. Потаниным. Вып. 1–4. СПб., 1881–1884; *Он же.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г. Н. Потанина 1884–1886. Т. 1–2. СПб., 1893.
- ¹⁴⁷ *Баторский А. А.* Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 1. СПб., 1889; Ч. 2. СПб., 1891.
- ¹⁴⁸ *Кушелев Ю.* Монголия и монгольский вопрос. СПб., 1912.
- ¹⁴⁹ *Харламов С. Д.* Монголия. Иркутск, 1914 (Иркутский военный округ. Военно-географическое и военно-статистическое описание приграничной полосы. Вып. 2).

Глава II

¹⁵⁰ Артамонов Николай Дмитриевич (1840–1918) — генерал от инфантерии, геодезист и картограф, начальник Военно-топографического училища, начальник Корпуса военных топографов (1903–1911), член Русского астрономического общества, Русского географического общества. В 1886 г. был назначен начальником Военно-топографического училища, в 1903 г. — начальником Военно-топографического управления Главного штаба.

¹⁵¹ АВПРИ, фонд 143 «Китайский стол», оп. 491, д. 593 (1905 г.) «О посылке в Ургу топографической экспедиции», л. 5.

¹⁵² На наш взгляд, представляет интерес следующее наблюдение современного путешественника по Монголии Ф. Петрова: «Первое — не стоит показывать монголам карту. Сами они картами, как правило, не пользуются. Увидев ее, — очень радуются, собираются вокруг всей толпой и долго изучают, высказывая самые положительные эмоции по поводу каждого узанного на карте названия. Потом нехотя возвращают такую интересную вещь и начинают показывать руками прямо на местности, куда и как нам надо ехать. Исключение составляют только городские жители, а в сельских районах карту лучше не доставать — лишняя потеря времени. Второе, — когда задаешь вопрос о направлении движения, не надо показывать рукой в ту сторону, которую ты считаешь правильной. Монголы — люди очень доброжелательные, они не будут с тобой спорить и, скорее всего, согласятся, что надо ехать именно туда, куда ты показал. Тем более что, даже если ты показал не на ту дорогу, то ведь и по ней можно добраться, в конечном счете, до нужного тебе места, — просто совершив некоторый крюк или круг. Поэтому, задавая вопрос, руки надо держать по швам и ждать, пока они сами не покажут тебе дорогу» (См.: <http://www.travelling.lv/ru/mongolia/roads>). С того времени, о котором мы рассказываем, многое изменилось в Монголии, да и сами монголы тоже изменились, но эта особенность — не пользоваться картами, как видим, сохранилась до сих пор.

¹⁵³ Потанин Григорий Николаевич (1835–1920) — русский географ, этнограф, исследователь Центральной Азии и Сибири. Совершил пять экспедиций в Центральную Азию. **Первая монгольская (Тарбагатайская) экспедиция** (1876–1878) по поручению РГО исследовала Северо-Западную Монголию. Ее участники (Г.Н. Потанин, его жена этнограф и художник А.В. Потанина, топограф П.А. Рафаилов, монголовед А.М. Позднеев, зоолог М.М. Березовский, препаратор А. Коломийцев) прошли от Зайсанского

поста через Чугучак, Кобдо, Монгольский Алтай и Восточный Тянь-Шань до г. Хами. Обратный путь пролегал через горы Тянь-Шаня и Монгольского Алтая до г. Улясутай, южной оконечности озера Хубсугул (Косогол) и заканчивался в г. Кобдо. **Вторая монголо-тувинская экспедиция** (1879–1880) в составе которой были Г.Н. Потанин, А.В. Потанина, археолог и этнограф А.В. Адрианов, топограф П.Д. Орлов, переводчики Чивалков и Палкин, прошла по маршруту от села Кош-Агач в России через хребет Сайлюгем до поселка Улангом. Затем участники экспедиции направились на юг, к Монгольскому Алтаю. Вернувшись в Улангом, экспедиция прошла на север через хребет Танну-Ола до верховьев Енисея. Возвращались участники экспедиции через горные хребты Сангилен и Восточный Саян. Западнее озера Хубсугул экспедиция вышла к Иркутску. **Третья экспедиция (Первая китайско-тибетская, Тангутско-Тибетская, или Ганьсуйская)** (1884–1886) в составе Г.Н. Потанина и А.В. Потаниной, топографа А.И. Скасси, М.М. Березовского по поручению РГО исследовала две северные провинции Китая и Ордос (Внутренняя Монголия), восточную окраину Тибета, окрестности озера Кук-нор, горы Нань-Шаня. Возвращалась экспедиция через территорию центральной Монголии. **Четвертая экспедиция (Вторая китайско-тибетская, или Сычуаньская)** (1892–1893), в состав которой входили Г. Н. и А.В. Потанины, М.М. Березовский, коллектор В.А. Кошкарев, Б.П. Рабданов в качестве переводчика, геолог В.А. Обручев, по поручению РГО продолжила изучение восточной окраины Тибета; она исследовала Сиань, Баонин, Чэнду, Кандин (Дадзянлу), Сычуань. По долине р. Янцзыцзян экспедиция прошла до Ханькоу, где закончила свою работу. **Пятая экспедиция (Хинганская, 1899)**; ее участники Г.Н. Потанин, В.К. Солдатов, А.М. Звягин, Ш.Б. Базаров исследовали горный массив Большой Хинган.

¹⁵⁴ Отчет П.Д. Орлова об этой поездке под названием «Топографическое описание пути, пройденного по северо-западной Монголии в 1879 году, штабс-капитаном Корпуса Военных Топографов Орловым» в «Сборнике материалов по Азии» (Вып. 7. СПб., 1884).

¹⁵⁵ Орлов П.Д. Указ. соч. С. 3.

¹⁵⁶ Вот как П.Д. Орлов описывает реку Улу-кем, к которой только что подошел отряд: «Было темно, когда мы остановились на ее берегах, но мы не отказались пробраться по густым зарослям леса, растущего в нижней части долины, к самому берегу реки Улу-кема. Долго мы любовались на струившуюся широкую полосу воды, уносившуюся далеко в родную землю» (Орлов П.Д. Указ. соч. С. 27–28).

¹⁵⁷ Орлов П. Д. Указ. соч. С. 5.

¹⁵⁸ Дербеты (дурбаны, дурбеты, дурботы, дёрвюды) — этногруппа западных монголов (ойратов), проживающая в основном на западе Монголии. Занимаются скотоводством и земледелием.

¹⁵⁹ Орлов П. Д. Указ. соч. С. 6.

¹⁶⁰ Хурээ — большой монастырь; зд. стан, лагерь.

¹⁶¹ Кирпичный чай — низший сорт китайского зеленого чая, с помощью специального клея спрессованный в плитки, формой похожие на кирпичи. Этот чай производят в северных провинциях Китая. Для кирпичного чая собираются только грубые либо слегка огрубевшие побеги зеленого чая. У монголов, которые сами не занимались производством чая, кирпичный чай из Китая пользовался большой популярностью. Они познакомились с этим чаем в силу географического соседства еще в X веке. Монголы переняли один из ранних китайских способов приготовления чая, при котором чайные листья варились. Этот чай обычно используется монголоязычными народами для приготовления специального напитка — «монгольского (калмыцкого) чая», в который добавляют соль, молоко, масло или бараний жир, муку.

¹⁶² 1 верста = 1,0668 км.

¹⁶³ Монгольское название озера — Хяргас-Нуур, совр. русск. Хяргас-Нур или Хиргис-Нур. Расположено в Котловине Больших Озер на западе Монголии.

¹⁶⁴ Небольшой храм, святилище.

¹⁶⁵ Орлов П. Д. Указ. соч. С. 12.

¹⁶⁶ Мингиты (мянгаты) — монгольская народность (племенная группа). Г. Н. Потанин писал, что «мингиты считают себя частью народа танну-урианхай», т. е. тувинцев, живущих севернее Танну-Ола (Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883. С. 7).

¹⁶⁷ Орлов П. Д. Указ. соч. С. 18.

¹⁶⁸ Там же. С. 19.

¹⁶⁹ Дунгане — народ, являющийся потомками китаеязычных мусульман хуэйцзу. Ныне проживают в Центральной Азии, КНР и России.

¹⁷⁰ Орлов П. Д. Указ. соч. С. 19–20.

¹⁷¹ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879–1880 годах. Вып. 3. СПб., 1883. С. 111–156.

¹⁷² Сажень = 2,1336 м.

¹⁷³ Адрианов (Андреанов) Александр Васильевич (1854–1920) — географ, этнограф, археолог, натуралист. В 1879–1881 гг. участвовал во 2-й экспедиции Г. Н. Потанина в Монголию в качестве коллектора-натуралиста, занимаясь также описанием памятников древности.

¹⁷⁴ Орлов П. Д. Указ. соч. С. 31.

¹⁷⁵ Нойон (монг. *ноён* — господин, князь) — светский феодал в Монголии. В XI — первой половине XII века нойоны были предводителями древних монгольских аристократических родов; во второй половине XII века — представители феодализирующейся знати. При маньчжурском господстве (XVII — начало XX в.) нойоны различных ступеней и рангов были лишены политической самостоятельности, которую восстановили в 1911–1919 гг. После Монгольской народной революции 1921 г. были отстранены от власти.

¹⁷⁶ Рафаилов Петр Алексеевич (1848–1926), подпоручик; в 1876–1877 гг. принимал участие в Первой монгольской экспедиции Г. Н. Потанина, производил астрономические определения и маршрутные съемки, по результатам которых в 1883 г. составил 50-верстную карту Северо-Западной Монголии. За работу в Монголии удостоен пожизненной пенсии в размере 200 рублей. Произведен в генерал-майоры в 1909 г.

¹⁷⁷ Орлов П. Д. Указ. соч. С. 36.

¹⁷⁸ Дзангин (маньчж. *чжангинь*, монг. *занги*) — зд. начальник пикета. Общее название чинов штаб-офицерского разряда; начальник отделения в министерствах.

¹⁷⁹ 1 аршин = 0, 7112 см.

¹⁸⁰ Минус 25° по шкале Цельсия.

¹⁸¹ Орлов П. Д. Указ. соч. С. 46.

¹⁸² Там же. С. 47.

¹⁸³ Зайсан — титул западномонгольских (ойратских или джунгарских) ханов.

¹⁸⁴ Дархаты — один из народов Монголии. Проживают на севере страны, в Дархатской котловине Хубсугульского аймака.

¹⁸⁵ Обо (монг. *овоо*) — культовые места в культуре монголов, бурят, хакасов, тувинцев и других тюрко-монгольских народов. Место поклонения местным духам, родовым или территориальным. Представляют собой кучи из камней или дерева, украшенные ленточ-

ками или флажками. Обо располагаются на дорогах, на горных перевалах, у озёр, источников, на берегах рек.

¹⁸⁶ Орлов П. Д. Указ. соч. С. 54.

¹⁸⁷ Мирошниченко Семен Тарасович (1833–1902) — генерал-лейтенант Генерального штаба. Военный топограф, геодезист; участник рекогносцировок в Западной Сибири, на Алтае, в Иркутской губернии.

¹⁸⁸ Евтюгин Иван Алексеевич (1852–1902), полковник Генерального штаба. Служил в Восточно-Сибирском ВО, затем Приамурском ВО, Иркутском ВО, Главном штабе. Внес заметный вклад в изучение военно-географических условий Внутренней Азии, прежде всего Маньчжурии.

¹⁸⁹ Халха (Внешняя Монголия) (от монг. *халх* — щит, прикрытие) — историческое название территории Северной Монголии, расположенной к северу от пустыни Гоби. Халха (халха-монголы, халхасцы) — народ, составляющий основное население Монголии.

¹⁹⁰ Евтюгин И. А. Краткая записка о путях, ведущих из Забайкальской области в г. Пекин, пройденных летом 1882 г. // Сборник материалов по Азии. Вып. 1. СПб., 1883. С. 322–336.

¹⁹¹ Первая дорога пролегла от Кулусутаевского караула, через Керулюн, Долон-Нор и Калган до Пекина, вторая — от Старо-Цурухайтуевского караула, через Хайлар, Долон-Нор, Шаро-хото, Губей-коу до Пекина. Обе они лишь частично проходили по Восточной Монголии, а в основном — по территории Китая.

¹⁹² Евтюгин И. А. Указ. соч. С. 323.

¹⁹³ Там же. С. 325.

¹⁹⁴ Там же. С. 328–329.

¹⁹⁵ Там же. С. 329.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ «О возможной войне с Китаем» (С. 293–306), «Разбор пограничных районов Притяньшаньского, Ургинского и Амурского» (С. 307–317), «Дополнение к обоим запискам полковника Пржевальского» (С. 317–321).

¹⁹⁸ *Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д.* Неизвестный Пржевальский // Ариаварта. СПб., 1997. № 1. С. 208.

¹⁹⁹ Там же. С. 217–218. См.: *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Жёлтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. 509. Свои взгляды

на роль России в Центральной Азии Н. М. Пржевальский изложил в записке, хранящейся в Архиве РГО (фонд 13, оп. 1, д. 55, л. 1–3).

²⁰⁰ Сборник материалов по Азии. Вып 1. С. 294.

²⁰¹ Там же. С. 295.

²⁰² Там же. С. 301.

²⁰³ Там же. С. 304.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же. С. 304–305.

²⁰⁶ Баторский Александр Александрович (1850–1897), полковник Генерального штаба. В 1888 г. по заданию ГШ совершил продолжительную экспедицию в Монголию. Внес существенный вклад в изучение Монголии.

²⁰⁷ См.: *Баторский А. А.* Опыт военно-статистического очерка Монголии. Ч. 1–2. СПб., 1889–1891. Эта работа была также издана в Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии (Вып. 37. СПб., 1889; Вып. 48. СПб., 1891).

²⁰⁸ А. А. Баторский отметил, что в разделе о торговле он «заимствовал» сведения у М. В. Певцова и Я. П. Шишмарева.

²⁰⁹ *Баторский А. А.* Опыт военно-статистического очерка Монголии. Ч. 1. // Сборник материалов по Азии. Вып. 37. СПб., 1889. С. VII.

²¹⁰ *Баторский А. А.* Опыт военно-статистического очерка Монголии. Ч. 2. СПб., 1891. С. 134.

²¹¹ Там же. С. 140.

²¹² Бернов Эммануил Иванович (1854–1907) — подполковник, полковник (1893) кавалергардского полка, впоследствии генерал-майор. В 1888 г. назначен адъютантом к командующему войсками Приамурского военного округа. В 1889 г. произведен в подполковники. С 6 февраля по 9 августа 1889 г. находился в командировке для сбора сведений от границы Приамурского края до Пекина. В 1905 г. был назначен командующим Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизией.

²¹³ *Бернов Э. И.* Поездка подполковника Бернова в Монголию и Маньчжурию в 1889 году // Сборник материалов по Азии. Вып. 45. СПб., 1891. С. 1.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же. С. 2.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ 1 фут = 0,3048 м.

²¹⁸ *Бернов Э. И.* Указ. соч. С. 4–5.

²¹⁹ Там же. С. 6.

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же. С. 7.

²²² Там же. С. 25.

²²³ Путья Дмитрий Васильевич (1855–1915), генерал-лейтенант Генерального штаба. Служил в Туркестанском Военном округе, военным агентом в Китае, начальником Азиатской части Главного штаба, военным губернатором Амурской области. Выдающийся востоковед, исследователь Центральной Азии, Китая, Монголии и Кореи.

²²⁴ *Путья Д. В.* Предварительный отчет об экспедиции в Хинган в 1891 г. // Сборник материалов по Азии. Вып. 50. СПб., 1892. С. 151.

²²⁵ Там же. С. 149.

²²⁶ Там же. С. 152.

²²⁷ Там же. С. 168.

²²⁸ Оротектоника (от греч. *oros* — гора, *tektonikos* — относящийся к строительству) — отрасль геологии, изучающая развитие структур и тектонических движений горных образований.

²²⁹ *Путья Д. В.* Предварительный отчет об экспедиции в Хинган в 1891 г. С. 169.

²³⁰ *Путья Д. В.* Заметка об операционном направлении в районе Хингана // Сборник материалов по Азии. Вып. 50. С. 183–191.

²³¹ Стрельбицкий Иван Иванович (1860–1914), генерал-майор Генерального штаба. Служил при управлении 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, военным агентом в Корее, в Главном управлении Генерального штаба.

²³² *Стрельбицкий И. И.* Отчет о семимесячном путешествии по Монголии и Маньчжурии в 1894 году (Хулумбур и Хинган) // Сборник материалов по Азии. Вып. 67. СПб., 1896. С. 59.

²³³ Там же. С. 60.

²³⁴ Там же. С. 55.

²³⁵ *Коншин.* Монголия. Джеримский сейм. Составил Заамурского Округа поручик Коншин Изд. 2-е. Харбин, 1906.

²³⁶ Там же. С. 7.

²³⁷ Баранов А.М. Северо-Восточные сеймы Монголии. Харбин, 1907. С. 2–3 (*Материалы по Маньчжурии и Монголии*. Вып. 16).

²³⁸ См.: Сизова А.А. Противодействие учреждений МИД России в Монголии японской разведке в начале XX в. // *Общество и государство в Китае*. Т. 43. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2013. С. 176–185.

²³⁹ Глушков В.В., Шаравин А.А. На карте Генерального штаба — Маньчжурия. Накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 2000. С. 12.

²⁴⁰ АВПРИ, фонд 188, опись 761, дело 367, л. 5.

²⁴¹ Попов Виктор Лукич (1864 — после 1935), капитан. Служил в Сибирском военном округе, при штабе тыла Маньчжурских армий, при штабе Иркутского Военного округа, начальником штаба 7-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. В 1910 г. возглавлял Московскую торговую экспедицию в Монголию. В 1916 г. произведен в генерал-майоры Генерального штаба.

²⁴² Гипсометрические измерения позволяют создать геометрически точное изображение рельефа с помощью горизонталей и раскраски (по определенной цветовой шкале) высотных ступеней.

²⁴³ Попов В.Л. Через Саяны и Монголию. Ч. 1. Омск, 1905. С. 151.

²⁴⁴ Попов В.Л. Через Саяны и Монголию. Ч. 1. С. 11. Но все же члены отряда, видимо, болели во время путешествия, так как, по словам Попова, лекарствами они пользовались: «Чаще всего требовались: хина, слабительные порошки, горчичники, йод, коллодиум, согревающие компрессы, борная кислота...» (Там же. С. 12). А вот как одевались путешественники: «Кожаная шведская куртка, кожаные туркестанские чембары (кожаные шаровары) и в холодный день, сверх куртки, обыкновенный крестьянский армяк; осенью, а в высоких горах и летом — короткий меховой сюртук офицерского покроя из овчины барнаульской выделки...; зимою из той же овчины — шаровары. На ноги: болотные сапоги, а еще лучше “ичеги”, хорошо иметь сапоги из бурки, их удобно одевать на ночь, а обшитые хорошей кожей по ступни и с крепкою толстою подошвою, — они могут служить и зимою; в эти же бурочные сапоги можно надевать еще меховые чулки. На голову: летом офицерскую белую фуражку, осенью легкую маленькую суконную шапочку, а зимою папаху» (Там же. С. 11–12).

²⁴⁵ Там же. С. 151.

²⁴⁶ Попов В. Второе путешествие в Монголию 1910 года. Ч. 3. Исследование границы на участке Кяхта — Алтай. Иркутск, 1910.

²⁴⁷ А. М. Баранов долгое время проживал на западной ветке КВЖД, сумел завязать хорошие отношения с монгольскими властями и заслужил их доверие. Совершил несколько военно-географических экспедиций в Монголию. С 1906 г. служил в органах разведки Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи.

²⁴⁸ *Баранов А. М.* Северо-Восточные сеймы Монголии. С. I.

²⁴⁹ *Баранов А. М.* Монголия. Барга и Халха. Харбин, 1905. С. 26 (*Материалы по Маньчжурии и Монголии*. Вып. 2).

²⁵⁰ Ямынь (кит. — казенное учреждение) — различные государственные учреждения в Китае и Монголии. Также — чиновник, ведавший отношениями между китайцами и монголами.

²⁵¹ *Баранов А. М.* Монголия. Барга и Халха. С. 28.

²⁵² Хунхузы — члены организованных банд, действовавших в Маньчжурии (Северо-Западный Китай) и на прилегающих территориях российского Дальнего Востока, Монголии и Кореи во 2-й половине XIX — 1-й половине XX в.

²⁵³ *Баранов А. М.* Монголия. Барга и Халха. С. 31.

²⁵⁴ *Баранов А. М.* Северо-Восточные сеймы Монголии. С. II–III.

²⁵⁵ Там же. С. IV.

²⁵⁶ Новицкий Василий Федорович (1869–1929), генерал-лейтенант Генерального штаба. Служил во 2-й Маньчжурской армии. Участник Русско-японской войны. Выдающийся военный востоковед и путешественник. Действительный член РГО.

²⁵⁷ Ресин Александр Алексеевич (1857–1933), генерал-лейтенант, участник Русско-турецкой войны (1877–1878), Первой мировой войны (1914–1918). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В 1884–1888 гг. — адъютант командующего войсками Приамурского военного округа.

²⁵⁸ *Новицкий В. Ф.* Путешествие по Монголии, в пределах Тушетухановского и Цецен-хановского аймаков Халхи, Шилин-гольского чигулгана и земель чахаров Внутренней Монголии, совершенное в 1906 году. СПб., 1911. С. 3.

²⁵⁹ *Дорофеев И. В.* Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию Прикомандированного к Штабу Омского военного округа Подъесаула 1-го Сибирского Казачьего Ермака Тимофеева полка Дорофеева. Под редакцией Начальника штаба Омского военного округа Генерального штаба генерал-лейтенанта Ходоровича. Омск, 1912. С. 1.

²⁶⁰ Там же. С. 26.

²⁶¹ Амбань — маньчж. *сановник*.

²⁶² *Дорофеев И. В.* Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию. С. 43.

²⁶³ Там же. С. 47.

²⁶⁴ Там же. С. 49.

²⁶⁵ *Певцов М. В.* Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. С. 17.

²⁶⁶ Там же. С. 57.

²⁶⁷ Там же. С. 66.

²⁶⁸ Тонких Иван Васильевич (1877–1939), окончил Иркутское пехотное юнкерское училище. Служил в 1-м Верхнеудинском полку Забайкальского казачьего войска. Участник военного похода в Китай (1900–1901), Русско-японской войны (1904–1905). В 1908 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Возглавлял разведывательное отделение Управления генерал-квартирмейстера Иркутского военного округа. Помощник начальника разведывательного отделения штаба того же округа (1911–1913). Участник Первой мировой войны. Командир 1-го Верхнеудинского казачьего полка, начальник штаба 1-й Забайкальской казачьей дивизии. Полковник (1916). Участник Гражданской войны в армии А. В. Колчака, начальник штаба дивизии, корпуса, армии, группы войск (лето 1919). Некоторое время находился на Дальнем Востоке, а затем эмигрировал в Китай. Генерал-майор (1919). По собственной инициативе стал сотрудником аппарата военного атташе при полпредстве СССР в Китае (1924–1927); помощник начальника штаба группы советских военных советников, работал в пекинской резидентуре Разведуправления штаба РККА. В 1928 г. выехал на родину. Находился в распоряжении Разведуправления штаба РККА (1928). В 1935 г. уволен со службы в РККА. Репрессирован в 1937 г. Реабилитирован в 1992 г. (Подробнее см.: *Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я.* Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 760).

Капитан Тонких И. В. побывал в поездках по Монголии в июне 1909 г., июне, июле и октябре 1910 г., сентябре и октябре 1912 г.; служил там два года.

²⁶⁹ *Тонких И. В.* Материалы по описанию Монголии. Отчет о поездке в Северную Монголию Генерального Штаба Капитана Тонких в сентябре и октябре 1912 года. Иркутск, 1913.

²⁷⁰ Там же. С. 96.

²⁷¹ Там же. С. 97.

²⁷² Там же.

Глава III

²⁷³ Милютин Д.А. Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. СПб., 1846. С. 61–62.

²⁷⁴ Сосновский Юлиан Адамович (1842–1895), полковник Генерального штаба. В 1871 г. принимал участие в рекогносцировке российско-китайской границы в Семипалатинской области. В 1872 г. по распоряжению командующего войсками Западной Сибири провел рекогносцировку и собрал военно-статистические сведения о долине р. Черный Иртыш в Западном Китае. В 1874–1875 гг. возглавлял учено-торговую экспедицию в Китай. Действительный член РГО. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., где под командованием Сосновского русские войска при переходе через Балканские горы взяли Троянов перевал, до того считавшийся непроходимым для войск. За этот подвиг был награжден Георгиевским крестом. В 1883 г. подал в отставку в связи с обвинениями в неумелом руководстве учено-торговой экспедицией и был уволен со службы.

²⁷⁵ См.: Курныкина Г.И. Из истории учено-торговой экспедиции 1874–1875 гг. (или «Наглядное знакомство с Китаем») // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкина. Барнаул, 2003. С. 149–161.

²⁷⁶ Пясецкий Павел Яковлевич (1843–1919), доктор медицины, коллежский советник. Путешественник, художник, писатель. Поступил на военную службу в 1872 г. Служил по Военно-медицинскому управлению до 1883 г.; уволен по собственному прошению. В 1873 г. был вольнослушателем Академии художеств. В 1874–1875 гг. принимал участие в учено-торговой экспедиции в Китай. Во время экспедиции собрал богатейшие этнографические, зоологические, ботанические, геологические коллекции, которые передал РГО, Академии наук и Петербургскому университету, а также сделал более 1000 рисунков и акварелей. Участвовал в Русско-турецкой войне (1877–1878). В 1894–1900 гг. изготовил панораму Транссибирской магистрали длиной более 900 м, которая была представлена на Всемирной выставке 1900 г. в Париже и удостоена высшей награды выставки — Гран-при. 1903 г. в свите военного министра А.Н. Куропаткина путешествовал по Дальнему Востоку, Маньчжурии и Японии. См. о нем также: Сосновская И.А. Павел Яковлевич Пясецкий: доктор медицины, путешественник, писатель, художник // www.gosarchiv-orel.ru/docs/Pavel%20Yakovlevich%20Pyasetckii.pdf

²⁷⁷ Матусовский Зиновий Лаврович (1842–1904), полковник — известный путешественник, картограф, топограф, исследователь Китая и Северо-Западной Монголии. В 1863 г. был прикомандирован к штабу Западно-Сибирского военного округа. Штатный топограф штаба Западно-Сибирского ВО; в распоряжении Военно-топографического отдела Западно-Сибирского ВО (1869). В 1876 г. прикомандирован к Главному штабу для картографических занятий в Военно-топографическом отделе; в 1887 г. переведен в Корпус военных топографов.

²⁷⁸ Боярский Адам (Адольф) Эразмович. Во время экспедиции сделал около 200 снимков, в основном в Китае, которые легли в основу уникальных материалов для изучения этой страны того времени. Большая часть фотоснимков вошла в альбом, который позже стал частью коллекции фотографий императрицы Терезы Кристины Марии, собранной ее супругом императором Бразилии Педру II (1825–1891) и завещанной им Национальной библиотеке Бразилии. А. Э. Боярский изобрел ракету для воздушного фотографирования (1905).

²⁷⁹ *Сосновский Ю.* Русская учено-торговая экспедиция в Китай в 1874–1875 годах. СПб., 1876. С. 3. Кроме вышеназванных задач экспедиция должна была «собрать возможно полные данные о так называемом дунганском движении, которые давали бы возможность определить будущую политическую судьбу охваченных инсurreкцией местностей» (там же), т. е. осуществить военную разведку.

²⁸⁰ *Boikova E.* The Scientific and Artistic Heritage of P. Pyasetskyj // Proceedings of the 38th Permanent International Altaistic Conference (PIAC). Wiesbaden 1996. P. 107–114; *Boikova E.* P. Pjasetskyj About His Stay in Mongolia in 1874 // Études mongoles et sibériennes. Paris 1996. Cahier 27. Actes de la 37e P.I.A.C. P. 263–273; Бойкова Е.В. Русская учено-торговая экспедиция в Китай (1874–1875). Материалы о Монголии // *Altaica* II. М., 1998. С. 18–26.

²⁸¹ *Пясецкий П. Я.* Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. [Через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай]. Из дневника члена экспедиции. В 2-х т. СПб., 1880. Работа была впоследствии издана на английском и французском языках: *Piassetsky P.* Voyage à travers la Mongolie et la Chine. Paris, 1883; *Piassetsky P.* Russian travellers in Mongolia and China. London, 1884.

²⁸² Звание присуждалось за выдающиеся заслуги в области искусства художникам, скульпторам, архитекторам и граверам, историкам и теоретикам искусства, художественным критикам и коллекционерам как российским, так и зарубежным.

²⁸³ Большая золотая медаль отделений этнографии и статистики была учреждена в 1879 г.; награждение прекращено после 1930 года. Медалью награждались исследователи, изучавшие «людей, обитающих Россию», и сопредельные государства.

²⁸⁴ *Пясецкий П. Я.* Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай. Из дневника члена экспедиции. В 2-х т. Изд. 2-е. М., 1882.

²⁸⁵ Вспомним совет Н. М. Пржевальского, касавшийся тщательного подбора членов экспедиции: «В особенности важно устройство, так сказать, организма самой экспедиции. От большей или меньшей удачи выбора спутников и их отношений к руководителю дела всегда будет много, даже очень много зависеть весь ход предприятия» (*Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. 3).

²⁸⁶ *Пясецкий П. Я.* Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. Т. 2. М., 1882. С. 585.

²⁸⁷ *Сосновский Ю. А.* Экспедиция в Китай 1874–75 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1883. С. II–III.

²⁸⁸ *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. М., 1950. С. 10.

²⁸⁹ *Пясецкий П. Я.* Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. Т. 1. СПб., 1880. С. 27.

²⁹⁰ Там же. С. 32–33.

²⁹¹ Там же. С. 76.

²⁹² Там же. С. 35.

²⁹³ Там же. С. 52.

²⁹⁴ *Матусовский З. Л.* Географическое обозрение Китайской империи с картою на четырех листах и пятью приложениями в тексте. СПб., 1888.

²⁹⁵ *Матусовский З. Л.* Карта к географическому обозрению Китайской империи, составленная по современным сведениям Матусовским и Никитиным. (Масштаб: 125 верст в дюйме). СПб., 1888.

²⁹⁶ *Матусовский З. Л.* Географическое обозрение Китайской империи. С. 276.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Худон (монг. *хөдөө*) — сельская местность.

²⁹⁹ Аймак (монг. *аймаг*) — монгольское родоплеменное образование, современная административная единица Монголии. Во время цинского правления Монголия подразделялась на 4 аймака — Тушэту-ханский, Сайн-нойон-ханский, Дзасакту-ханский, Цэцэн-ханский (в работах некоторых военных исследователей названия этих аймаков приводятся в ином написании — Тушэту-хановский, Сайн-нойон-хановский, Дзасакту-хановский, Цэцэн-хановский) и расположенный на западе страны пограничный Кобдоский округ. Аймаки делились на *хошуны*, которые подразделялись на *сомоны* (административно-территориальная единица), а те, в свою очередь, — на *баги* (административно-территориальная единица в составе сомона).

³⁰⁰ Улус — зд. родовой союз монголов, кочующий в зависимости от времени года, урожая, наличия кормов и воды в том или ином месте. В пределах определенных для кочевания территорий передвижение было свободным.

³⁰¹ *Матусовский З.* Географическое обозрение Китайской империи. С. 303.

³⁰² Здесь и далее в скобках указана дата экспедиции.

³⁰³ Урянхайцы (урянхи) — название нескольких этнических групп в современной Монголии. В прошлом урянхайцами (танну-урянхайцами) называли тувинцев. Урянхайский край — (русск. Тува, совр. Тыва) до 1912 г. находился под властью цинского Китая в составе его монгольских владений и назывался Танну-Урянхай; управлялся Китайской палатой внешних сношений. После Синьхайской революции в Китае (1912–1913) тувинские нойоны несколько раз обращались к царскому правительству с просьбой принять Туву под протекторат Российской империи. В 1914 г. край был включен в состав Енисейской губернии с передачей ведения в Туве политических и дипломатических дел Иркутскому генерал-губернатору.

³⁰⁴ *Орлов П. Д.* Топографическое описание пути, пройденного по северо-западной Монголии в 1879 году штабс-капитаном Корпуса военных топографов Орловым // Сборник материалов по Азии. Вып. 7. СПб., 1884. С. 5.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Там же. С. 13.

³⁰⁷ Там же. С. 9.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Там же. С. 26–27.

³¹⁰ Там же. С. 27.

³¹¹ Там же.

³¹² Там же. С. 36–37.

³¹³ Хошун (монг. *хөшөө*) — административная единица в Монголии с XVI века по 1931 г. При маньчжурском господстве (1691–1911) основная военно-административная единица и одновременно феодальный удел, княжество во главе с наследственным князем — *дзасаком*. В военном отношении при маньчжурах хошун приравнялся к ополчению численностью примерно в дивизию. В годы автономии (1911–1919) хошун представлял собой самоуправляющееся феодальное княжество.

³¹⁴ Хутухта — один из важнейших титулов, который жаловался в Монголии буддийским хубилганам («перерожденцам»). Титула хутухты удостоивались только те княжеские сыновья, которые получали духовное образование, а к середине XVII века хутухта стал считаться высшим титулом среди лиц духовного звания.

³¹⁵ Шабинары («духовные ученики») — сословная группа крепостного аратства в феодальной Монголии, личные крепостные церковных феодалов. В обязанности шабинаров входило выполнение повинностей в пользу высших лам, уход за монастырским скотом. А. М. Позднеев писал: «Шабинское ведомство: у халхаских или северо-монгольских князей издавна существовал обычай строить храмы и дарить их хутухте с тем, чтобы почитаемый всеми перерожденец жил в них и молился за народное благо. Устроив подобный храм, каждый из князей отделял из числа своих данников несколько семей и также передавал их на вечное владение хутухте. Эти семьи теперь уже составляют отдельное ведомство, называемое Шабинским» (Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1880. С. 19).

³¹⁶ Отог — феодальный удел в средневековой Монголии.

³¹⁷ Зайсан — титул западно-монгольских (джунгарских) ханов.

³¹⁸ Орлов П. Д. Указ. соч. С. 50.

³¹⁹ Знамя — зд. военный корпус. «Восемь знамён» — маньчжурский принцип административного деления, совмещающий военные и гражданские элементы, неотъемлемая часть государственности в Цинской империи. По мере завоевания маньчжурами земель, населенных монголами, в дополнение к маньчжурским корпусам начали создаваться монгольские. С 1622 г. воюющие вместе с маньчжурами монгольские отряды организовывались по образцу маньчжурской восьмизнаменной армии. К 1635 г. было создано восемь монгольских *знамён*. Все мужчины-монголы (кроме лам, которые

освобождались от воинской повинности) в возрасте от 18 до 60 лет считались солдатами-ополченцами (*цириками*), и по первому требованию маньчжурских властей каждая административная единица должна была выставлять и содержать вооруженных всадников в полной экипировке, из расчета один воин от десяти семей. Воинские подразделения формировались на базе сомонов и багов и сводились в общие части в рамках хошуна. Войска хошунов входили в состав корпусов-*знамён*, которые формировались в аймаках. Основными функциями монгольского ополчения были несение караульной службы на границах с Россией и участие в операциях маньчжурской армии в Китае. На военную службу привлекалась значительная часть производительного населения Халхи.

³²⁰ Сборник материалов по Азии. Вып. 7. С. 35–36.

³²¹ Костенко Лев Феофанович (1841–1891) — генерал-майор Генерального штаба. Более 20 лет служил в Туркестанском крае. Заведовал Азиатской частью Главного штаба; участник туркестанских походов. Известный военный востоковед. Действительный член РГО.

³²² Джунгария — географическая и историческая область Центральной Азии в северном Синьцзяне на северо-западе Китая. Джунгария ограничена с северо-запада рядом хребтов, высочайшим из которых является Джунгарский Алатау, с северо-востока — Монгольским Алтаем, и Тянь-Шанем — с юга. Крайний восток равнины переходит в Монгольскую Гоби.

³²³ Таранчи — устаревшее название уйгуров.

³²⁴ Костенко Л. Ф. Чжунгария. Военно-статистический очерк // Сборник материалов по Азии. Вып. 28. СПб., 1887. С. 96–97.

³²⁵ Там же. С. 105.

³²⁶ Там же. С. 93.

³²⁷ Там же. С. 94–95.

³²⁸ Там же. С. 95.

³²⁹ По этому трактату, часть территории бывшей Илийской провинции, между реками Борохудзир и Хоргос и далее на юг, была оставлена за Россией, чтобы дать возможность местному населению (в случае, если они не захотят оставаться подданными Китая) переселить в российские пределы.

³³⁰ Путята Д. В. Предварительный отчет об экспедиции в Хинган в 1891 г. // Сборник материалов по Азии. Вып. 50. СПб., 1892. С. 173.

³³¹ Там же. С. 174.

³³² Там же.

³³³ См.: *Кудинов И. Ф.* В чужих краях. Путешествие по Монголии и Китаю. М., 1887. С. 126; Московская торговая экспедиция. М., 1912. С. 139. Б. И. Имшенецкий, побывавший в Монголии уже в начале XX века, писал следующее: «Монголы, видя в каждом нашем соотечественнике ученого и обязательно “доктора”, при проезде русского по их стране одолевают его на каждой остановке с просьбой помочь в болезнях, обнажая при этом свои язвы» (*Имшенецкий Б. И.* Монголия. Пг., 1915. С. 26).

³³⁴ *Путята Д. В.* Указ. соч. С. 174.

³³⁵ Там же.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Там же. С. 175.

³³⁸ *Стрельбицкий И. И.* Отчет о семимесячном путешествии по Монголии и Маньчжурии в 1894 году (Хулумбур и Хинган) // Сборник материалов по Азии. Вып. 67. СПб., 1896. С. 42.

³³⁹ Там же. С. 44.

³⁴⁰ *Баторский А. А.* Опыт военно-статистического очерка Монголии. Ч. 1. СПб., 1889; Ч. 2. СПб., 1891.

³⁴¹ *Баторский А. А.* Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 2. СПб., 1891. С. IV.

³⁴² Там же. С. 12.

³⁴³ *Иакинф.* Статистическое и политическое описание Китайской Империи. СПб., 1842. Ч. 2. С. 92.

³⁴⁴ Там же. С. 2.

³⁴⁵ Тимковский Егор Федорович (1790–1875) — дипломат, тайный советник, автор «Путешествия в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах» (СПб., 1824).

³⁴⁶ *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай через Монголию. СПб., 1842. Ч. 3. С. 297.

³⁴⁷ *Баторский А. А.* Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 2. С. 3.

³⁴⁸ Там же. С. 14.

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Там же. С. 12–13.

³⁵² Попов В. Л. Через Саяны и Монголию. Ч. 1. Омск, 1905. С. 12.

Монгольских гостей угощали обычно чаем, коньяком, бараниной, языками, колбасой, рыбными консервами, конфетами.

³⁵³ Там же. С. 13. В Улясутае В. Попову при встрече со старшим помощником *цзянь-цзюня* (военного губернатора) «удалось стать с ним настолько в хорошие отношения, что он тут же передал мне свою фотографию с сердечною надписью, а потом прислал еще и фотографию своей семьи, в знак нашей дружбы» (Там же, с. 73).

³⁵⁴ Там же. С. 125.

³⁵⁵ Там же. С. 129–130.

³⁵⁶ Амбань-нойон — правитель хошуна в Урянхайских землях.

³⁵⁷ Баранов А. Барга и Халха. Харбин, 1905. С. 2 (*Материалы по Маньчжурии и Монголии*. Вып. 2).

³⁵⁸ Там же. С. 5.

³⁵⁹ Камлание — мистический обряд общения с духами, во время которого шаман, впадающий в транс, общается с ними; сопровождается ритуальным пением, танцем и ударами в бубен. Об участии шамана в похоронной церемонии см.: *Bojkova E. Shamanistic Funeral Rites in Mongolia from the Russian Archives // Shamanism. An Encyclopedia of World Beliefs, Practices and Culture. Santa Barbara 2004. P. 558–561.*

³⁶⁰ Баранов А. Барга и Халха. С. 2.

³⁶¹ Баргуты — монголоязычный народ, проживающий главным образом на севере Внутренней Монголии (Китай).

³⁶² Новицкий В. Ф. По Восточной Монголии // Сборник материалов по Азии. Вып. 80. СПб., 1907. С. 17.

³⁶³ Там же. С. 18.

³⁶⁴ Там же. С. 21.

³⁶⁵ Кушелев Георгий (так в библиографическом словаре «Русские военные востоковеды». — Е. Б.) Владимирович (1881 — ?), штабс-капитан. В 1911 г. участвовал в экспедиции по Монголии.

³⁶⁶ Кушелев Ю. Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию // Сборник материалов по Азии. Вып. 86. СПб., 1913. С. 293.

³⁶⁷ Там же. С. 292.

³⁶⁸ Дорофеев И. В. Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию Прикомандированного к Штабу Омского военного округа Подъесаула 1-го Сибирского Казачьего Ермака Тимофеева полка Дорофеева. Омск, 1912. С. 90.

³⁶⁹ Там же. С. 91.

³⁷⁰ Там же. С. 92.

³⁷¹ Там же. С. 92–93.

³⁷² Там же. С. 93.

³⁷³ Там же. С. 94.

³⁷⁴ Маймачен — название китайских торговых поселений во Внешней Монголии в XIX — начале XX века; общее название торговых предместий, которые обыкновенно стоят отдельно от городов и обнесены деревянной стеной.

³⁷⁵ *Тонких И. В.* Материалы по описанию Монголии. Отчет о поездке в Северную Монголию Генерального штаба капитана Тонких в сентябре и октябре 1912 года. Иркутск, 1913. С. 100.

³⁷⁶ Харламов Сергей Дмитриевич (1881–1965), капитан Генерального штаба. Служил в Генеральном штабе, в 1912–1914 гг. в Иркутском военном округе (при штабе, затем в разведывательном отделении). В 1914 г. совершил секретную поездку по Северо-Восточной Монголии для сбора военно-географических и статистических сведений, а также для описания маршрутов и путей движения из России вглубь Монголии и Маньчжурии. Участник Первой мировой войны.

³⁷⁷ *Харламов С. Д.* Монголия. Иркутск, 1914 (Иркутский военный округ. Военно-географическое и военно-статистическое описание приграничной полосы. Вып. 2).

³⁷⁸ Там же. С. 327.

³⁷⁹ Там же. С. 327–328.

³⁸⁰ Там же. С. 414.

³⁸¹ Там же. С. 414–415.

³⁸² Там же. С. 329.

³⁸³ *Евтюгин И. А.* Краткая записка о путях, ведущих из Забайкальской области в г. Пекин, пройденных летом 1882 г. // Сборник материалов по Азии. Вып. 1. СПб., 1883. С. 332.

³⁸⁴ *Путята Д. В.* Указ. соч. С. 152.

³⁸⁵ Там же. С. 176.

³⁸⁶ Там же.

³⁸⁷ *Попов В. Л.* Через Саяны и Монголию. С. 78.

³⁸⁸ *Дорофеев И. В.* Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию. С. 101.

³⁸⁹ Там же. С. 100.

³⁹⁰ Там же. С. 101.

³⁹¹ Харламов С. Д. Монголия. С. 246.

³⁹² Баторский А. А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 2. С. 55.

³⁹³ Там же. С. 56.

³⁹⁴ Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной Нагорной Азии. Т. 1. СПб., 1875. С. 54.

³⁹⁵ Баторский А. А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 2. С. 56–57.

³⁹⁶ Там же. С. 57.

³⁹⁷ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. СПб., 1912. Годом позже, в 1913 г., его отчет о поездке в Монголию был опубликован в «Сборнике материалов по Азии». Книга и отчет, изданный в закрытом сборнике, во многих местах совпадают текстуально, но в отчете, именно в силу его служебного предназначения, содержатся оценки, которые не могли попасть в книгу по политическим соображениям.

³⁹⁸ Кушелев Ю. Отчет о поездке с военно-научною целью в Монголию. С. 284.

³⁹⁹ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. С. 1.

⁴⁰⁰ Там же. С. 50.

⁴⁰¹ Там же. С. 53.

⁴⁰² См.: Лузянин С. Г. Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000. С. 42–43.

⁴⁰³ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. С. 5.

⁴⁰⁴ Там же. С. 3, 4.

⁴⁰⁵ Кушелев Ю. Отчет о поездке с военно-научною целью в Монголию. С. 286. Здесь надо уточнить, как Ю. Кушелев объяснял понятие «буфер». В своей книге «Монголия и монгольский вопрос», изданной в открытой печати, он писал следующее: «...Монголия считалась буфером еще потому, что существовало убеждение, что ее огромная территория на громадном пространстве покрыта сыпучими песками, дикими горами, лишена орошения, путей сообщения и средств продовольствия, обладает суровым, невыносимым климатом, и вообще совершенно непригодна для заселения культурным оседлым народом, а равно не годится и как театр военных действий для ведения серьезных военных операций. Однако, за последние годы начали поступать и совершенно иные сведения. Оказывалось,

что китайцы переливаются могучей волной в застенный Китай, т. е. в Монголию, что колонизация ими ближайших земель последней уже осуществлена, и что недалек тот день, когда вся территория Монголии, совсем не бесплодная, а наоборот богатая, может быть сохранив лишь свое название, на самом деле делается настоящим Китаем» (с. 4).

Справедливости ради, сославшись на А. А. Баторского, скажем, что и Китаю обладание Монголией представлялось выгодным, кроме всего остального, еще и в военном отношении, в смысле обеспечения безопасности своих границ с монгольской стороны. «При установившемся взгляде на непроходимость описываемой страны, китайцы считают Монголию как бы заслоном, или недоступной преградой, обеспечивающей застенные владения срединной империи от каких бы то ни было покушений ее северного соседа» (*Баторский А. А. Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Ч. 2. С. 55*).

⁴⁰⁶ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. С. 83.

⁴⁰⁷ Там же. С. 120.

⁴⁰⁸ Харламов С. Д. Монголия. С. 332.

⁴⁰⁹ Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. С. 112.

⁴¹⁰ Цит. по: Кушелев Ю. Монголия и монгольский вопрос. С. 113–114.

⁴¹¹ Кушелев Ю. Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию. С. 314.

⁴¹² Там же. С. 295.

⁴¹³ Стрельбицкий И. И. Отчет о семимесячном путешествии по Монголии и Маньчжурии в 1894 году (Хулумбур и Хинган) // Сборник материалов по Азии. Вып. 67. СПб., 1896. С. 50.

⁴¹⁴ Там же. С. 61–62.

⁴¹⁵ Попов В. Л. Через Саяны и Монголию. С. 159. Согласно данным, собранным В. Л. Поповым, Сибирь получала из Монголии и Урянхайского края через долину Иркуты всего до 30 тыс. голов разного скота, а в Китай из Монголии перегонялось только баранов сотни тысяч голов, а также другие виды скота.

⁴¹⁶ Там же. С. 4.

⁴¹⁷ В 1903 г. при поддержке Министерства финансов в Северо-Западную Монголию был направлен Г. Е. Грум-Гржимайло со специальной целью — исследовать экономические вопросы и изучить Монголию как торговый рынок. Маршрут его экспедиции проходил

через главные торговые пункты на территории Монголии — Зайсан, Кобдо, Улясутай, Улукем, Улангом, Кош-агач.

⁴¹⁸ *Попов В. Л.* Через Саяны и Монголию. С. 165.

⁴¹⁹ АВПРИ, ф. 188 «Миссия в Пекине», оп. 761 (1906–1907), д. 367, л. 5.

⁴²⁰ В 1911 г. дело дошло даже до того, что китайское правительство предприняло ряд мер, направленных на то, чтобы «раздружить» русских и монголов, проживавших по обе стороны границы: монголов, поддерживавших дружеские отношения с российскими бурятами и казаками, было решено переселить из приграничной полосы и заменить их китайцами — колонистами из внутреннего Китая. Помимо этого, войска из внутренних районов Китая были переведены в Северную Монголию на новое место дислокации.

⁴²¹ АВПРИ, ф. 188 «Миссия в Пекине», оп. 761 (1906–1907), д. 367, л. 500.

⁴²² *Евтюгин И. А.* Указ. соч. С. 329.

⁴²³ *Бернов Э. И.* Поездка подполковника Бернова в Монголию и Маньчжурию в 1889 году // Сборник материалов по Азии. Вып. 45. СПб., 1891. С. 10.

⁴²⁴ Там же.

⁴²⁵ До Синьхайской революции 1911 г. маньчжурское правительство официально запрещало китайским мигрантам, в основном купцам, привозить с собой в Монголию семьи; китайцев в Монголии практически не было (исключение составлял только г. Кобдо). Браки китайцев с монголками также были официально запрещены, однако формально они допускались, но обычно существовали в форме сожительства (временные браки). Российский консул Я. П. Шишмарев писал, что таких браков насчитывалось несколько тысяч (АВПРИ, фонд 161; СПб. Главный Архив. I–9, 1863 г., оп. 8, д. 15, л. 62 об.–63).

Б. Имшенецкий в своей книге «Монголия» писал, что в «последнее время, все чаще и чаще, монголки сходятся на время в гражданский брак с китайцами... Родившиеся от такого брака дети, по достижении известного времени, увозятся отцами на родину и воспитываются, как китаенки» (с. 28). В свою очередь, И. М. Майский сообщил, что китайцы, которые иногда «приживают» детей в браке с монголками, «почти всегда, в конце концов, бросают [их], возвращаясь к себе на родину» (Современная Монголия. Иркутск, 1921. С. 42). О браках китайцев с монголками в дореволюционной Монголии см.

также: *Boikova E. Common-Law Marriage in Pre-Revolutionary Mongolia // The Role of Women in the Altaic World. Wiesbaden 2007. S. 37.*

⁴²⁶ *Бернов Э.И.* Указ. соч. С. 10. Вероятно, Э.И. Бернов ошибался, когда писал о частых браках монголов с китайками. Если такие случаи и были, то крайне редко.

⁴²⁷ Чахары — монголоязычный народ, территория которого в настоящее время входит в КНР. Проживают в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и Автономном районе Внутренняя Монголия.

⁴²⁸ *Бернов Э.И.* Указ. соч. С. 10–11.

⁴²⁹ *Путята Д.В.* Указ. соч. С. 175.

⁴³⁰ Вероятно, под корольком в данном случае подразумевается слиток благородного металла в виде маленького шарика.

⁴³¹ *Путята Д.В.* Указ. соч. С. 175–176.

⁴³² Там же. С. 176.

⁴³³ *Баранов А.* Северо-Восточные сеймы Монголии. Харбин, 1907. С. 2 (*Материалы по Маньчжурии и Монголии.* Вып. 16).

⁴³⁴ Имеются в виду члены партизанского отряда, который возглавлял Э. Тогтохо (1863–1922). После того как цинское правительство в начале XX века начало колонизацию земель Внутренней Монголии ханьцами, в 1907 г. он создал партизанско-разбойничий отряд, занимавшийся грабежами и убийствами китайцев во Внутренней Монголии при негласной поддержке монгольского населения. В результате столкновений с регулярными войсками Цинов в 1910 г. отряд был вытеснен из Внутренней Монголии в Цэцэн-ханский аймак Внешней Монголии. После ранения Тогтохо был переправлен в Россию, откуда в 1911 г. вернулся в Ургу. Богдо-гэгэн назначил его начальником собственной гвардии и возвел в княжеский чин. В 1913–1914 гг. он воевал за освобождение Внутренней Монголии; в 1912–1917 гг. служил в Военном министерстве, был прикомандирован к русской военной школе в Урге. В 1914–1919 гг. был членом Малого государственного хурала Монголии. Летом 1921 г. примкнул к Народной революции. В 1922 г. был обвинен в участии в контрреволюционном заговоре, руководимом премьер-министром Д. Бодоо, и вскоре расстрелян. Подробнее о Э. Тогтохо см.: *Даревская Е.М.* Партизанский отряд Тогтохо-Тайджи в Сибири // Сибирский исторический сборник. Вып. 3. Иркутск, 1975. С. 144–166.

⁴³⁵ *Тонких И.В.* Указ. соч. С. 34.

⁴³⁶ Далемба (далимба) — хлопчатобумажная ткань, преимущественно американского и английского производства, поступала

в Монголию из Китая, где окрашивалась в мастерских в любимые монголами цвета, чаще синий и красный. Использовалась монголами для покрытия верхней одежды, на легкие покрывала, для изготовления мужской и женской одежды и белья. Также экспортировалась в Сибирь и Забайкалье.

⁴³⁷ *Тонких И. В.* Указ. соч. С. 34–35.

⁴³⁸ См.: *Бойкова Е. В.* Соперничество России, Японии и Китая в Монголии в сфере образования (начало XX в.) // Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития. СПб., 2005. С. 36.

⁴³⁹ *Narangoa Li.* Japanese Geopolitics and the Mongol Lands, 1915–1945 // *European Journal of East Asia Studies.* 2004. Vol. 3. № 1. P. 62–63.

⁴⁴⁰ АВПРИ, фонд 143, опись 491, дело 596, л. 7–7 об.

⁴⁴¹ *Баранов А.* Северо-Восточные сеймы Монголии. С. 4–5.

⁴⁴² Покотилов Дмитрий Дмитриевич (1865–1908) — русский дипломат и предприниматель. После окончания Восточного факультета Санкт-Петербургского университета поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел и был командирован в Китай. В 1895 г. был назначен директором Пекинского отделения вновь учрежденного Русско-Китайского банка. С января 1897 г. официальный агент Министерства финансов в Китае. В 1897 г. вошел в руководящий комитет «Синдиката для разработки рудных богатств Китая». Принимал активное участие в переговорах с китайской стороной о статусе КВЖД и Порт-Артура. В 1905–1908 гг. — посланник России в Китае. Автор исследования «История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам)» (СПб., 1893).

⁴⁴³ АВПРИ, ф. 188 «Миссия в Пекине», оп. 761 (1906–1907), л. 290.

⁴⁴⁴ Там же, л. 406, 407.

⁴⁴⁵ Там же, л. 451.

⁴⁴⁶ *Баранов А.* Монголия. Барга и Халха. С. 55.

⁴⁴⁷ Там же.

⁴⁴⁸ *Баранов А.* Харачины в хошуне Чжасакту-вана. Харбин, 1907. С. 13 (*Материалы по Маньчжурии и Монголии.* Вып. 10).

⁴⁴⁹ Там же. С. 13.

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ *Бойкова Е. В.* Соперничество России, Японии и Китая в Монголии в сфере образования (начало XX в.). С. 36–44.

⁴⁵² Баранов А. Харачины в хошуне Чжасаху-вана. С. 14.

⁴⁵³ АВПРИ, ф. 188 «Миссия в Пекине», оп. 761 (1906–1907), д. 367, л. 5.

⁴⁵⁴ Деятельностью агентуры в Монголии руководил Штаб Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Обязанности агентуры сводились к изучению политической ситуации в стране, а также монгольского рынка с точки зрения перспектив здесь российской торговли. Изучались пути передвижения, качество дорог, средства передвижения, стоимость перевозки грузов, численность населения как возможного потребителя российских товаров, количество скота, шерсти, торговые центры, присутствие торговцев-иностранцев и проч., что давало возможность быть в курсе ситуации в Монголии.

⁴⁵⁵ Хитрово Александр Дмитриевич (1860–1921) — подполковник Генерального штаба, организатор царской разведки в Монголии («монгольской агентуры»). До 1906 г. служил в разведотделе Штаба Заамурского военного округа (Харбин). С 1906 г. — кяхтинский пограничный комиссар. Много сделал для усиления русского влияния в Монголии. В 1921 г. был расстрелян в Урге по приказу барона Унгерна.

Вот что писал об А. Д. Хитрово русский дипломатический чиновник в Цицикаре Н. Поппе: «Хитрово имеет большой круг знакомства среди монгол, стекающихся к нему отовсюду за всякими пустяками — получить дегтярного мыла или карболового масла для лечебных целей, купить 2–3 фунта порошу или 50–100 штук патронов. Таким образом, у него самого связь ежедневная, причем он не отказывает монголам решительно ни в чем, терпеливо выслушивая и расспрашивая их, что дает ему возможность за незначительные расходы быть в полном курсе всего происходящего в Монголии. ... Хитрово ... на все смотрит с чисто практической точки зрения и донесения его дают ряд фактов, по коим можно составить себе правильное понятие о положении страны. Он безусловно не честолюбив и не корыстен, почему смею думать, что он работает исключительно ради идеи» (АВПРИ, ф. 188 «Миссия в Пекине», оп. 761 (1906–1907), д. 367, л. 49 об. — 50, 51 об.).

⁴⁵⁶ АВПРИ, ф. 188 «Миссия в Пекине», оп. 761 (1906–1907), д. 367, л. 23 об. Иногда число участников экспедиции доходило до 40–50 человек.

⁴⁵⁷ АВПРИ, ф. 188 «Миссия в Пекине», оп. 761 (1906–1907), д. 367, л. 5–5 об.

⁴⁵⁸ В своем отчете А.Д. Хитрово записал, что экспедиция сложилась настолько успешно, полученные данные были крайне важными, экспедиция всегда имела возможность сравнительно своевременно доносить обо всем в военные округа, и потому командование продолжило ее срок до 14 месяцев. «И даже до настоящего времени к ее чинам, где бы они ни находились, как бы по инерции, не перестают притекать от монголов те или другие разведочного характера сведения» (АВПРИ, ф. 188 «Миссия в Пекине», оп. 761 (1906–1907), д. 367, л. 7).

⁴⁵⁹ АВПРИ, ф. 188 «Миссия в Пекине», оп. 761 (1906–1907), д. 367, л. 5 об.

⁴⁶⁰ Там же, л. 6.

⁴⁶¹ АВПРИ, ф. 188 «Миссия в Пекине», оп. 761 (1906–1907), д. 367, л. 6 об.

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Там же, л. 7 об.

⁴⁶⁴ Там же, л. 8.

⁴⁶⁵ Там же.

⁴⁶⁶ Там же, л. 9.

⁴⁶⁷ Там же, л. 9 об.

⁴⁶⁸ Там же, л. 10 об.

⁴⁶⁹ Одна из крупных операций японо-хунхузов, пишет А.Д. Хитрово, заключалась в том, чтобы обрушиться перед Мукденскими боями на железную дорогу в тыл российской армии, между станциями Куанчендзы и Гунчжулин. Группа более 1000 человек, в т. ч. 200 японцев, совершив для этого обход вглубь Монголии на запад и оттуда сделав круг, направилась к железной дороге, но на пути своем неожиданно наткнулась на «какую-то русскую маленькую партию, нашу экспедицию, которую они посчитали за разъезд от более значительного отряда; вследствие дальнейшей за нами разведки они задержались на 5 дней и прибыли к железной дороге к мосту Фанцзятунь в то время, когда уже об их наступлении Заамурский Округ был экспедицией предупрежден» (АВПРИ, ф. 188 «Миссия в Пекине», оп. 761 (1906–1907), д. 367, л. 11 об.–12).

⁴⁷⁰ Район Харбина.

⁴⁷¹ АВПРИ, ф. 188 «Миссия в Пекине», оп. 761 (1906–1907), д. 367, л. 24 об.

⁴⁷² Там же, л. 11 об.

⁴⁷³ Там же, л. 13.

⁴⁷⁴ Там же, л. 16 об.

⁴⁷⁵ Там же.

⁴⁷⁶ Там же, л. 33 об.

⁴⁷⁷ Там же, л. 33 об.—34.

⁴⁷⁸ Там же. Д, 367, л. 19.

⁴⁷⁹ Там же, л. 21.

⁴⁸⁰ Там же, л. 21 об.

⁴⁸¹ Там же, л. 32 об.

⁴⁸² Там же, л. 34 об.

Заключение

⁴⁸³ Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. Автор-составитель М. К. Басханов. М., 2005. С. 5.

⁴⁸⁴ *Снесарев А. Е.* Практическое изучение Востока // Народы Азии и Африки. М., 1986. № 4. С. 125.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные материалы

- Архив внешней политики Российской империи. Ф. 143, оп. 491, д. 596; ф. 188 «Миссия в Пекине», оп. 761 (1906–1907), д. 308, 367; ф. 161 (СПб. Главный Архив. I — 9, 1863 г.), оп. 8, д. 15
- Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 401, оп. 4/928, д. 40; ф. 40, оп. 1, д. 2043 (1822–1863); ф. 447, оп. 1, д. 8, 10, 63, 76, 226, 318.
- Архив Русского географического общества. Ф. 13, оп. 1, д. 55; оп. 2, д. 185.

Справочные издания

- Военная энциклопедия/Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. Фон-Шварца и др. В 18 т. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915.
- Советский энциклопедический словарь. Изд. 3-е. М.: Советская энциклопедия, 1985.
- Энциклопедический словарь/Под ред. И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. Издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1890–1907 (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона).

Труды российских путешественников и исследователей Центральной Азии и Монголии

на русском языке

- Атлас всех пяти частей света. Сочинен офицерами и гравирован кантонистами Военно-топографического депо. СПб., 1827.
- Баранов А. М. Барга. Харбин: Типо-лит. Штаба Заамурского округа Погран. стражи, 1912.

- Баранов А.М.** Краткие сведения о политическом состоянии Монголии. Добыты экспедициею Заамурского округа под начальством ротмистра Баранова. Харбин: Типо-лит. Штаба Заамурского округа, 1906 (*Материалы по Маньчжурии и Монголии. Вып. 4*).
- Баранов А.М.** Монголия. Барга и Халха. Харбин: Типо-лит. Штаба Заамурского округа, 1905 (*Материалы по Маньчжурии и Монголии. Вып. 2*).
- Баранов А.М.** Северо-Восточные сеймы Монголии. Харбин: Типо-лит. Штаба Заамурского округа Погран. стражи, 1907 (*Материалы по Маньчжурии и Монголии. Вып. 16*).
- Баранов А.М.** Харачины в хошуне Чжасаху-вана. Харбин: Типо-лит. Штаба Заамурского округа отд. корпуса Погран. стражи, 1907 (*Материалы по Маньчжурии и Монголии. Вып. 10*).
- Баторский А.А.** Опыт военно-статистического очерка Монголии Ген. Шт. полковника А. А. Баторского. Ч. 1. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1889 (*Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 37*).
- Баторский А.А.** Монголия. Опыт военно-статистического очерка. Командира 2-го драгунского С.-Петербургского Генерал-Фельдмаршала Князя Меншикова полка А.А. Баторского. Ч. 2. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1891 (*Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 48*).
- Беннигсен А.П.** Несколько данных о современной Монголии. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912.
- Бернов.** Поездка Подполковника Бернова в Монголию и Маньчжурию в 1889 году // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 45. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1891.
- Боголепов М.И. и Соболев М.Н.** Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция в Монголию 1910 года. Томск: Типо-лит. Сибирского т-ва печатного дела, 1911 (*Труды Томского общества изучения Сибири. Т. 1*).
- Бородовский.** Заметка о животном и растительном мирах по пути экспедиции [в Хинган в 1891 г.] // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 50. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1892.

- Братья Бутины.** Исторический очерк сношений русских с Китаем и описание пути с границы Нерчинского Округа в Тянь-дзин // Известия Сибирского отдела ИРГО. Т. 1. № 4–5. Иркутск, 1871.
- Владимирцов Б. Я.** Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002.
- Гаупт В. В.** Заметки на пути из Кяхты в Ургу в 1850 году // Записки Сибирского отдела ИРГО. Кн. 5. СПб., 1858.
- Грум-Гржимайло Г. Е.** Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 1. СПб., 1914; Т. 2–3 (Вып. 1–2). Л.: Невская типография, 1926–1930.
- Дорофеев.** Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию Прикомандированного к Штабу Омского Военного округа Подъесаула 1-го Сибирского Казачьего Ермака Тимофеевича полка Дорофеева. Под редакцией Начальника Штаба Омского военного округа Генерального Штаба Генерал-Лейтенанта Ходоровича. Омск: Изд. Штаба Омского воен. округа, 1912.
- Иакинф [Бичурин Н. Я.].** Записки о Монголии. Т. 1. Ч. 1–2; Т. 2. Ч. 3–4. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1828.
- Имшенецкий Б. И.** Монголия. Очерк. Пг.: Тип. П. П. Сойкина, 1915.
- Казнаков А. Н.** Мои пути по Монголии и Каму/Монголия и Кам. Труды экспедиции Императорского Русского географического общества, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П. К. Козлова. Т. 2. Вып. 1. СПб.: Типо-лит. «Герольд», 1907.
- Ковалевский Е. П.** Путешествие в Китай. Ч. 1–2. СПб.: Тип. Королева и Ко, 1853.
- Козлов П. К.** В азиатских просторах. Книга о жизни и путешествиях Н. М. Пржевальского. Хабаровск: Хабаровское книжн. изд-во, 1971.
- Козлов П. К.** В сердце Азии (Памяти Н. М. Пржевальского). СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1914 (Сер. «Знание для всех». № 1).
- Козлов П. К.** Великий русский путешественник Н. М. Пржевальский. Л.: Изд-во П. Сойкина, [1928].
- Козлов П. К.** Кам и обратный путь/Монголия и Кам. Труды экспедиции Императорского Русского географического общества, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П. К. Козлова. Т. 1. Ч. 2. СПб.: Типо-лит. «Герольд», 1906.

- Козлов П. К.** Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Экспедиция Русского Географического общества в нагорной Азии. М., Петроград: Гос. изд-во, 1923.
- Козлов П. К.** Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. 2-е, сокр. изд. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948.
- Козлов П. К.** По Монголии до границ Тибета/Монголия и Кам. Труды экспедиции Императорского Русского географического общества, совершенной в 1899–1901 гг. под руководством П. К. Козлова. Т. 1. Ч. 1. СПб.: Типо-лит. «Герольд», 1905.
- Козлов П. К.** Монголия и Кам. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899–1901 гг.). 2-е изд. (сокр.). М.: ОГИЗ, Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1947.
- Козлов П. К.** Отчет помощника начальника экспедиции/Труды экспедиции Императорского Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893–1895 гг. под начальством В. И. Роборовского. Ч. 2. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899.
- Козлов П. К.** По Монголии и Тибету. М.: Географгиз, 1956.
- Козлов П. К.** Путешествие в Монголию. 1923–1926. Дневники, подготовленные к печати Е. В. Козловой. М.: Гос изд-во геогр. лит-ры, 1949.
- Козлов П. К.** Русский путешественник в Центральной Азии. Избр. труды. К столетию со дня рождения (1863–1963). М.: Изд. АН СССР, 1963.
- Коншин.** Монголия. Джеримский сейм. Харбин: Типо-лит. Штаба Заамурского округа, 1905 (*Материалы по Маньчжурии и Монголии*. Вып. 1); Изд. 2-е. Харбин: Типо-лит. Штаба Заамурского округа, 1906.
- Костенко Л. Ф.** Чжунгария. Военно-статистический очерк // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 28. СПб.: Воен. тип., в здании Главн. штаба, 1887.
- Кудинов И. Ф.** В чужих краях. Путешествие по Монголии и Китаю. М.: Типо-лит. Т-ва М. Г. Кувшинова, 1887.
- Кушелев Ю.** Монголия и монгольский вопрос. СПб., 1912.
- Кушелев Ю.** Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию Л.-Гв. Гусарского полка поручика Кушелева // Сборник

- географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 87. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1913.
- Майский И. М.** Современная Монголия. (Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского центрального союза потребительных обществ «Центросоюз». Иркутск: Гос. изд-во РСФСР, Иркутск. отд., 1921.
- Матусовский З. Л.** Географическое обозрение Китайской империи с картою на четырех листах и пятью приложениями в тексте. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1888.
- Матусовский З. Л.** Карта к географическому обозрению Китайской империи, составленная по современным сведениям Матусовским и Никитиным. (Масштаб: 125 верст в дюйме). СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1888.
- Матусовский З. Л.** Топографические заметки о дороге, ведущей из г. Кобдо в г. Улясутай и оттуда на север в Минусинский край // Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествий, исполненных в 1876–1877 и 1879–1880 гг. Вып. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и Копм., 1881.
- Михеев.** Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию и Урянхайскую землю Генерального штаба капитана Михеева. СПб.: Воен. тип. (в зд. Гл. штаба), 1910.
- Московская торговая экспедиция в Монголию. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912.
- Новицкий В. Ф.** Военно-географический обзор района Восточной Монголии, обследованного в 1906 г. экспедицией Генерального Штаба полковника Новицкого // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 82. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1909.
- Новицкий В. Ф.** По Восточной Монголии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 80. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1907.
- Новицкий В. Ф.** Путешествие по Монголии, в пределах Тушету-хановского и Цецен-хановского аймаков Халхи, Шилин-гольского чигулгана и земель чахаров Внутренней Монголии, совершенное в 1906 году. СПб.: Военная типография, в здании Главного Штаба, 1911.

- Обручев В. А.** В дебрях Центральной Азии. Записки кладоискателя. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1956.
- Обручев В. А.** Центральная Азия, Северный Китай и Нань-Шань. Отчет о путешествии, совершенном по поручению Императорского Русского географического общества в 1892–1894 годах. Т. 1–2. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1900–1901.
- Орлов П. Д.** Топографическое описание пути, пройденного по северо-западной Монголии в 1879 году, штабс-капитаном Корпуса военных топографов Орловым // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 7. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1884.
- Палладий [Кафаров П. И.].** Дорожные заметки на пути по Монголии в 1847 и 1859 гг. // Записки ИРГО по общей географии. Т. XXII. Вып. 1. СПб., 1892.
- Певцов М. В.** В дебрях Азии (Очерки путешествия ген.-м. Певцова)/По подлиннику обработал Н. Соколов. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1897 (Сер. «Полезная библиотека»).
- Певцов М. В.** Краткий очерк путешествия по Монголии и внутреннему Китаю в 1878 и 1879 гг. // Известия ИРГО. 1880. Т. 16. Вып. 5. СПб., 1881.
- Певцов М. В.** Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая. Омск, 1883.
- Певцов М. В.** Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. 5. Омск, 1883.
- Певцов М. В.** Путевые очерки Джунгарии // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. 1. Омск, 1879.
- Певцов М. В.** Путешествия по Китаю и Монголии. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1951.
- Певцов М. В.** Путешествия по Китаю и Монголии. Путешествие в Кашгарию и Куньлунь. М.: Дрофа, 2010.
- Позднеев А. М.** Города Северной Монголии. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1880.
- Позднеев А. М.** Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1. Дневник и маршрут 1892 г.; Т. 2. Дневник и маршрут 1893 г. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1896–1898.

- Позднеев А.М.** Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887.
- Позднеев Г.Н.** Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1880.
- Попов В.Л.** Второе путешествие в Монголию 1910 года. Ч. 3. Исследование границы на участке Кяхта — Алтай (уряньхайский вопрос). Иркутск: Изд. Штаба Иркутск. воен. округа, [191–?].
- Попов В.Л.** Очерк Московской торговой экспедиции в Монголию // Московская торговая экспедиция в Монголию. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912.
- Попов В.Л.** Через Саяны и Монголию. Ч. 1. Очерк путешествия. (Отчет начальника Монгольской экспедиции, Генерального штаба капитана Попова). Омск: Тип. Штаба Сибирского воен. округа, 1905.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником оного Г.Н. Потаниным. Вып. 1. Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии С.З. Монголии. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1881; Вып. 2. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1881; Вып. 3. Дневник путешествия и материалы для физической географии и топографии С.З. Монголии. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1883; Вып. 4. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1883.
- Потанин Г.Н.** Путешествия по Монголии. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948.
- Потанин Г.Н.** Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголия. Путешествие 1884–1886 гг. Т. 1–2. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1893.
- Потанин Г.Н.** Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М.: Географиз, 1950.
- Пржевальский Н.М.** Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Жёлтой реки (Третье путешествие в Центральной Азии). СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883.

- Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. Т. 1–2. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875–1876.
- Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной нагорной Азии. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1946.
- Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1883. № 1.
- Пржевальский Н.М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор. Путешествие Н.М. Пржевальского. СПб.: Военно-топограф. отдел Главного штаба, 1878.
- Пржевальский Н.М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб Нор. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1947.
- Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима (Четвертое путешествие в Центральной Азии). СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888.
- Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Жёлтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948.
- Пржевальский Н.М. От Кяхты до Пекина. Из путевых заметок // Известия ИРГО. Т. VII. 1871. Отд. 2. СПб., 1872.
- Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948.
- Пржевальский Н.М. Разбор пограничных районов Притяньшаньского, Ургинского и Амурского // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1883. № 1.
- Пржевальский Н.М. Современное положение Центральной Азии. М.: Универ. тип. (М. Катков), 1887.
- Путешествия Г.Н. Потанина по Китаю, Тибету и Монголии/Обработаны по подлин. его соч. М. А. Лялиной. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1899 (Сер. «Русские путешественники-исследователи»).
- Путята Д.В. Заметка об операционном направлении в районе Хингана // Сборник географических, топографических и статисти-

- ческих материалов по Азии. Вып. 50. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1892.
- Путята Д.В.** Предварительный отчет об экспедиции в Хинган в 1891 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 50. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1892.
- Пясецкий П.Я.** Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. [Через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай]. Из дневника члена экспедиции. В 2-х т. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1880.
- Пясецкий П.Я.** Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай. Из дневника члена экспедиции. В 2-х т. Изд. 2-е. М.: В Университетской тип., 1882.
- Роборовский В.И.** Научные результаты экспедиции В.И. Роборовского/Труды экспедиции Императорского Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893–1895 гг. под начальством В.И. Роборовского. Ч. 3. СПб.: Экономическая типо-лит., 1899.
- Роборовский В.И.** Николай Михайлович Пржевальский в 1878–1888 гг. Воспоминания // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. 1892 г. Т. 73. СПб., 1892.
- Роборовский В.И.** Отчет начальника экспедиции/Труды экспедиции Императорского Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893–1895 гг. под начальством В.И. Роборовского. Ч. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900.
- Ровинский П.** Мои странствования по Монголии // Вестник Европы. Год 9-й. Т. 4. СПб., 1874.
- Свечников А.П.** Русские в Монголии (наблюдения и выводы). Сборник работ относительно Монголии (Халхи). СПб: Типолит. «Энергия», 1912.
- Сельский И.** Озеро Косогол и его нагорная долина, по сведениям, собранным членом-сотрудником Императорского Русского географического общества Пермикиным // Вестник ИРГО. 1858. Ч. 24. Вып. 2. СПб., 1858.

- Семёнов-Тян Шанский П.П.** История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества 1845–1895. Ч. 1–3. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1896.
- Сосновский Ю.А.** Отчет Булун-тохойской экспедиции // Записки ИРГО по общей географии. Т. 5. СПб., 1875.
- Сосновский Ю.А.** Пути между Булун-тохоем, Хобдо, Уясутаем и Баркулем // Известия ИРГО. 1874. Т. 10. Отд. 2. СПб., 1874.
- Сосновский Ю.А.** Русская учено-торговая экспедиция в Китай в 1874–1875 годах. СПб.: Тип. В.А. Полетики, 1876.
- Сосновский Ю.А.** Экспедиция в Китай в 1874–75 гг. // Известия ИРГО. 1876. Т. 12. Отд. 2. СПб., 1877.
- Сосновский Ю.А.** Экспедиция в Китай 1874–1875 гг. Т. 1. Ч. 1. М.: Тип. А. Иванова (б. Миллера), 1883.
- Стрельбицкий И.И.** Отчет о семимесячном путешествии по Монголии и Маньчжурии в 1894 году (Хулумбур и Хинган) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 67. СПб.: Воен. типогр., в здании Главн. штаба, 1896.
- Тимковский Е.Ф.** Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Ч. 1–3. СПб.: Тип. Мед. деп-та Министерства внутр. дел, 1824.
- Тонких И.В.** Материалы по описанию Монголии. Отчет о поездке в Северную Монголию Генерального Штаба Капитана Тонких в сентябре и октябре 1912 года. Иркутск: Штаб Иркутск. воен. округа, 1913.
- Харламов С.Д.** Монголия. Составил Генерального Штаба капитан Харламов, под редакцией Окружного Генерал-Квартирмейстера Генерал-Майора Сухомлина. Иркутск: Изд. Штаба округа, 1914. (Военно-географическое и военно-статистическое описание приграничной полосы. Вып. 2.)
- Шишмарев Я.П.** Поездка от города Урги на реку Онон // Записки Сибирского отдела ИРГО. Кн. 8. Иркутск, 1865.
- Шишмарев Я.П.** Сведения о халхаских владениях // Записки Сибирского Отдела ИРГО. Кн. 7. Иркутск, 1864.

на западноевропейских языках

- Piassetsky P.** Russian travellers in Mongolia and China. Transl. by J. Gordon-Cumming. In 2 vol. London: Chapman & Hall, 1884.
- Piassetsky P.** Voyage à travers la Mongolie et la Chine. Traduit du Russe avec l'autorisation de l'auteur par Aug. Kuscinski et contenant 90 gravures d'après les croquis de l'auteur et une carte. Paris: Librairie Hachette, 1883.
- Prejevalsky N. M.** From Kulja across the Tian Shan to Lob-Nor. Transl. by E. Delmar Morgan; Intr. by Sl. T. Douglas Forsyth. London: Sampson Low, Marston, Searle, & Rivington, 1879.
- Prejevalsky N. M.** Mongolia. The Tangut Country and the Solitudes of Northern Tibet. Narrative of Three Years' Travel in Eastern High Asia. Transl. by E. Delmar Morgan; Intr. and Notes by Henry Jule. Vol 1–2. London: Sampson Low, Marston, Searle, & Rivington, 1876.
- Prj valsky N.** Mongolie et pays des Tangoutes. Paris: Hachette, 1880.
- Prschewalski N.** Reisen in der Mongolei, im Gebiet der Tanguten und den Wüsten Nordtibets in den Jahren 1870 bis 1873. Aus dem Russischen und mit Anmerkungen versehen von Albin Kohn. Jena: Hermann Costenoble, 1881 (*Bibliothek geographischer Reisen und Entdeckungen älterer und neuerer Zeit. Bd 12*).
- Timkowski G.** Travels of the Russian Mission through Mongolia to China, and residence in Peking in the years 1820–1821, with corrections and notes by Klaproth. 2 vol. London: Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, 1827.
- Timkowski, G.** Reis naar China, door Mongolije, gedurende de jaren 1820 en 1821. 3 vol. Haarlem: Erven F. Bohn, 1826.
- Timkowski G.** Reise nach China durch die Mongoley in den Jahren 1820 und 1821. Aus dem Russischen übersetzt von M. J. A. E. Schmidt. 3 Bd. Leipzig: Gerhard Fleischer, 1825.
- Timkovski E. F.** Voyage à Péking, à travers la Mongolie en 1820 et 1821. Traduit du russe par M. N*****, revu par M. J.-B. Eyriès, avec des Corrections et des Notes, par J. Klaproth. 2 vol. Paris: Dondey-Dupré père et fils, 1827.

Литература

на русском языке

- Агеева Е. А.** Из истории взаимоотношений предпринимателей и исследователей или экспедиция в Монголию 1910–11 годов // Прохоровские чтения. Мат-лы науч.-практ. конф. М.: ЭКОН, АО «Трехгорная мануфактура», 1999.
- Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я.** Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М.: Кучково поле, 2012.
- Андреев А. И.** От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб. ; Самара ; Прага: ООО «Агни», 1997.
- Андреев А. И., Юсупова Т. И.** П. К. Козлов и его Монголо-Тибетская экспедиция 1923–1926 гг. // Петр Кузьмич Козлов. Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926. СПб.: Наука, 2003.
- Андрей Евгеньевич Снесарев** (Жизнь и научная деятельность). М.: Наука, 1973.
- Базылева Е. А.** Фрагменты истории освоения Сибири на страницах изданий Императорского Русского географического общества // Первые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра». Мат-лы регион. науч. конф. (Новосибирск, 21 декабря 2008 г.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009.
- Банников А. Г.** Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков. М.: Географгиз, 1949 (Сер. «Русские путешественники»).
- Бартольд В. В.** История изучения Востока в Европе и в России. Лекции, читанные в Имп. С.-Петербургском университете. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911.
- Басханов М. К.** Русские военные востоковеды до 1917 г. Биобиблиографический словарь. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2005.
- Баян О. А.** Первые исследователи Центральной Азии. М.: Географгиз, 1946.
- Бейкер Д.** История географических открытий и исследований. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950.

- Белов Е. А.** Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: ИВ РАН, 1999.
- Берг Л. С.** Очерки по истории русских географических открытий. М. ; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946.
- Битюков Г. С.** Великий путешественник и географ Н. М. Пржевальский. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1962.
- Битюков Г. С.** Жизнь и путешествия Н. М. Пржевальского. Фрунзе: Киргизгосиздат, 1963.
- Бойкова Е. В.** Монголия в политике России (конец XIX — начало XX вв.) // Владимирцовские чтения — V. Докл. Всеросс. науч. конф. (Москва, 16 ноября 2005 г.). М.: ИВ РАН, 2006.
- Бойкова Е. В.** Разработка компьютерной базы данных по российским экспедициям в Монголию (конец XIX — начало XX вв.) // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. Вып. 7. М.: ИВ РАН, 1999.
- Бойкова Е. В.** Российские военные экспедиции в Монголии в конце XIX века // Altaica I. М.: ИВ РАН, 1997.
- Бойкова Е. В.** Российские путешественники в Монголии во второй половине XIX — нач. XX вв.: взгляд на чужую культуру // Культурное пространство путешествий. Мат-лы науч. форума. СПб.: Центр изучения культуры, 2003.
- Бойкова Е. В.** Российский консул Я. П. Шишмарев — исследователь Монголии // Altaica VII. М.: ИВ РАН, 2002.
- Бойкова Е. В.** Русская учено-торговая экспедиция в Китай (1874–1875). Материалы о Монголии // Altaica II. М.: ИВ РАН, 1998.
- Бойкова Е. В.** Создание базы данных по российским экспедициям в Монголию в конце XIX — начале XX вв. // VII Межд. конгресс монголоведов. Докл. рос. дел. М.: ИВ РАН, 1997.
- Бойкова Е. В.** Соперничество России, Японии и Китая в Монголии в сфере образования (начало XX в.) // Российско-китайские научные связи: проблемы становления и развития. СПб.: Изд-во СПб. ин-та истории РАН «Нестор — История», 2005.
- Бондаренко М. Б.** Миссия Кодамы в Монголию (август 1913 года) // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников ИВАН. Т. 1. М., 1989.
- Борисова И. Д.** Россия и Монголия: очерки истории российско-монгольских и советско-монгольских отношений (1911–1940 гг.). Владимир: Изд-во ВГПУ, 1997.

- Буяков А. М.** Подготовка офицеров в Восточном институте // Известия Восточного института Дальневосточного Государственного университета. Владивосток, 1994. № 1.
- Венюков М. И.** Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1873.
- Венюков М. И.** Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1868.
- Веселовский Н. И.** История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1900.
- Гавриленков В. М.** Русский путешественник Н. М. Пржевальский. М.: Московский рабочий, 1974.
- Гавриленкова Е. П.** Неизвестные страницы биографии Н. М. Пржевальского (160-летию со дня рождения посвящается). Смоленск: СППУ, 1999.
- Гацунаев Н. К.** Географы и путешественники. Краткий биографический словарь. М.: Изд. «Рипол классик», 2000.
- Глушков В. В.** История военной картографии в России (XVIII — начало XX в.). М.: ИДЭЛ, 2007.
- Глушков В. В., Черевко К. Е.** Русско-японская война 1904–1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России: факты и комментарии. М.: ИДЭЛ, 2006.
- Глушков В. В., Шаравин А. А.** На карте Генерального штаба — Маньчжурия. Накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. М.: Ин-т полит. и воен. анализа, 2000.
- Гнатюк Т. Ю.** Экспедиционный транспорт русских путешественников по Центральной Азии в XIX — начале XX в. // Altaica XIII. М.: ИВ РАН, 2008.
- Головачев П. М.** Россия на Дальнем Востоке. СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1904.
- Гримм Э. Д.** Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Изд. Института востоковедения, 1927.
- Грумм-Гржимайло А. Г.** Дела и дни Г. Е. Грумм-Гржимайло (путешественника и географа). 1860–1936. М.: МОИП, 1947.

- Гусева И. А. Отечественная историография российско-монгольских отношений первой четверти XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005.
- Гюк Э. и Габэ Ж. Путешествие через Монголию в Тибет, к столице Тале-Ламы. М.: Изд. К. С. Генрих, 1866.
- Даревская Е. М. Партизанский отряд Тогтохо-тайджи в Сибири // Сибирский исторический сборник. Социально-экономическое и политическое развитие Сибири. Вып. 3. Иркутск, 1975.
- Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск: Изд. Иркутск. ун-та, 1994.
- Дмитриев В. В. Русский географ и путешественник П. К. Козлов. Смоленск: Смоленское обл. гос. изд-во, 1951.
- Дубровин Н. Ф. Николай Михайлович Пржевальский. СПб.: Военная типография, 1890.
- Дугаров В. Д. Взаимоотношения России и Монголии в XVII—XIX вв.: вопросы историографии. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского ун-та, 2004.
- Дэмбэрэл К. Монголия во внешней политике Японии в начале XX в. // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Доклады межд. науч.-практ. конф. 12–15 октября 1995 года. М. ; Иркутск: Арком, 1995.
- Единархова Н. Е. Яков Парфеньевич Шишмарев — русский консул в Монголии // Сибирский архив. Архивные документы. Публикации. Факты. Комментарии. Иркутск: Оттиск, 2000. Вып. 2.
- Житомирский С. В. Исследователь Монголии и Тибета П. К. Козлов. М.: Знание, 1989 (Сер. «Творцы науки и техники»).
- Жуковская Н. Л. Российские научно-исследовательские экспедиции в Монголию (XIX — XX вв.) // Симуков А. Д. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1. Осака: Гос. музей этнологии, 2007.
- Захаренко И. А. Формирование нового научного направления — военно-стратегическая география пограничного пространства // Вестник Академии военных наук. 2008. № 4 (25).
- Зеленин А. В. Путешествия Н. М. Пржевальского/Составил по подлинным сочинениям А. В. Зеленин. Т. 1–2. СПб.: Изд. П. П. Сойкина, 1899–1900 (Сер. «Всемирный путешественник»).

- Зотов О.** Евразия на путях в Китай: экзамен у Сунь-цзы (о планах походов в Китай Тамерлана и Пржевальского) // Вестник Евразии. 1996. №1 (2).
- Каприелов К. А.** Забытая экспедиция // Восточная коллекция. 2001. №4 (осень).
- Каратаев Н. М.** Николай Михайлович Пржевальский, первый исследователь природы Центральной Азии. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
- Киплинг Р.** Ким. М.: Высшая школа, 1990.
- Кляшторный С. Г., Колесников А. А.** Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1988.
- Колесников А. А.** Русские в Кашгарии (вторая половина XIX — начало XX в.). Миссии. Экспедиции. Путешествия. Бишкек: Раритет, 2006.
- Колесников А. А.** Русские военные исследователи Азии (XIX — начало XX веков). Душанбе: ДОНИШ, 1997.
- Кудрявцев Н.** Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. СПб.: Издательский Дом «Нева» ; М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002.
- Кузьмин Ю. В.** Монголия и Китай начала XX века в оценках российских военных исследователей. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007.
- Кузьмин Ю. В.** Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.). Иркутск: Изд. Иркутск. ун-та, 1997.
- Кузьмин Ю. В.** Монголия и русско-монгольские отношения начала XX века в общественно-политической мысли России // Актуальные вопросы истории российско-монгольских отношений первой четверти XX века. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013.
- Кузьмин Ю. В.** Офицеры Генерального штаба России о Монголии и Китае (нач. XX века) // Эв мод. 2007. №1.
- Кузьмин Ю. В.** Офицеры Генерального штаба России о национальных интересах России в Восточной Азии: Монголия и «Монгольский вопрос» (нач. XX в.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Мат-лы и тез. докл. к XI межд. науч.-практ. конф. (Иркутск, 13–16 мая 1998 г.). Т. 2. Иркутск: Изд. Иркутск. ун-та, 1998.

- Кузьмин Ю.В.** Полковник В.Л. Попов о русско-китайской границе и «Урянхайском вопросе» в начале XX века // Краеведческие записки/Иркутский областной краеведческий музей. Вып. 10. Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2003.
- Кузьмин Ю.В.** Русско-монголо-китайские отношения начала XX века в оценках российских военных // Силловые структуры России: страницы истории. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 2008.
- Кузьмин Ю.В.** Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношений. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2000.
- Куликова А.М.** Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.
- Куликова А.М.** Российское востоковедение XIX века в лицах. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001 (Сер. *«Архив российского востоковедения»*).
- Курныкина Г.И.** Из истории учено-торговой экспедиции 1874–1875 гг. (или «Наглядное знакомство с Китаем») // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2003.
- Леонтьев М.В.** Большая игра. Британская империя против России и СССР. М.: Астрель; СПб.: Астрель, 2012.
- Лялина М.А.** Путешествия Н.М. Пржевальского в Восточной и Центральной Азии. Обработаны по подлинным его сочинениям М.А. Лялиной. СПб.: Изд-во Девриена А.Ф., 1898 (Сер. *«Русские путешественники-исследователи»*).
- Лузянин С.Г.** Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000.
- Магидович И.П.** Очерки по истории географических открытий. М.: Просвещение, 1967.
- Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках.** Хронологические обзоры и описание архивных материалов/Сост. Гнучева В.Ф. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
- Межов В.И.** Библиография Азии. Указатель книг и статей об Азии на русском языке и одних только книг на иностранных языках, касающихся отношений России к азиатским государствам. Т. 1–3. СПб.: Изд. на средства Главного штаба, 1891–1894.

- Милютин Д. А.** Первые опыты военной статистики. Кн. 1–2. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1847–1848.
- Милютин Д. А.** Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. СПб.: Военная типография, 1846.
- Моисеев В. А.** Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2003.
- Морозов С. А.** Русские путешественники-фотографы. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1953.
- Мурзаев Э. М.** В далекой Азии: Очерки по истории изучения Средней и Центральной Азии в XIX–XX веках. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
- Мурзаев Э. М.** Великий русский географ и путешественник Н. М. Пржевальский. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества «Знание» в Москве. М.: Правда, 1950.
- Мурзаев Э. М.** Географические исследования Монгольской Народной Республики. М. ; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948.
- Мурзаев Э. М.** Монгольская Народная Республика. Физико-географическое описание. М.: Географгиз, 1948; изд. 2-е, доп. М.: Географгиз, 1952.
- Мурзаев Э. М.** На просторах Монголии // *Мурзаев Э. М.* Непроторенными путями. Записки географа. М.: Молодая гвардия, 1954.
- Мурзаев Э. М.** Н. М. Пржевальский. М.: Географгиз, 1953 (Сер. «Замечательные географы и путешественники»).
- Мурзаев Э. М.** Рассказы об ученых и путешественниках. М.: Мысль, 1979.
- Натсак О. Д.** «Монгольский вопрос» в русской общественной мысли конца XIX — начала XX в. // Общественная мысль в России: материалы дискуссии. М.: Изд-во РАГС, 1998.
- Обручев В. А.** Н. М. Пржевальский как путешественник и исследователь Центральной Азии (К 100-летию со дня рождения) // Вестник Академии наук СССР. 1939. №6.
- Обручев В. А.** От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай. М. ; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940.
- Обручев В. А.** Природа и жители Центральной Азии и ее юго-восточной окраины // Землеведение. 1896. Кн. 2.

- Обручев В. А.** Путешествия Потанина. М.: Молодая гвардия, 1953.
- Обручев В. В., Фрадкин Н. Г.** По Внутренней Азии. М. В. Певцов, В. А. Обручев. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1947.
- Овчинникова Т. Н.** П. К. Козлов — исследователь Центральной Азии. М.: Наука, 1964.
- Огурцов С. А.** Михаил Васильевич Певцов: географ-путешественник. Омск: Омское книжн. изд-во, 1960.
- Памяти Николая Михайловича Пржевальского. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1890.
- Петров М. П.** Региональные исследования Географического общества: Центральная Азия // Географическое общество за 125 лет. Л.: Наука, 1970.
- Петров Н. А.** Научные связи между востоковедами и путешественниками-географами в конце XIX и начале XX в. // Страны и народы Востока. Вып. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1959.
- Покотилов Д. Д.** История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 (по китайским источникам). СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893.
- Романов Г. И., Рашупкин Ю. М.** Урянхайский край в военной политике России (конец XIX — начало XX в.) // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Докл. Второй Межд. науч.-практ. конф. 11–14 августа 1997 г. Кн. 2. Москва, Иркутск, Тэгус: ООО «Листок», 1997.
- Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века.** СПб.: Славия, 2008.
- Рябчиков Ф. М.** А. Е. Снесарев как географ // Андрей Евгеньевич Снесарев (Жизнь и научная деятельность). М.: Наука, 1973.
- Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. — 2 ноября 1913 г.)/Министерство иностранных дел. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1914.
- Селиханович С. Г.** Михаил Васильевич Певцов: путешественник, географ и астроном. М.: Геодезиздат, 1956.
- Сергеев С. В., Долгов Е. И.** Военные топографы русской армии. М.: ЗАО «СиДи-Пресс», 2001.
- Серов В. М.** Становление Восточного института // Известия Восточного института Дальневосточного Государственного университета. Владивосток, 1994. № 1.

- Сибирский купец А. Д. Васенев/Сост., вступит. ст., прим., библиогр. А. В. Старцева. Ч. 1. Дневники. Ч. 2. Документы и письма. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1994.
- Сизова А. А. Противодействие учреждений МИД России в Монголии японской разведке в начале XX в. // 43-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». Т. 43. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2013.
- Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, 1977.
- Слесарчук Г. И. Физико-географический обзор // Монгольская Народная Республика. Справочник. М.: Наука, 1986.
- Снесарев А. Е. Введение в военную географию. М.: Типо-лит. Воен. акад. РККА, 1924.
- Снесарев А. Е. Практическое изучение Востока // Народы Азии и Африки. М., 1986. № 4.
- Снесарева Е. А. Андрей Евгеньевич Снесарев // Народы Азии и Африки. М., 1986. № 4.
- Старцев А. В. Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX — начале XX в. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2013.
- Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Неизвестный Пржевальский // Ариаварта. СПб., 1997. № 1.
- Токарев С. А. История русской этнографии. М.: Наука, 1966.
- Трофименко С. В. Китайский купец в Монголии глазами русских предпринимателей и исследователей (вторая половина XIX — начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4 (72). Т. 1.
- Улымжиев Д. Б. Монголоведение в России во второй половине XIX — начале XX в. Петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 1997.
- Хмельницкий С. И. Николай Михайлович Пржевальский. Л.: Молодая гвардия, 1950.
- Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М.: Рипол Классик, 2004.
- Чимитдоржиев Ш. Б. Бурят-монголы: история и современность (очерки). Раздумья монголоведа. Улан-Удэ: ИМБиТ СО РАН, 2000.

- Щукина Н.М.** Как создавалась карта Центральной Азии. Работы русских исследователей XIX и начала XX в. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1955.
- Энгельгардт М.А. Н.** Пржевальский. Его жизнь и путешествия. СПб.: Тип. И. Г. Салова, 1891 (Сер. «Жизнь замечательных людей»).
- Юсов Б.В. В. И.** Роборовский. М.: Географгиз, 1952.
- Яковлева Е.Н.** Библиография Монгольской Народной Республики. М.: Науч.-иссл. Ассоциация по изучению нац. и колониальн. проблем, 1935.

на английском языке

- Andreev A.** Soviet Russia and Tibet. The Debacle of Secret Diplomacy, 1918–1930s. Leiden ; Boston: Brill, 2003.
- Boikova E.** Common-Law Marriage in Pre-Revolutionary Mongolia // The Role of Women in the Altaic World. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007.
- Boikova E.** Creation of Database on the Socio-Economic and Political Situation in Mongolia in the Beginning of the XXth Century (on the materials of Russian expeditions) // Oriental Studies in the 20th Century: Achievements and Prospects. Abstracts of the papers of CIS scholars for the 35th ICANAS (Budapest, Jul. 7–12, 1997). Vol. 1. M., 1997.
- Boikova E.** On the development of a computer database on Russian expeditions to Mongolia // Aikakauskirja Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Vol. 88. Helsinki, 1999.
- Boikova E. P.** Pjasetskyj about his stay in Mongolia in 1874 // Actes de la 37e P.I.A.C. Conférence internationale permanente des études altaïques. Chantilly, 20–24 juin 1994. Paris: Laboratoire d'ethnologie et de sociologie comparative, 1996 (*Études Mongoles et Sibériennes*. Cahier 27).
- Boikova E.** Russian Military Expeditions to Mongolia at the Beginning of the Twentieth Century // Altaic Affinities. Proceedings of the 40th meeting of the Permanent International Altaistic Conference (PIAC). Provo, Utah (1997). Bloomington, Indiana Univ., Research Institute for Inner Asian Studies, 2001.

- Boikova E.** The Scientific and Artistic Heritage of P. Pyasetskyj // Proceedings of the 38th Permanent International Altaistic Conference (PIAC). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1996.
- Boykova E.** Shamanistic Funeral Rites in Mongolia from the Russian Archives // Shamanism. An Encyclopedia of World Beliefs, Practices and Culture. Vol. 2. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2004.
- Hopkirk P.** The Great Game: On Secret Service in High Asia. London: John Murray, 1990.
- Hopkirk P.** The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia. New York ; Tokyo ; London: Kodansha International, 1994.
- Mayer K.E. and Shareen B.B.** Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. London: Abacus, 2001.
- Narangoa Li.** Japanese Geopolitics and the Mongol Lands, 1915–1945 // European Journal of East Asia Studies. 2004. Vol. 3. №1.
- Salensky W.** Nikolai Mikhailovich Prjevalsky (1839–1888). London: Hurst And Blackett, 1907.

Интернет-ресурсы

www.gosarchiv-orel.ru/docs/Pavel%20Yakovlevich%20Pyasetckii.pdf
www.hasanskiy-dv.ru
http://history.nsc.ru/25_26_09_19.htm
www.irkipedia.ru/content/sibirskaya_ekspediciya_1855_1858_gg
http://www.juristlib.ru/book_10305.html
<http://lavrovit.narod.ru/persona/permikin.htm>
www.proza.ru/2012/03/05/995
<http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/87-1-0-286>
<http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/87-1-0-287>
<http://www.travelling.lv/ru/mongolia/roads>

SUMMARY

The fundamentals of the scientific school of Mongolian studies in Russia were laid in the 18th — 19th centuries. At that time, Russian Mongolistics occupied a leading position in the world.

The second half of the 19th century was the heyday of Mongolian studies in Russia. In world science names of such researchers of Mongolia as N.M. Przewalsky, G.E. Groom-Grjimalo, G.N. Potanin, M.V. Pevtsov, A.M. Pozdneev, P.K. Kozlov, B.Ja. Vladimirtsov, V.A. Obruchev are well-known. Many of them visited Mongolia on more than one occasion, and then published books and articles in which they described the country. Those scholars' contribution to Russian and world Mongolistics was acknowledged by the scientific community long ago. They were the ones who, in the 19th century, laid the foundation of systematical studies of Mongolia. The materials those scholars collected during their expeditions are still a valuable source for learning the political and socio-economic situation in Mongolia, its culture and in a broad sense — Mongolian civilization in the second half of the 19th — early 20th century.

Along with the forenamed well-known explorers of Mongolia there was a group of researchers of this country, who stayed in the background of their famous colleagues. Those were the officers of the General Staff of Russia, who made an invaluable contribution to the general study of Mongolia as well. The Mongolian line of research was one of the main topics in the complex of researches carried out by Russian army men in the countries adjacent to Russia.

In the second half of the 19th century Russian policy in Asia became more active. Since then, the study of the region was conducted primarily under the auspices of the War Ministry of the

Russian Empire, or with its support. Military reconnaissance expeditions led by officers such as A. M. Baranov, A. A. Batorskyi, E. I. Bernov, I. V. Dorofeev, I. A. Evtyugin, Konshin, V. F. Nowitskyi, P. D. Orlov, V. L. Popov, D. V. Putyata, I. I. Strelbitskyi, I. V. Tonkih and others were sent to Mongolia. The functions of those expeditions were quite specific, namely intelligence gathering of geographical, military and statistical information on certain areas of Mongolia.

By the middle of the 19th century, the vast territory of Mongolia had been little-investigated (except caravan routes), and therefore the data obtained by each reconnaissance expedition in different regions of the country became a contribution to the development of Mongolia's geography as well as of the cartography of Central Asia. Thanks to the researches of Russian geographers, including military officers, in Central Asia, geographical science in the 19th century gained further development worldwide.

For the general public, the results of their visits to Mongolia a large number of military explorers presented in the form of reports on their stay and research work in that country were not available for a long time. They were marked as "Not for publication" or "Confidential Information" and therefore only in-crowd officials could use them since the materials were mostly military-analytical. Such restrictions related to the reconnaissance character of the expeditions.

The military researchers systematized the information on Mongolia, which was important not only for the formation of Russia's foreign policy in the Far East in general, but in particular in regard to Mongolia. They managed to gather extensive data and unique research materials on the history, economy and ethnography of Mongolia.

Thanks to the scientific and practical activity of the military researchers such a branch of Oriental studies as Military Mongolistics was formed in Russia. It became a part of national Mongolian studies, which was one of the most developed and widely

known in the world in the second half of the 19th — early 20th century. The experience of military Mongolistics in pre-revolutionary Russia is completely unique, as no other country conducted such researches in Mongolia.

Along with their contribution to the formation of Mongolian studies in Russia, military investigators of Mongolia contributed to the development of trade and economic, political, diplomatic and cultural relations between Russia and Mongolia.